

Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний
Вологодский государственный университет

ISSN 2713-2811

IUS PUBLICUM ET PRIVATUM

**Сетевой
научно-практический журнал
частного и публичного права**

pravojournal.ru

2 (22) / 2023

Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний
Вологодский государственный университет

IUS PUBLICUM ET PRIVATUM

**Сетевой
научно-практический журнал
частного и публичного права**

№ 2 (22) ISSN 2713-2811
Вологда 2023

Издается с июня 2018 года
Выходит 4 раза в год

Учредители:

Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний»,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Вологодский государственный университет»

Главный редактор:
Е. Л. Харьковский

Все права защищены. Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.
Авторские материалы рецензируются и не возвращаются. Редакция сохраняет за собой право
производить сокращения и редакционные изменения рукописи

Представлен в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по трем научным специальностям: 5.1.1, 5.1.2, 5.1.4.

Дата выхода в свет: 30.06.2023

Журнал представлен на сайте в свободном бесплатном доступе
в полнотекстовом формате

Адрес редакции: 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2
Телефоны: (8172) 51-82-50, (8172) 51-46-12, (8172) 51-98-70
E-mail: ejournal@inbox.ru

Сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет: pravojournal.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер Эл № ФС77-76066 от 24 июня 2019 г. ISSN 2713-2811

© ВИПЭ ФСИН России, 2023

© ВоГУ, 2023

Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penitentiary Service of Russia
Vologda State University

IUS PUBLICUM ET PRIVATUM

**Online scientific and practical
journal of private and public law**

№ 2 (22) ISSN 2713-2811
Vologda 2023

Published since June 2018

Published four times a year

Founders:

VILE of the FPS of Russia (Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia),

VoSU (Vologda State University)

Editor-in-Chief:

Evgenii L. Khar'kovsii

All rights reserved. Journal materials can be reprinted only with the permission of the publisher.

Manuscripts are reviewed and not returned to the authors.

The editor reserves the right to abridge and edit the manuscripts submitted

Presented in the system of the Russian Science Citation Index (RSCI)

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications,
in which the main scientific results of dissertations for the degree of PhD., for the degree of Dsc.
should be published of the following scientific specialties: 5.1.1, 5.1.2, 5.1.4.

Date of publication: June 30, 2023

The journal is presented on the website in free access in full-text format

Address of the editorial office:

2, Shchetinin street, Vologda, 160000, Russian Federation

Phones: (8172) 51-82-50, (8172) 51-46-12, (8172) 51-98-70

E-mail: pravojournal@vipe.fsin.gov.ru, ejournal@inbox.ru

Website: pravojournal.ru

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media.

Registration Number EI No. FS77-76066 dated June 24, 2019. ISSN 2713-2811

© VIPE FSIN Russia, 2023

© VoSU, 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Харьковский Е. Л. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент (главный редактор);

Голодов П. В. – начальник кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент (заместитель главного редактора);

Крюкова О. Ю. – старший научный сотрудник отделения организации и координации научно-исследовательской деятельности и международного сотрудничества организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук (ответственный секретарь);

Барков А. В. – профессор кафедры гражданского права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Воронина Н. П. – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Гаврилов Б. Я. – заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Городов О. А. – профессор кафедры коммерческого права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор;

Дворянсков И. В. – главный научный сотрудник НИИ ФСИН России, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Дугенец А. С. – главный редактор федерального научно-практического журнала «Административное право и процесс», заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Зубкова В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации; главный научный сотрудник лаборатории сравнительного правоведения юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

Квашнин В. А. – профессор кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, доктор исторических наук, доцент;

Козаченко И. Я. – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор;

Корень Т. А. – заместитель директора по учебной и научной работе Могилевского филиала Частного учреждения образования «БИП – институт правоведения» (Республика Беларусь), кандидат юридических наук;

Кругликов Л. Л. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук высшей школы и Российской академии естественных наук;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Кузнецова Е. В. – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Кургузкина Е. Б. – профессор кафедры уголовно-процессуального права Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук;

Кучин О. С. – профессор кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент, академик РАН, заслуженный деятель науки и техники РАН;

Мешко Г. – профессор факультета уголовного правосудия и безопасности Университета Марибор (Словения), доктор наук, профессор криминологии;

Мишальченко Ю. В. – генеральный советник Экономического суда СНГ, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор;

Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Пантелеева Н. В. – заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент;

Поникаров В. А. – профессор кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Попович М. М. – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета ВПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Ромашов Р. А. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ВПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Самович Ю. В. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Силкин В. П. – доцент кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, кандидат юридических наук;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор;

Сухондяева Т. Ю. – доцент кафедры гражданского права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

Углицких Д. В. – доцент кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, кандидат юридических наук;

Фархутдинов И. З. – ведущий сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук;

Чукмаитов Д. С. – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Жетысуского государственного университета им. И. Жансугурова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор;

Шаталов А. С. – профессор кафедры судебной власти Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор.

EDITORIAL COUNCIL

Evgenii L. Khar'kovsii – Head of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor (Editor-in-Chief);

Pavel V. Golodov – Head of the Department of Administrative Law Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, (Deputy Editor-in-Chief);

Ol'ga Yu. Krukova – Senior Researcher of the Sub-branch of Organization and Coordination of Research Activities and International Cooperation of the Organizational and Scientific Department of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Law) (Executive Secretary);

Aleksei V. Barkov – professor at the Civil Law Department of the Military University of the Ministry of Defense of the Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Natal'ya P. Voronina – professor at the Department of Civil Law Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor;

Boris Ya. Gavrilov – Head of the Department of Control of Crime Investigation Agencies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Sciences (Law), Honored Lawyer of the Russian Federation, Valid Member of the Peter Academy of Sciences and Arts;

Oleg A. Gorodov – professor at the Commercial Law Department of the Law Faculty of the Saint Petersburg State University, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Ivan V. Dvoryanskov – Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, professor at the Department of Penitentiary Law and the Organization of Educational Work with Convicts of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Aleksandr S. Dugenets – Editor-in-Chief of the Federal Scientific and Practical Journal "Administrative Law and Process", Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Valentina I. Zubkova – professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Chief Researcher at the Laboratory of Social and Legal Research and Comparative Law of M.V. Lomonosov Moscow State University, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Vladimir A. Kvashnin – professor at the Department of Jurisprudence of the Institute of Management, Economics and Law of the Vologda State University, Doctor of Sciences (History), Associate Professor;

Ivan Ya. Kozachenko – Head of the Department of Criminal Law of the Ural State Law University, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Tat'yana A. Koren' – Deputy Director for Academic and Scientific Work of the Mogilev Branch of the Private Educational Institution "BIP - Institute of Law" (Republic of Belarus), PhD in Law;

Lev L. Kruglikov – professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Demidov Yaroslavl State University, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Valid Member of the International Higher Education Academy of Sciences (IHEAS) and the Russian Academy of Natural Sciences;

Aleksandr L. Kuzminykh – professor at the Department of Philosophy and History of the Faculty of Psychology of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (History), Associate Professor;

Elena V. Kuznetsova – associate professor at the Department of State Law Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;

Elena B. Kurguzkina – professor at the Department of Criminal Procedure Law of the Central Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Sciences (Law);

Oleg S. Kuchin – professor at the Department of Forensic Expertise and Criminalistics of the Russian State University of Justice, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Academician of RANH, Honored Worker of Science and Technology of RAN;

Gorazd Meshko – professor at the Department of Criminal Justice and Security of the University of Maribor (Slovenia), Doctor, Professor of Criminology;

Yurii V. Mishalchenko – General Counsel of the CIS Economic Court, Dsc. in Law, Dsc. In Economics, Professor;

Roman V. Nagornykh – professor at the Department of Administrative Law Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor;

Natal'ya V. Panteleeva – Head of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Kuleshov Mogilev State University (Republic of Belarus), PhD in Law, Associate Professor;

Vladimir A. Ponikarov – professor at the Department of Administrative and Financial Law of the Academy of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor;

Marina M. Popovich – associate professor at the Department of Civil Law Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;

Roman A. Romashov – professor at the Department of State Law Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Yuliya V. Samovich – professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Kazan Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Andrei L. Santashov – professor at the Department of Civil Law Disciplines of the Faculty of Psychology and Law of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor

Vyacheslav I. Seliverstov – professor at the Department of Criminal Law and Criminology of M.V. Lomonosov Moscow State University, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Vyacheslav P. Silkin – associate professor at the Department of Jurisprudence of the Institute of Management, Economics and Law of the Vologda State University, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;

Sergei A. Starostin – professor at the Department of Administrative Law and Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Sciences (Law), Professor;

Tat'yana Yu. Sukhondyaeva – associate professor at the Department of Civil Law of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;

Dmitrii V. Uglitskikh – associate professor at the Department of Jurisprudence of the Institute of Management, Economics and Law of the Vologda State University, Candidate of Sciences (Law);

Insur Z. Farkhutdinov – Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Law) (by agreement);

Dulat S. Chukmaitov – professor at the Department of Criminal Law Disciplines of the Zhetysu State University named after Ilyas Zhansugurov (Republic of Kazakhstan), Dsc. in Law, Professor;

Vyacheslav B. Shabanov – Head of the Department of Criminalistics of the Law Faculty of the Belarusian State University, Dsc. in Law, Professor;

Aleksandr S. Shatalov – professor at the Department of Judicial Power of the National Research University "Higher School of Economics", Doctor of Sciences (Law), Professor.

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	9
БЕЛОВА Н. А. Применение ссылки в русском государстве в XVII в.	16
БРЕДИХИН А. Л. Функции государства: генезис концепции	29
ДЯДЧЕНКО А. А., КАРТАШОВ И. И. Этический и правовой аспекты регулирования искусственного интеллекта.	34
ЛАПШИН В. Е., СВИНИН Е. В. Обеспечение национальной безопасности как критерий эффективности правопорядка	45
ЗАВИТОВА С. В., КОЛОСКОВ А. М. Институт компенсаций за нарушение условий содержания под стражей и в исправительных учреждениях: проблемы правоприменительной практики	52
НАГОРНЫХ Р. В., ПОПОВА Д. В. Актуальные проблемы цифровизации деятельности органов исполнительной власти	59
АВДЕЕВА Е. В. Эволюция применения ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ	65
БАБАЯН С. Л., ПРОЗОРОВА К. С. Законные интересы осужденных к лишению свободы как позитивные стимулы их правопослушного поведения	78
БАЕВА Н. А. Институт пробации в контексте уголовно-исполнительной политики государства	86
ДУТОВ Ю. И., ДУТОВ Н. Ю. Особенности изъятия предметов и документов в ходе уголовного судопроизводства	93
КРЫМОВ А. А., МАЗАНОВА Р. А. Отдельные особенности следственных действий, связанных с изъятием и копированием информации с электронных носителей	102
КУЗНЕЦОВ А. П. Ответственность за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ст. 157 УК РФ)	109
ЛОЖКИН Ю. А. Оперативно-розыскное обеспечение расследования и судебного разбирательства уголовных дел по преступлениям экономической направленности, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных и цифровых технологий	117
МОРОЗОВ Р. М. К вопросу о правовых и организационно-тактических особенностях получения и проверки явки с повинной, поступающей в исправительные учреждения территориальных органов ФСИН России	127
МРВИЧ Н. В., ШУЛЕПОВ М. Т. Соотношение понятия «экстремизм» в международном и российском праве	137
НАЗАРЕНКО Г. В. Противодействие преступлениям педофилов	146
САНТАШОВА Л. Л., АЛЕКСАНДРОВ А. С. Особенности организации режима в лечебно-профилактических учреждениях уголовно-исполнительной системы	152
СВЕТЛИЧНЫЙ А. А. Криминалистическая деятельность в структуре криминалистического знания: проблемы терминологии	160
СИЛКИН В. П. Неотвратимость уголовной ответственности в законе, теории и правоприменительной практике	168
СТРОГОВИЧ Ю. Н., БЕЛОВА С. Н. Возвращаясь к вопросу о дефинициях	177
ЮРОВА Ю. В., ПАТРИКЕЕВА А. Р. Проблемные аспекты исполнения наказания в виде обязательных работ	186
ШЕЛЕПИНА Е. А. Защита конституционного права на жилое помещение лиц, находящихся в местах принудительного содержания или освободившихся из них	195
КИРИЛОВСКАЯ Н. Н., МИШАЛЬЧЕНКО Ю. В., ТАРУТИНА М. В. Публично-правовое применение института импичмента в англосаксонской правовой системе	206

CONTENT

EDITORIAL	9
BELOVA N.A. The Use of Exile in the Russian State in the 17th Century	16
BREDIKHIN A.L. Functions of the State: Genesis of the Concept	29
DYADCHENKO A.A., KARTASHOV I.I. Ethical and Legal Aspects of Artificial Intelligence Regulation	34
LAPSHIN V.E., SVININ E.V. Ensuring National Security as an Effectiveness Criterion of Law and Order	45
ZAVITOVA S.V., KOLOSKOV A.M. Institute of Compensation for Violation of Conditions in Places of Detention and Correctional Facilities: Problems of Law Enforcement Practice.	52
NAGORNYKH R.V., POPOVA D.V. Relevant Problems of Digitalization of Executive Authorities' Activities	59
AVDEEVA E.V. Evolution of the Application of Part 1.1 of Article 108 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation	65
BABAYAN S.L., PROZOROVA K. S. Legitimate Interests of Those Sentenced to Imprisonment as Positive Incentives for Their Law-Abiding Behavior	78
BAEVA N.A. Institution of Probation in the Context of the State Penal Policy	86
DUTOV Yu.I., DUTOV N.Yu. Features of the Seizure of Objects and Documents in the Course of Criminal Proceedings	93
KRYMOV A.A., MAZANOVA R.A. Certain Features of Investigative Actions Related to the Seizure and Copying of Information from Electronic Media	102
KUZNETSOV A.P. Responsibility for Non-Payment of Funds for the Maintenance of Children or Disabled Parents (Article 157 of the Criminal Code of the Russian Federation).	109
LOZHKIN Yu.A. Operational and Investigative Support for the Investigation and Trial of Criminal Cases on Economic Crimes Committed with the Help of Information, Communication and Digital Technologies	117
MOROZOV R.M. On the Issue of Legal and Organizational and Tactical Features of Obtaining and Verifying a Surrender from Convicts in Correctional Institutions of the Federal Penitentiary Service	127
MRVICH N.V., SHULEPOV M.T. Correlation of the Concept "Extremism" in International and Russian Law	137
NAZARENKO G.V. Countering Pedophilia	146
SANTASHOVA L.L., ALEKSANDROV A.S. On the Organization of Regime in Medical Treatment and Preventive Care Facilities	152
SVETLICHNYI A.A. Criminalistic Activity in the Structure of Forensic Knowledge: Problems of Terminology.	160
SILKIN V.P. Inevitability of Criminal Liability in Law, Theory and Law Enforcement Practice	168
STROGOVICH Yu.N., BELOVA S.N. Reviving a Question of Definitions	177
YUROVA YU.V., PATRIKEEVA A.R. Problematic Aspects of the Execution of Punishment in the Form of Compulsory Labor.	186
SHELEPINA E.A. Protection of the Constitutional Right to Housing of Persons in Places of Forced Detention or Released from Them	195
KIRILOVSKAYA N.N., MISHAL'CHENKO Yu.V., TARUTINA M.V. Public Law Application of the Impeachment Institution in the Anglo-Saxon Legal System.	206

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Вашему вниманию предлагается второй в 2023 г. выпуск сетевого научно-практического журнала «*ius publicum et privatum*».

Миссией журнала является создание площадки для обсуждения актуальных вопросов, касающихся современного состояния российского законодательства, эффективности применения правовых норм и совершенствования нормотворческого процесса, анализа теоретических и исторических аспектов государственно-правовых явлений, зарубежного законодательства.

Журнал включает рубрики, соответствующие различным отраслям права и направлениям юридической деятельности.

Выпуск открывают материалы, публикуемые в рамках специальности **«Теоретико-исторические правовые науки»**. В статье кандидата исторических наук, доцента Н. А. Беловой «Применение ссылки в русском государстве в XVII в.» подробно освещены вопросы, связанные с нормативным закреплением и применением ссылки в русском государстве в XVII в. На основе изучения исторических источников и научной литературы показан процесс расширения практики использования данной карательной меры государством и церковью в исследуемую эпоху, приведены примеры применения разных форм ссылки. Отмечено, что ссылка уголовных, политических и религиозных преступников в XVII столетии не только сохраняла карательный и устрашительный характер, но и рассматривалась правительством в качестве средства заселения окраин государства. Также уделено внимание применению ссылки как меры, заменявшей иные, более суровые наказания.

Статья «Функции государства: генезис концепции», подготовленная кандидатом юридических наук, доцентом А. Л. Бредихиным, посвящена анализу истории формирования категории «функции государства», определению политико-правовых условий ее становления. Отмечается, что эта дефиниция возникла в русле советской правовой науки и не получила разработки в западном государствоведении. Выделяются особенности теории функций социалистического государства, дается их краткая характеристика. Отдельное внимание уделяется вопросу выработки универсального понятия функций государства, которое соответствовало бы современному государственному строю России.

Следующую статью – «Этический и правовой аспекты регулирования искусственного интеллекта» – подготовили кандидат юридических наук, доцент А. А. Дядченко и И. И. Карташов. Авторы рассматривают некоторые точки зрения на понятие искусственного интеллекта, а также анализируют существующие этические прин-

ципы и правовые нормы, регулирующие искусственный интеллект на современном этапе как в Российской Федерации, так и за рубежом. Констатируется, что система нормативного правового регулирования использования искусственного интеллекта в России находится на начальном этапе формирования и представлена преимущественно документами программного стратегического характера. Целью работы является привлечение внимания законодателя к вопросам регулирования искусственного интеллекта и связанных с ним технологий, требующим своего разрешения.

В статье «Обеспечение национальной безопасности как критерий эффективности правопорядка» доктора педагогических наук, кандидата юридических наук, доцента В. Е. Лапшина и кандидата юридических наук, доцента Е. В. Свирина правопорядок рассматривается как комплексная характеристика качественного состояния правовой системы в целом, ее пригодность служить инструментом обеспечения устойчивого социально-экономического развития общества. Акцентируется внимание на том, что сложившееся представление об эффективности правовых норм как соотношении цели и результата их действия имеет ограниченное значение, обусловленное игнорированием возникающих рисков и угроз как правообразующих факторов, влияющих на устойчивое развитие общественных отношений. В этой связи исследование эффективности правопорядка является актуальным и востребованным.

Специальность **«Публично-правовые (государственно-правовые) науки»** представлена двумя статьями. Исследование «Институт компенсаций за нарушение условий содержания под стражей и в исправительных учреждениях: проблемы правоприменительной практики» подготовлено кандидатом юридических наук, доцентом С. В. Завитовой и кандидатом юридических наук, доцентом А. М. Колосковым. В статье представлен анализ механизма компенсаций подозреваемым, обвиняемым и осужденным за ненадлежащие условия содержания. Раскрыты особенности подачи административного искового заявления на ненадлежащие условия содержания под стражей или в исправительном учреждении. Проанализированы ошибки судов при принятии данной категории дел к рассмотрению и определению его сроков. На основе анализа судебной практики выявлены проблемы правоприменения при рассмотрении дел в рамках ст. 227.1 КАС РФ. Сформулированы предложения по критериям расчета суммы компенсации за ненадлежащие условия содержания.

В статье доктора юридических наук, доцента Р. В. Нагорных и Д. В. Поповой «Актуальные проблемы цифровизации деятельности органов исполнительной власти» отмечается несовершенство законодательства в соответствующей области. Взгляды ученых открывают новое видение различных сторон актуальной темы. Приведены наиболее подходящие предложения по совершенствованию определений, намечены пути решения дискуссионного вопроса.

В рамках специальности **«Уголовно-правовые науки»** размещены пятнадцать статей. Открывает раздел статья кандидата юридических наук Е. В. Авдеевой «Эволюция применения ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ», в которой рассматриваются общие начала и особенности применения заключения под стражу лиц, подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности; проанализированы мнения ученых по вопросу избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу лиц, преследуемых за совершение

преступлений в сфере экономической деятельности. Автор приходит к выводу о том, что для развития экономики и обеспечения экономической безопасности необходимо предусматривать для предпринимателей меру пресечения, позволяющую продолжить ведение хозяйственной деятельности.

Следующую статью – «Законные интересы осужденных к лишению свободы как позитивные стимулы их правопослушного поведения» – подготовили доктор юридических наук, доцент С. Л. Бабаян и К. С. Прозорова. Статья посвящена исследованию сущности и содержания законных интересов осужденных как позитивных стимулов их правопослушного поведения, а также рассмотрению оснований реализации данных законных интересов. Анализ существующих в научном сообществе позиций, а также позиций высших судебных инстанций позволил авторам сделать вывод о том, что зависимость реализации осужденным своего законного интереса от его фактического поведения и характеристики является для него в основном стимулом к правопослушному поведению и средством успешной социальной адаптации.

В статье кандидата юридических наук, доцента Н. А. Баевой «Институт probation в контексте уголовно-исполнительной политики государства» приведены результаты анализа уголовно-исполнительного и пенитенциарного законодательства, данные научных публикаций по проблемам уголовно-исполнительной системы, ресоциализации и социальной адаптации. Исследован вопрос о возникновении и развитии правового института probation в контексте уголовно-исполнительной политики государства. Делается вывод о сформировавшемся отграничении отрасли пенитенциарного права от уголовно-исполнительного права по предмету, методам, принципам, целям и субъектам правового регулирования.

Следующая статья – «Особенности изъятия предметов и документов в ходе уголовного судопроизводства» – подготовлена кандидатом педагогических наук, доцентом Ю. И. Дутовым и кандидатом юридических наук, доцентом Н. Ю. Дутовым. В статье рассмотрены особенности изъятия предметов и документов в уголовном судопроизводстве. Авторами исследовано понятие «изъятие» в уголовном процессе, проанализированы точки зрения ученых по вопросам изъятия предметов и документов. Сделаны предложения по изменению УПК РФ, направленные на устранение неоднозначного толкования норм, касающихся изъятия предметов и документов. Обосновано мнение о возможности изъятия предметов и документов до возбуждения уголовного дела только в рамках производства осмотра места происшествия.

Авторы статьи «Отдельные особенности следственных действий, связанных с изъятием и копированием информации с электронных носителей» доктор юридических наук, профессор А. А. Крымов и Р. А. Мазанова анализируют вопросы, связанные с изъятием электронных носителей в ходе производства следственных действий и копированием с них доказательственной информации. Отсутствие четких процессуальных требований к копированию информации и изъятию их носителей в настоящее время остается одной из существенных проблем производства следственных действий в частности и решения вопросов законного, всестороннего и объективного разрешения дела по существу в целом.

В статье «Ответственность за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей» доктора юридических наук, профессора А. П. Кузнецова с использованием многочисленных доктринальных источников, материалов судеб-

ной практики, нормативных правовых актов рассматриваются вопросы уголовной ответственности за преступные посягательства на семью и несовершеннолетних, включая ответственность за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей, раскрываются объективные и субъективные признаки составов преступлений, включенных в ст. 157 УК РФ, исследуются криминообразующие признаки, входящие в ее диспозицию, предлагаются варианты формулирования в ней преступных деяний.

Раздел продолжает исследование Ю. А. Ложкина «Оперативно-розыскное обеспечение расследования и судебного разбирательства уголовных дел по преступлениям экономической направленности, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных и цифровых технологий». Исходя из специфики преступлений экономической направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных и цифровых технологий, в статье раскрываются и анализируются основные направления организации и осуществления оперативно-розыскного обеспечения расследования уголовных дел рассматриваемой категории. Отдельное внимание уделяется вопросу организации взаимодействия следователя с оперативным работником как в процессуальной, так и в непроцессуальной форме.

В статье «К вопросу о правовых и организационно-тактических особенностях получения и проверки явки с повинной, поступающей в исправительные учреждения территориальных органов ФСИН России» кандидата юридических наук, доцента Р. М. Морозова рассматриваются правовые и организационно-тактические аспекты получения явки с повинной от осужденных в исправительных учреждениях территориальных органов ФСИН России. Дано описание уголовно-процессуальных полномочий сотрудников территориальных органов ФСИН России на стадии проверки сообщения о преступлении, перечислены причины ошибок, которые допускаются при реализации отдельных из них.

Продолжает рубрику статья «Соотношение понятия "экстремизм" в международном и российском праве», авторами которой являются кандидат философских наук, доцент Н. В. Мрвич и М. Г. Шулепов. В исследовании рассмотрены вопросы, возникающие при изучении и анализе международных и российских законодательных материалов антиэкстремистской направленности. Выявляются и исследуются критерии применения понятия «экстремизм», включенные в федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» и международные договоры, регулирующие борьбу с экстремистской деятельностью. Рассмотрены и раскрыты особенности законодательства Российской Федерации в части противодействия экстремизму в отношении норм международного права.

Статья доктора юридических наук, профессора Г. В. Назаренко «Противодействие преступлениям педофилов» посвящена наиболее сложным проблемам толкования и применения норм уголовного законодательства, направленных на противодействие преступлениям педофилов. В этой связи в статье рассмотрены недостатки доктринальной интерпретации соответствующих уголовно-правовых норм, в том числе касающихся юридических и медицинских признаков ограниченно вменяемых педофилов. Показаны трудности, которые обнаруживает практика применения статей Особенной части и примечания к ст. 131 УК РФ, в которых закреплены признаки

насилованных и ненасилованных педофильных преступлений. Сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования норм, касающихся педофилов, и принятия нового постановления Верховного Суда Российской Федерации в целях разъяснения уголовно-правовых предписаний, затрудняющих квалификацию преступлений сексуального характера в отношении малолетних.

Исследование «Особенности организации режима в лечебно-профилактических учреждениях уголовно-исполнительной системы» подготовлено кандидатом юридических наук, доцентом Л. Л. Санташовой и кандидатом юридических наук А. С. Александровым. В статье рассматриваются особенности организации режима в лечебно-профилактических учреждениях уголовно-исполнительной системы. Обозначены специфика применения основных средств обеспечения режима, проблемы применения мер взыскания к нарушителям режима отбывания наказания, сделаны предложения о внесении изменений в действующее уголовно-исполнительное законодательство. Анализируются статистические данные в этой сфере, приводятся примеры из правоприменительной практики.

Автор статьи «Криминалистическая деятельность в структуре криминалистического знания: проблемы терминологии» кандидат юридических наук, доцент А. А. Светличный затрагивает проблемы терминологического аппарата криминалистики как важнейшей составляющей ее методологии. Обозначены некоторые проблемные аспекты терминологической устойчивости криминалистики, отражены особенности ее влияния на развитие науки. Утверждается позиция о том, что в случае необоснованных введений новых терминов в криминалистику в науке и практике утрачивается преемственность. Раскрыт вопрос целесообразности использования термина «криминалистическая деятельность» как в теории науки, так и в сфере практической деятельности.

В статье кандидата юридических наук, доцента В. П. Силкина «Неотвратимость уголовной ответственности в законе, теории и правоприменительной практике» исследуются проблемные аспекты принципа неотвратимости уголовной ответственности. Представлена научная дискуссия по вопросу содержания данного принципа и отражения его в законе. Подчеркнута исключительная роль принципа неотвратимости не только при назначении уголовного наказания, но и при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности. Констатированы и обоснованы выводы о нарушении рассматриваемого принципа при регистрации и расследовании преступлений. Приведены примеры нарушения судами принципа неотвратимости ответственности при рассмотрении уголовных дел, назначения несправедливых уголовных наказаний. Проанализирован положительный зарубежный опыт отражения в уголовном законе рассматриваемого принципа.

В статье «Возвращаясь к вопросу о дефинициях» Ю. Н. Строговича и кандидата юридических наук С. Н. Беловой приведены результаты анализа законодательных и иных нормативных правовых актов, решений высших судов Российской Федерации по вопросам, касающимся законодательного определения понятий и терминов уголовно-исполнительного законодательства, поднят вопрос о важности закрепления в законе норм-дефиниций как юридико-технического приема. Особенно это касается тех сфер правового регулирования, которые затрагивают права и свободы граждан. Вопросы деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Феде-

рации, включая ее работников, исполнение уголовных наказаний, содержание под стражей лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, образуют одну из таких сфер регулирования. Для устранения имеющейся неопределенности в законодательстве предложены дефиниции таких понятий, как уголовно-исполнительная система, объекты уголовно-исполнительной системы, органы, исполняющие наказания.

Завершает рубрику статья «Проблемные аспекты исполнения наказания в виде обязательных работ», авторами которой являются Ю. В. Юрова и А. Р. Патрикеева. Статья посвящена проблемным вопросам организации исполнения наказания в виде обязательных работ. Предметом здесь выступают теоретические, правовые и организационные аспекты данного процесса. Авторы останавливаются на трудностях, с которыми сталкиваются в своей служебной деятельности сотрудники уголовно-исполнительных инспекций при исполнении наказания в виде обязательных работ. Делается попытка выявить существующие организационно-правовые проблемы исполнения наказания в виде обязательных работ и определить пути их решения. Авторами сформулированы конкретные предложения по внесению изменений в действующее уголовно-исполнительное законодательство по исполнению наказания в виде обязательных работ.

Специальность **«Частно-правовые (цивилистические) науки»** представлена статьей кандидата юридических наук, доцента Е. А. Шелепиной «Защита конституционного права на жилое помещение лиц, находящихся в местах принудительного содержания или освободившихся из них». Лица, находящиеся в местах принудительного содержания или освободившиеся из них, являются социально незащищенной категорией граждан, в том числе в сфере жилищных правоотношений. Конституция Российской Федерации гарантирует каждому право на жилище. Тем не менее в силу разных причин бывает необходима защита прав указанных лиц, в частности при приватизации жилья, неправомерном снятии с регистрационного учета и (или) выселении, вступлении в наследство или неправомерном отчуждении жилого помещения. Потребность в этом возникает как в силу правовой неграмотности самих пострадавших, так и в силу недобросовестных действий третьих лиц. На основе анализа законодательства и правоприменительной практики в статье анализируются способы защиты права на жилище в ситуации типичных нарушений для рассматриваемой категории лиц. В статье указаны юридически значимые обстоятельства, которые должен учесть суд при рассмотрении подобных споров, что обуславливает практическую значимость работы.

Завершает выпуск публикация по специальности **«Международно-правовые науки»**. Статья «Публично-правовое применение института импичмента в англосаксонской правовой системе» подготовлена кандидатом юридических наук, доцентом Н. Н. Кирилловской, доктором юридических наук, профессором Ю. В. Мишальченко, М. В. Тарутиной. Институт импичмента, разработанный в средневековой Англии, был заимствован создателями Конституции Соединенных Штатов Америки, а затем закреплен в большинстве конституций современных государств. Однако в политической системе Англии импичмент в настоящее время не применяется. Исследование причин упразднения данной нормы показало, что импичмент выступал не столько инструментом привлечения к ответственности должностных лиц, сколько

средством политической борьбы и применялся в отношении непопулярных министров, обычно фаворитов двора, защищаемых королем. Показано, что импичмент выступает чрезвычайно сложным механизмом контроля исполнительной власти и в настоящее время его эффективность является достаточно низкой, а сам механизм импичмента, на взгляд авторов, нуждается в реформации и актуализации.

Мы приглашаем активных читателей и авторов издания обмениваться научными идеями на страницах нашего журнала. Надеемся, что статьи, представленные в данном выпуске, будут способствовать пополнению и обновлению научной базы исследователей по разным правовым вопросам и подвигнут наших читателей к активизации исследований.

Желаем интересных научных статей, дискуссий и творческих успехов в работе.

С уважением,
главный редактор
кандидат юридических наук, доцент

Харьковский Евгений Леонидович

Научная статья

УДК 343.8«17»

doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.001

Применение ссылки в русском государстве в XVII в.

НАДЕЖДА АЛЕКСЕЕВНА БЕЛОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, nade-belova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5564-5426>

Аннотация. В статье подробно освещены вопросы, связанные с нормативным закреплением и применением ссылки в русском государстве в XVII в. На основе изучения исторических источников и научной литературы показан процесс расширения практики использования данной карательной меры государством и церковью в исследуемую эпоху, приведены примеры применения разных форм ссылки. Отмечено, что ссылка уголовных, политических и религиозных преступников в XVII столетии не только сохраняла карательный и устрашающий характер, но и рассматривалась правительством в качестве средства заселения окраин государства. Также уделено внимание применению ссылки как меры, заменявшей иные, более суровые наказания.

Ключевые слова: история России XVII в.; ссылка; наказание.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Белова Н. А. Применение ссылки в русском государстве в XVII в. // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 2 (22). С. 16–28. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.001.

Original article

The Use of Exile in the Russian State in the 17th Century

NADEZHDA A. BELOVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, nade-belova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5564-5426>

Abstract. The article details the issues related to the normative consolidation and application of the link in the Russian state in the 17th century. Based on the study of historical sources and scientific literature, the process of expanding the practice of using this punitive measure by the state and the church in the period under consideration is shown and examples of the use of various forms of exile are given. It is noted that the exile of criminal, political and religious criminals in the 17th century had a punitive and intimidating character and was also considered by the government as a means of settling the country's outskirts. Attention is also paid to the use of exile as a measure replacing other, more severe punishments.

Key words: history of Russia of the 17th century; exile; punishment.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Belova N.A. The use of exile in the Russian state in the 17th century. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 2 (22), pp. 16–28. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.001.

В XVII в. в русском государстве дальнейшее распространение в качестве наказания, связанного с ограничением свободы, получила ссылка. При этом она активно применялась не только светской, но и церковной властью.

Обращение к истории ссылки как одному из наиболее распространенных видов наказания в русском государстве XVII в. представляется актуальным, поскольку позволяет проследить специфику ее применения в рассматриваемый период, а также на основе анализа широкого круга источников и научной литературы показать заинтересованность государства в расширении практики использования данного вида наказания.

Целью статьи является всестороннее изучение института ссылки в Московской Руси на протяжении XVII столетия. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: выявить основные тенденции развития и функционирования рассматриваемого института; охарактеризовать отдельные виды ссылки; проанализировать особенности правового регулирования ссылки как вида наказания; показать ее роль в реализации карательной и колонизационной политики государства.

Основы изучения рассматриваемой в статье проблематики были заложены в конце XIX – начале XX вв. такими авторами, как Н. Д. Сергиевский [1], Г. С. Фельдштейн [2], В. Д. Жижин [3] и др. В советскую эпоху вопросы, связанные с историей русской ссылки XVII столетия, разрабатывались О. П. Подосеновым [4], В. Я. Богдановым [5] и пр. Среди современных исследователей, внесших существенный вклад в изучение данной темы, следует отметить В. А. Рогова [6], А. И. Сидоркина [7], О. В. Степанову [8], С. О. Шаляпина [9] и др.

Основной массив источников, использованных в статье, представлен опубликованными нормативными актами (памятниками права XVII столетия). Большинство их помещено в Полном собрании законов Российской империи. Часть правовых актов, имеющих отношение к исследуемой проблематике, содержится в различных сборниках документов общероссийского и регионального уровней. Существенное дополнение внесли весьма разноплановые нарративные (повествовательные) источники – летописи и мемуары, которые позволили почерпнуть уникальные сведения, отсутствующие в других источниках.

В XVII столетии ссылка сохраняла свое значение в качестве способа выражения опалы в отношении лиц, попавших в немилость к государю. Так, в июне 1601 г. пятерых братьев Романовых, обвиненных в заговоре против избранного царя Бориса Годунова, по его приказу «с Москвы посылаше по городом и монастырем» [10, с. 53] в сопровождении служилых людей Федора, который был «посла с Ратманом Дуровым в Сийский монастырь» (*Свято-Троицкий Антониево-Сийский мужской монастырь находится на территории современной Архангельской области*), государь «повелел его

там постричь» [10, с. 53]. Александра с Леонтием Лодыженским «сосла к Стюдену морю (*это название было общим для двух морей – Белого и Баренцева, но здесь имеется в виду первое из них*), к Усолю, рекомая Луда» [10, с. 54]. Михаила с Романом Тушиным «сосла в Пермь Великую» [10, с. 54]. Ивана «посла в Сибирский город в Пелым с Смирным Маматовым» [10, с. 54]. Одновременно с братом из столицы в Яранской город (*ныне г. Яранск – административный центр Кировской области*) был вывезен Василий [11, с. 35]. Но уже через полтора месяца пребывания в Яранске сопровождавший опального боярина в ссылку стрелецкий сотник Иван Некрасов получил государеву грамоту, предписывавшую отвезти подопечного «в Пелымский город, на житье» [11, с. 39–40]. Доставив Василия в Пелым, сотник передал его воеводе С. Маматову, который «посадил Василья Романова с братом с Иваном в одной избе на чепях же по углам» [11, с. 42]. Воевода принял «государева изменника» 20 ноября 1601 г. «больна, только чуть жива, на чеши, опух с ног... для болезни его чепь с него снял» [11, с. 42].

Царской опале подверглись и другие представители рода Романовых. В июле 1601 г. в ссылку на Белоозеро в сопровождении приставов были доставлены: князь Борис Черкасский с женой Марфой (сестрой братьев Романовых) и дочерью Ириной, супруга боярина Александра Романова Ульяна с детьми, дочь Татьяна и сын Михаил (будущий основатель новой царской династии) боярина Федора Романова, а также его младшая сестра Анастасия [12, с. 68]. После выбытия из политической борьбы своих главных противников Годунов проявил «царскую милость», и по его указу от 5 сентября 1602 г. белозерских ссыльных перевели в село Клинь Юрьев-Польского уезда, в вотчину Ф. Н. Романова [12, с. 75].

Супруга Федора Романова Оксинья (Ксения) зимой 1601 г. была доставлена в ссылку «в Заонежский Толвуйский погост» (*село Толвуя находится на территории современной Республики Карелия*) [13, с. 6]. Ее мать, боярыню Марию Шестову (по другой версии Шестунову), сослали в Чебоксарский Николаевский женский монастырь [14].

За князем Иваном Сицким (зятцем Романовых) царь «послоша в Острохань», в Москве «его... с княгинею и з сыном ... сковав» [10, с. 53]. Затем «князя Ивана... посла... в Кожеозерской монастырь (*Свято-Богоявленский Кожеозерский монастырь расположен на территории современной Архангельской области*), а княгиню ево в пустыню, и повелел их там пострищи» [10, с. 54]. Других «сродичев» Романовых царь «разосла по городам и темницам» [10, с. 54]. После смерти Бориса Годунова в 1605 г. опала в отношении уцелевших представителей рода Романовых была прекращена.

В 1648 г. стольник князь И. Юсупов был «присужден к конфискации всех поместий, вотчин и животов и к ссылке в дальние сибирские города» за услышанное от своего человека «непристойное слово», что будто царь Алексей Михайлович не прямой государь, и «таил то четыре месяца неведомо для какой причины» [15, с. 130].

Государевым указом от 27 июля 1662 г. были приговорены к ссылке «в дальние города на вечное житье» [16, с. 97] менее активные участники Медного бунта («воры разных чинов и худые людишки»), которые 25 июля того же года в Москве «учинили мятеж и учили было дворы грабить» [16, с. 96].

В 1689 г. после подавления стрелецкого бунта великие князья Иоанн и Петр приказали единомышленников окольничего Ф. Л. Шакловитого бить кнутом и сослать

в ссылку за то, что они, «слыша воровския непристойныя слова и к смуте затайныя, государю про то не известили» [15, с. 130].

По мере присоединения к Руси новых территорий и необходимости их освоения (прежде всего колонизации Сибири) ссылка как вид наказания стала приобретать массовый характер. Законодательное оформление данный институт получил в Соборном уложении 1649 г., которым предусматривалось назначение ссылки «не в многих случаях, но таких, которые по состоянию тогдашней жизни должны были дать громадное число ссыльных» [17, с. 216]. Так, направлению в ссылку подлежали: все тати (воры), разбойники и мошенники после отбытия ими тюремного заключения (гл. XXI, ст. 9–11, 16) [18, с. 231–232], осужденные за корчемство (тайную торговлю вином) (гл. XXV, ст. 3, 16) [18, с. 252, 256], посадские тяглые люди за самовольный переход из городского состояния в крестьян или холопов (гл. XIX, ст. 13) [18, с. 204] и некоторые другие категории преступников.

На протяжении второй половины XVII в. сфера применения рассматриваемой меры наказания неоднократно расширялась и нормативно закреплялась частными законоположениями. Например, по указу от 12 августа 1663 г. фальшивомонетчикам назначалась ссылка в Сибирь на вечное житье вместе с женами и детьми [19]. Указом от 10 сентября 1679 г. предписывалось вора, приговоренным за совершение преступления к отсечению рук и ног, «казни не чинить, а ссылатъ их в Сибирь на пашню с женами и с детьми на вечное житье» [20]. Согласно указу от 17 ноября 1680 г. членовредительные наказания в виде отсечения рук, ног и пальцев преступникам, «которые воры объявятся в первой или в двух татьбах» [21], повелевалось заменять направлением навечно в сибирскую ссылку вместе с женами и детьми до трех лет.

Ссылка в отдаленные местности могла назначаться и за колдовство. Так, указом великих князей Иоанна и Петра Алексеевичей от 9 сентября 1684 г. предписывалось «стрельца Ваську Баранникова и отставного стрельца Левку Барана с женкою Танькою за воровство и волшебство сослать в ссылку в украинные города на вечное житье» [22, с. 27].

Указные статьи о раскольниках («Двенадцать статей» царевны Софьи) от 7 апреля 1685 г. узаконили ссылку не только в отношении старообрядцев, но и лиц, которые «меж христианы непристойными своими словами чинят соблазн и мятеж» [23, с. 419].

Ввиду заинтересованности власти в направлении ссыльных в те местности, где был недостаток в рабочей силе, места ссылки в нормативных актах обычно указывались расплывчато: «где государь укажет». В частности, в Соборном уложении только в ст. 13 гл. XIX конкретно определено место ссылки тяглых людей за уход под заклад: «в Сибирь на Лену» [18, с. 204]. В указах и актах той эпохи упоминаются также и такие формулировки, как «в украинные города», «в Сибирь, на житье на Лену», «в Сибирь на пашню» и др.

В отдельных случаях место ссылки специально оговаривалось. Например, в 1635 г. «за ведовское дело», имевшее непосредственное отношение к царской семье, были наказаны ссылкой вместе с мужьями «золотная мастерица» царицы Антонида Чашникова и «жонка Танька»: «Сын боярский Григорий Чашников с женою» были сосланы в Казань, а Гриша Плотник с женою Танькою – на Чаронду [24, с. 533]. В декабре 1664 г. окольничий Никита Зюзин за самовольное приглашение им в Мо-

скву из Воскресенского монастыря низложенного патриарха Никона был сослан в Казань [25]

В декабре 1689 г. за содействие преступникам, которые с помощью наговоров пытались подстрекать к бунту стрельцов, ряд соучастников этого преступного деяния (Сенька мельник из Таганной слободы и нижегородцы Ивашка портной и Оська Охапкин) были приговорены к «битью кнутом» и ссылке с семьями в «Сибирские города на вечное житье», а люди главного обвиняемого по этому делу «чародея» Андрея Безобразова – к ссылке вместе с женами и детьми «на Самару, в Ново-Богородицкий город» на вечное житье, где подлежали направлению «в службу, в какую пригодятся» [26, с. 52].

Распространенным видом ссылки в XVII столетии оставалась ссылка в монастырь, которая могла назначаться церковным судом не только духовным, но и светским лицам. В качестве мест принудительного удаления, как правило, использовались отдаленные обители. Форма и цель ссылки указывались в формулировках решений духовных судов: «под начало», «на смирение», «на черные труды», «на неисходное пребывание» и др.

Ссылка в монастырь в отношении духовенства применялась в основном за нарушения по службе, непристойное поведение, разные проступки (неисполнение службы, пьянство, хулиганство и т. п.). К примеру, «бродящий» старец Пафнутий 11 сентября 1683 г. после «расспросу» в Вологодском архиерейском судном приказе был отправлен в Иннокентьев монастырь «в подначальство» с указанием «держать в черных службах за бережением и из монастыря вон никуда не выпускать» [27].

Из духовных лиц, томившихся в Кирилло-Белозерском монастыре в XVII в., наиболее известными были: архиепископ Вологодский Нектарий (1621 г.), игумен Афонской горы Феофан (1664 г.) и др. [28].

Со второй половины XVII в., после начала гонений на старообрядцев, данный вид наказания стал назначаться и за уход в раскол. Например, 4 августа 1653 г. проповедник протопоп Иван Неронов «сослан был от патриарха Никона, за Вологду, в Каменской (*Спасо-Каменный на Кубенском озере*) монастырь» [29, с. 135]. Из-за разногласий с архимандритом обители Александром он был переведен в июле 1654 г. «за оток акияна моря, Кандолошский (*Кандалакшский Рождественский (Кокуев), существовавший на Кольском полуострове в 1548–1742 гг.*) монастырь» [29, с. 136]. 10 августа 1655 г. Неронов с тремя единомышленниками бежал из обители. И хотя «были за ними две погони» [29, с. 137], вернуть беглецов назад не удалось. Они добрались до Кемского устья и «обретоши на мори лодию и старца Соловецкаго монастыря, с ним поехали на Соловецкий остров» [29, с. 139]. В 1695 г. в Кирилло-Белозерской обители содержался «под началом» раскольник донской казак Афонка Оленшин [28].

Для мирян ссылка в монастырь назначалась обычно за помыслы неверия и нарушение христианских норм морали. Например, из-за «сомнений в вере» на исправлении в Кирилло-Белозерском монастыре с 1622 по 1624 г. находился писатель и политический деятель князь И. А. Хворостин (по прозванию Старков) [28]. В 1661 г. в Кандалакшский монастырь за «неистовые речи и развратие церковного устава» был сослан житель Ростова Великого портной Богданов. Ссылного предписывалось держать «с великим бережением» [30]. 12 июня 1666 г. «по челобитью» хлебника

Хлебного дворца Данила Клементьева был «послан в Кирилов монастырь подначал сын ево Данилков Степка за пьянство и за безчинство, а велено ево под началом держать до... великаго государя указу» [31, с. 160]. В 1667 г. из той же обители по указу царя был переведен в Кандалакшский монастырь «за пьянство бараш (от араб. «фарраш» – ремесленник, занимавшийся изготовлением царских шатров) Никитка Петров» [31, с. 159].

Ссылкой в XVII в. наказывались такие преступления против нравственности, как блуд, насилие, незаконные брак и прижитие ребенка, самовольный уход от супруга, кровосмешение и пр. Женщин, уличенных в совершении подобных деяний, отправляли в периферийные женские обители. Среди монастырей, активно использовавшихся в качестве мест ссылки, были, в частности, Верхотурский Покровский и Вологодский Горний Успенский [32; 33].

Для московских государей монастырская ссылка нередко становилась способом устранения политических конкурентов либо решения династических проблем. Так, при Федоре Иоанновиче в Кирилло-Белозерский монастырь был сослан князь И. П. Шуйский, прославившийся при защите Пскова от войск Стефана Батория [34, с. 8]. В 1606 г. по указанию Лжедмитрия I в эту обитель был доставлен в ссылку и насильно пострижен 3 апреля касимовский царевич Симеон Бекбулатович (в иночестве Стефан) [34, с. 54]. В том же году по распоряжению пришедшего к власти В. Шуйского его перевели в Соловецкий монастырь [35, с. 53]. В 1612 г. просьба старца Стефана о возвращении в Кирилло-Белозерскую обитель была удовлетворена. Там он и скончался в 1616 г. [35, с. 54–55].

В 1648 г. в Кирилло-Белозерский монастырь Алексей Михайлович сослал своего воспитателя боярина Б. И. Морозова, спасая его от народного гнева во время Соляного бунта. В обители Морозов пробыл недолго. В августе 1648 г. он находился еще там, поскольку в своей грамоте от 6 августа того же года царь писал: «Ведомо нам учинилось, что у вас в Кириллове в Успенъев день бывает съезд большой из многих городов всяким людям; а по нашему указу теперь у вас в Кириллове боярин наш Борис Иванович Морозов, и как эта грамота вам придет, то вы бы боярина нашего Бориса Ивановича оберегали от всего дурного» [28]. Монастырские власти, заботясь о любимце государя, вскоре отправили его в Кирилло-Новоезерский монастырь [28].

В отношении опальной знати, родственников, жен великих князей и царей применялся насильственный или вынужденный постриг в монашество. Так, в 1601 г. по приказу царя Б. Годунова «неволею были пострижены» упомянутые ранее боярин Федор Романов, его супруга и теща [10, с. 53; 13, с. 6; 14]. В частности, старец Филарет был «вызван из заточения» лишь после вступления в Москву Лжедмитрия I в июне 1605 г. [36, с. 11].

В 1610 г. по решению московских бояр в Вознесенской обители был совершен насильственный постриг царя В. Шуйского. Об этом событии А. Палицын писал: «В лето 7118, июля в 19 день Рязанец дворянин Захарей Ляпунов да князь Петр Засекин... царя Василиа силою постригоша в чернеческий чин... и предаша под начало в Чудов (Чудов, в Московском Кремле, основан в 1365 г., разрушен в 1929–1932 гг.) монастырь» [37, с. 173].

По приказу Петра I в сентябре 1689 г. была переселена в Новодевичий монастырь низложенная царевна Софья. Несмотря на свободу передвижения по территории обители, у ее ворот «постоянно стояли караулы из солдат из полков Семеновского и Преображенского» [38, с. 511]. 21 сентября 1698 г., после подавления бунта стрельцов, намеревавшихся вернуть ее на царство, Софья по приказу Петра приняла постриг в той же обители под именем Сусанны, где содержалась до смерти «под самым строгим надзором» [38, с. 517].

В сентябре 1698 г. была сослана в Суздальский Покровский монастырь Евдокия Лопухина, первая супруга Петра I. Однако царю недостаточно было лишь ссылки не любимой и благочестивой жены, и в 1699 г. был совершен тайный постриг опальной царицы «не в церкви, а в кельи, так что в монастыре об этом никто и не знал» [39, с. 543]. Причиной пострига Евдокии, необходимого для расторжения брака, Петр объявил «некоторые ея противности» [39, с. 543].

Монастырская ссылка использовалась светской властью также в качестве средства удаления неугодных иерархов Русской православной церкви. В частности, митрополит Даниил, поддержавший в борьбе за влияние при дворе князя И. Ф. Бельского, с приходом к власти В. В. Шуйского был «сведен» с митрополии 2 февраля 1539 г. и «сослан в Волоколамский монастырь, которого некогда был игуменом» [40, с. 244]. Местом ссылки низложенного на церковном соборе 12 декабря 1666 г. патриарха Никона был назначен «древний Ферапонтов монастырь на Белоозере» [41, с. 12]. В далекую ссылку его сопровождали «приставленные... архимандрит Новоспасского монастыря Иосиф и... стрелецкий полковник Агей Шепелев с отрядом из 50 стрельцов» [41, с. 16]. В этой обители опальный патриарх провел почти 10 лет. На церковном соборе 14 мая 1676 г. в присутствии царя и бояр было принято решение о переводе Никона, обвиненного в житие не по-монашески, мятежных замыслах и сношениях с казаками и Стенькой Разиным, «из Ферапонтовского монастыря в Кириллов» [41, с. 94–95]. Было предписано «держатъ его там под строгим надзором» [41, с. 95]. 5 июня 1676 г. в сопровождении стражи Никон был доставлен в Кирилло-Белозерский монастырь, где и пробыл до своего освобождения в августе 1671 г. [41, с. 95, 115, 117].

Монастырская ссылка могла служить заменой более суровым наказаниям (в частности, при раскаянии преступников). Так, Евдокия Шаншина, приговоренная за незаконную продажу вина к ссылке в Сибирь, «била челом» государям Иоанну и Петру Алексеевичам, «чтоб ей за ту вину постричь в монастырь» [42, с. 29]. Разрешение было получено, и 3 марта 1685 г. раскаявшуюся преступницу постригли в инокини в Вологодском Горнем Успенском монастыре [43].

В отдельных случаях ссылка в монастырь применялась в качестве помилования к женщинам, осужденным к смертной казни за мужеубийство. Например, в 1682 г. в Москве окопанные в землю две мужеубийцы, которые по истечении трех дней выжили, «по обычаю» были помилованы находившимся в столице новгородским митрополитом Корнилием. По его распоряжению преступниц отправили тихвинскому архимандриту Макарию с наказом: «постричь обеих и держатъ под крепким началом безвыходно в монастыре» [44, с. 69].

Таким образом, в XVII в. в силу заинтересованности государства в колонизации обширных и удаленных территорий ссылка стала одной из часто применяемых мер

уголовного наказания. Ссылка по-прежнему практиковалась и в политических целях. Распространенным ее видом оставалась ссылка в монастырь, применявшаяся в качестве способа борьбы с противниками светской и церковной власти, а также меры наказания за преступления против нравственности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сергеевский Н. Д. Ссылка в России в XVII веке // Журнал гражданского и уголовного права. 1887. № 3. С. 1–34.
2. Фельдштейн Г. С. Ссылка. Очерки ее генезиса, значения, истории и современного состояния. М., 1893. 191 с.
3. Жижин В. Д. Ссылка в России (законодательная история русской ссылки) // Журнал министерства юстиции. 1900. № 1. С. 37–70.
4. Подосенов О. П. Каторга и ссылка в России XVI – первой половины XIX вв. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1971. 16 с.
5. Богданов В. Я. Ссылка и ее применение. М., 1980. 64 с.
6. Рогов В. А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII вв. М., 1995. 288 с.
7. Сидоркин А. И. Законодательство о ссылке и практика ее исполнения в России XVII в. // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2005. № 2. С. 15–22.
8. Степанова О. В. Изменения в системе русской ссылки в XVII веке // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2011. № 23. С. 580–583.
9. Шалапин С. О. Место монастырской ссылки в российском законодательстве 17 в. // Россия на пороге XXI века: региональные особенности в процессе трансформации общества : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. Архангельск, 2000. С. 230–234.
10. Повесть о честном житии царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси. Новый летописец // Полное собрание русских летописей. СПб., 1910. Т. 14, ч. 1. 154 с.
11. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. 2. 1598–1613. 438 с.
12. Уткин С. А. Белозерская ссылка бояр Романовых в 1601–1602 гг. // Кириллов : краевед. альм. Вологда, 2003. Вып. 5. С. 68–80.
13. Шайжин Н. С. Заонежская заточница, Великая Государыня инокиня Марфа Ивановна, в мире боярыня Ксения Ивановна Романовна, мать царя Михаила Федоровича. К 300-летию юбилею Царственного Дома Романовых. Петрозаводск, 1912. 34 с.
14. Выйкин С. И. Исторические связи Чувашии и Дома Романовых. URL: <http://www.gia.archives21.ru/novelty.aspx?id=123> (дата обращения: 19.01.2023).
15. Тальберг Г. Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века. М., 1912. 351 с.
16. Грамота Алексея Михайловича, о Московском бунте от 27 июля 1662 г. № 33 // Древние государственные грамоты, наказные памяти и челобитные, собранные в Пермской губернии [В. Н. Берхом]. СПб., 1821. С. 96–97.
17. Сергиевский Н. Д. Наказание в русском праве XVII в. СПб., 1887. 300 с.
18. Соборное уложение 1649 г. // Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. М., 1985. Т. 3. Акты Земских соборов. С. 75–446.
19. О ссылке в Сибирь на вечное житье с женами и детьми поддельщиков монет : именной указ, объявленный из приказа Тайных дел от 12 августа 1663 г. № 348 // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Собр. 1-е. Т. 1. 1649–1675. С. 583.

20. О ссылке преступников в Сибирь, вместо отсечения им рук и ног : именной указ от 10 сентября 1679 г. № 772 // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Собр. 1-е. Т. 2. 1676–1688. С. 216.
21. О нечинении вора за две татьбы казни, отсечения рук, ног и пальцев, и о ссылке их вместо того в Сибирь на пашню с женами и детьми : именной указ с боярским приговором от 17 ноября 1680 г. № 846 // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Собрание 1-е. Т. 2. 1676–1688. С. 286.
22. Новомбергский Н. Я. Врачебное строение в допетровской Руси. Томск, 1907. 388 с.
23. Указные статьи о раскольниках от 7 апреля 1685 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедицией Академии наук. СПб., 1836. Т. 4. 1645–1700. С. 419–422.
24. Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М., 1869. 670 с.
25. О ссылке в Казань окольничего Никиты Зюзина и о раздаче поместий его и вотчин за самовольное приглашение им в Москву из Воскресенского монастыря подсудимого патриарха Никона : именной указ от [] декабря 1664 г. № 365 // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Собр. 1-е. Т. 1. 1649–1675. С. 602–603.
26. О казни волшебников за предсказывание возмущения и за обещание обратить, посредством чародейства, благорасположение царя Петра Алексеевича и матери его, царицы Наталии Кирилловны, к преступникам и о наказании соучастников в сих преступлениях : именной указ от 25 декабря 1689 г. № 1362 // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Собр. 1-е. Т. 3. 1689–1699. С. 51–52.
27. Грамота Патриарха Иоакима вологодскому архиепископу Симону об определении беглых старцев в монастыри епархии от 20 августа 1683 г. № 78. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/sta/raya/vol/ogda/4.htm#92> (дата обращения: 19.01.2023).
28. Летопись событий Кирилло-Белозерского Успенского монастыря. 1397–1893 гг. / сост. Г. О. Иванова, А. В. Смирнова // Кириллов : краевед. альм. Вологда, 1997. Вып. 2. С. 273–347.
29. Записка о жизни протопопа Ивана Неронова с 1653 по 1659 год // Материалы для истории раскола за первое время его существования / под ред. Н. Субботина. М., 1875. Т. 1, ч. 1. С. 134–166.
30. Грекулов Е. Ф. Православная инквизиция в России. М., 1964. 168 с.
31. Шереметев П. С. Зимняя поездка в Белозерский край. М., 1902. 180 с.
32. Нечаева М. Ю. Женские обители Верхотурья. Екатеринбург, 2000. URL: <http://atlasch.narod.ru/works/girl2.htm> (дата обращения: 19.01.2023).
33. Павлушков А. Р. Пенитенциарная практика монастырей Вологды в дореволюционный период // Вологда : краевед. альм. Вологда, 2003. Вып. 4. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/4vo/log/da/index.htm> (дата обращения: 19.01.2023).
34. Кочетков И. А., Лелекова О. В., Подъяпольский С. С. Кирилло-Белозерский и Ферапонтов монастыри. Архитектурные памятники. М., 1994. 63 с.
35. Колчин М. А. Ссылные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в XVI–XIX вв.: исторический очерк. М., 1908. 176 с.
36. Акты Сийского монастыря. Вып. 1. Грамоты патриарха Филарета (1619–1633 гг.). Архангельск, 1913. 114 с.
37. Палицын А. Сказание Авраамия Палицына. СПб., 1909. 333 с.
38. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. СПб., 1886. Т. 2. Господство дома Романовых до вступления на престол Екатерины II. XVII столетие. С. 475–518.
39. Снегирев И. М. Первая супруга Петра I Евдокия Федоровна // Русский архив. 1863. Т. 1, вып. 7. С. 541–549.
40. Жмакин В. И. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. 890 с.
41. Бриллиантов И. И. Патриарх Никон в заточении на Белоозере. СПб., 1899. 135 с.

42. Грамота царей Иоанна и Петра Алексеевичей о ссылке в монастырь для пострижения «девки» Евдокии Шаншиной от 20 февраля 1685 г. // Сборник актов Северного края XVI–XVII вв. / сост. А. А. Колычев. Вологда, 1925. С. 29–30.
43. Расписка о принятии для пострижения и пострижении в Вологодском девичьем монастыре ссыльной Евдокии (Шаншиной) // Сборник актов Северного края XVI–XVII вв. / сост. А. А. Колычев. Вологда, 1925. С. 263.
44. Мордвинов И. П. Сборник материалов к истории города Тихвина и Нагорного Обонежья (современного Тихвинского уезда) // Сборник Новгородского общества любителей древности. Новгород, 1911. Вып. 4. С. 3–144.

REFERENCES

1. Sergeevskii N.D. Exile in Russia in the 17th century. *Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogo prava* = *Journal of Civil and Criminal Law*, 1887, no. 3, pp. 1–34. (In Russ.).
2. Feldstein G.S. *Ssylka. Ocherki ee genezisa, znacheniya, istorii i sovremennogo sostoyaniya* [Link. Essays on its genesis, meaning, history and current state]. Moscow, 1893. 191 p.
3. Zhizhin V.D. Exile in Russia (legislative history of Russian exile). *Zhurnal ministerstva yustitsii* = *Journal of the Ministry of Justice*, 1900, no. 1, pp. 37–70. (In Russ.).
4. Podosenov O.P. *Katorga i ssylka v Rossii 16 – pervoi poloviny 19 vv.: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Penal servitude and exile in Russia of the 16th – first half of the 19th centuries: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 1971. 16 p.
5. Bogdanov V.Ya. *Ssylka i ee primenenie* [Exile and its application]. Moscow, 1980. 64 p.
6. Rogov V.A. *Istoriya ugolovnogo prava, terrora i repressii v Russkom gosudarstve 15–17 vv.* [History of criminal law, terror and repression in the Russian state of the 15th–17th centuries]. Moscow, 1995. 288 p.
7. Sidorkin A.I. Legislation on exile and the practice of its execution in Russia of the 17th century. *“Chernye dyry” v rossiiskom zakonodatel’stve* = *“Black holes” in Russian legislation*, 2005, no. 2, pp. 15–22. (In Russ.).
8. Stepanova O.V. Changes in the system of Russian exile in the 17th century. *Izvestiya PGPU im. V. G. Belinskogo* = *News of Penza State Pedagogical University Named After V.G. Belinsky*, 2011, no. 23, pp. 580–583. (In Russ.).
9. Shalyapin S.O. The place of monastic exile in the Russian legislation of the 17th century. In: *Rossiya na poroge XXI veka: regional’nye osobennosti v protsesse transformatsii obshchestva: tez. dokl. mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Russia on the threshold of the XXI century: regional features in the process of transformation of society: speech abstracts of the International research and practice conference]. Arkhangelsk, 2000. Pp. 230–234. (In Russ.).
10. The Story of the Honest Life of Tsar and Grand Duke Fyodor Ivanovich of All Russia. Novy chronicler. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 14. Ch. 1.* [Complete Collection of Russian Chronicles. Volume 14. Part 1]. Saint Petersburg, 1910. 154 p. (In Russ.).
11. *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoi komissiei. T. 2. 1598–1613* [Historical acts collected and published by the Archeographic Commission. Volume 2. 1598–1613]. Saint Petersburg, 1841. 438 p.
12. Utkin S. A. Belozersk exile of the Romanov boyars in 1601–1602. In: *Kirillov: kraevedcheskii al’manakh* [Kirillov: local history almanac]. Vologda, 2003. No. 5. Pp. 68–80. (In Russ.).
13. Shaizhin N.S. *Zaonezhskaya zatochnitsa, Velikaya Gosudarynya inokinya Marfa Ivanovna, v mire boyarynya Kseniya Ivanovna Romanova, mat’ tsarya Mikhaila Fedorovicha. K 300-letnemu yubileyu Tsarstvennogo Doma Romano-vykh* [Zaonezhskaya prison, Great Empress Nun Marfa Ivanovna, secular name Boyar Ksenia Ivanovna Romanova, mother of Tsar Mikhail Fedorovich. To the 300th anniversary of the Royal House of Romanov]. Petrozavodsk, 1912. 34 p.

14. Vyikin S.I. *Istoricheskie svyazi Chuvashii i Doma Romanovykh* [Historical relations of Chuvashia and the House of Romanov]. Available at: <http://www.gia.archives21.ru/nov-elty.aspx?id=123> (accessed January 19, 2023).
15. Talberg G. G. *Ocherki politicheskogo suda i politicheskikh prestuplenii v Moskovskom gosudarstve XVII veka* [Essays on the political court and political decisions in the Moscow state of the XVII century]. Moscow, 1912. 351 c.
16. The letter of Alexey Mikhailovich, on the Moscow riot of July 27, 1662, No. 33. In: *Drevnie gosudarstvennye gramoty, nakaznye pamyati i chelobitnye, sobrannye v Permskoi gubernii* [Ancient state letters, written in memory and personal, collected in the Perm province]. Saint Petersburg, 1821. Pp. 96–97.
17. Sergievskii N.D. *Nakazanie v russkom prave XVII v.* [Punishment in Russian law of the 17th century]. Saint Petersburg, 1887. 300 p.
18. The 1649 Cathedral Code. In: *Rossiiskoe zakonodatel'stvo 10–20 vekov: v 9 t. T. 3. Akty Zemskikh soborov* [Russian legislation of the 10th–20th centuries: in 9 volumes. Volume 3. Acts of Zemstvo Councils]. Moscow, 1985. Pp. 75–446. (In Russ.).
19. On exile to Siberia for eternal life with wives and children of counterfeiters of coins: a nominal decree announced from the order of Secret Affairs of August 12, 1663 No. 348. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobr. 1-e. T. 1.* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1. Volume 1. 1649–1675.]. Saint Petersburg, 1830. P. 583. (In Russ.).
20. On the exile of criminals to Siberia, instead of cutting off their hands and feet: Edict No. 772 of September 10, 1679. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobr. 1-e. T. 2. 1676–1688* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1. Volume 2. 1676–1688]. Saint Petersburg, 1830. P. 261. (In Russ.).
21. On non-imposition of execution, cutting off of hands, feet and palms to thieves, and on their exile instead to Siberia to arable land with their wives and children: Edict No. 846 of November 17, 1680. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobr. 1-e. T. 2. 1676–1688* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1. Volume 2. 1676–1688]. Saint Petersburg, 1830. P. 286. (In Russ.).
22. Novombergskii N.Ya. *Vrachebnoe stroenie v dopetrovskoi Rusi* [Medical structure in pre-Peter Russia]. Tomsk, 1907. 388 p.
23. Decree articles on schismatics of April 7, 1685. In: *Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiiskoi imperii Arkheograficheskoyu ekspeditsiei Akademii nauk. T. 4. 1645–1700* [Acts collected in libraries and archives of the Russian Empire by the Archeographic Expedition of the Academy of Sciences]. Saint Petersburg, 1836. Pp. 419–422. (In Russ.).
24. Zabelin I.E. *Domashnii byt russkikh tsarits v XVI i XVII stoletiyakh* [The home life of Russian tsars in the 16th and 17th centuries]. Moscow, 1869. 670 p.
25. On the exile to Kazan of the ringleader Nikita Zyuzin and on the distribution of his names and patrimony for his unauthorized invitation to Moscow from the Resurrection Monastery of the defendant Patriarch Nikon: Nominal Decree No. 365 of December [], 1664. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobr. 1-e. T. 1. 1649–1675* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1. Volume 1. 1649–1675]. Saint Petersburg, 1830. Pp. 602–603. (In Russ.).
26. On the execution of magicians for predicting outrage and for promising to turn, through witchcraft, the favor of Tsar Peter Alekseevich and his mother, Tsarina Natal'ya Kirillovna, to criminals and on the punishment of accomplices in these crimes: Edict No. 1362 of December 25, 1689. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobr. 1-e. T. 3. 1689–1699* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1. Volume 3. 1689–1699]. Saint Petersburg, 1830. Pp. 51–52. (In Russ.).
27. *Gramota Patriarkha Ioakima vologodskomu arkhiepiskopu Simonu ob opredelenii beglykh startsev v monastyri eparkhii ot 20 avgusta 1683 g. № 78* [Missive Letter of Patriarch Joachim to Archbishop Simon of Vologda on sending runaway elders to bishopric

- monasteries No. 78 of August 20, 1683]. Available at: <https://www.booksite.ru/fulltext/sta/raja/vol/ogda/4.htm#92> (accessed January 19, 2023).
28. Chronicle of the events of the Kirillo-Belozersky Assumption Monastery. 1397–1893. In: *Kirillov: kraevedcheskii al'manakh* [Kirillov: local history almanac]. Comp. by. Ivanova G.O., Smirnova A.V. Vologda, 1997. No. 2. Pp. 273–347. (In Russ.).
29. A note on the life of Protopop Ivan Neronov from 1653 to 1659. In: Subbotin N. (Ed.). *Materialy dlya istorii raskola za pervoe vremya ego sushchestvovaniya. T. 1. Ch. 1.* [Materials about the history of the schism for the first time of its existence. Volume 1. Part 1]. Moscow, 1875. Pp. 134–166. (In Russ.).
30. Grekulov E.F. *Pravoslavnaya inkvizitsiya v Rossii* [Orthodox Inquisition in Russia]. Moscow, 1964. 168 p.
31. Sheremetev P.S. *Zimnyaya poezdka v Belozerskii krai* [Winter trip to the Belozersk Krai]. Moscow, 1902. 180 p.
32. Nechaeva M.Yu. *Zhenskie obiteli Verkhotur'ya* [Women's monasteries of Verkhotur'ye]. Ekaterinburg, 2000. Available at: <http://atlasch.narod.ru/works/girl2.htm> (accessed January 19, 2023).
33. Pavlushkov A.R. Penitentiary practice of Vologda monasteries in the pre-revolutionary period. In: *Vologda: kraevedcheskii al'manakh* [Vologda: Local history almanac]. Vologda, 2003. No. 4. Available at: <http://www.booksite.ru/fulltext/4vo/log/da/index.htm> (accessed January 19, 2023).
34. Kochetkov I.A., Lelekova O.V., Pod'yapol'skii S.S. *Kirillo-Belozerskii i Ferapontov monastiri. Arkhitekturnye pamyatniki* [Kirillo-Belozersky and Ferapontov monasteries. Architectural monuments]. Moscow, 1994. 63 p.
35. Kolchin M.A. *Ssyl'nye i zatochennye v ostrog Solovetskogo monastyrya v 16–19 vv.: istoricheskii ocherk* [Exiled and imprisoned in the Solovetsky monastery prison in the 16–19 centuries: historical essay]. Moscow, 1908. 176 p.
36. *Akty Siiskogo monastyrya. Vyp. 1. Gramoty patriarkha Filareta (1619–1633 gg.)* [Acts of the Siy monastery. Issue 1. Letters of Patriarch Filaret (1619–1633)]. Arkhangel'sk, 1913. 114 p.
37. Palitsyn A. *Skazanie Avraamiya Palitsyna* [Legend of Avraamiy Palitsyn]. Saint Petersburg, 1909. 333 p.
38. Kostomarov N.I. *Russkaya istoriya v zhizneopisaniyakh ee glavneishikh deyatelei. Tom 2. Gospodstvo doma Romanovykh do vstupleniya na prestol Ekateriny II. XVII stoletie* [Russian history in the biographies of its main figures. Volume 2. The rule of the House of Romanov before the accession to the throne of Catherine II. 17th century]. St. Petersburg, Pp. 475–518.
39. Snegirev I.M. The first wife of Peter I Evdokia Fedorovna. In: *Russkii arkhiv. T. 1. Vyp. 7.* [Russian Archive. Vol. 1. No. 7]. 1863. Pp. 541–549. (In Russ.).
40. Zhmakin V.I. *Mitropolit Daniil i ego sochineniya* [Metropolitan Daniel and his writings]. Moscow, 1881. 890 p.
41. Brilliantov I.I. *Patriarkh Nikon v zatochenii na Beloozere* [Patriarch Nikon is imprisoned on the Lake Beloye]. Saint Petersburg, 1899. 135 p.
42. Missive Letter of Tsars Ivan and Peter Alekseevich on exile to the monastery for admission to monastic vows of the “girl” Evdokia Shanshina of February 20, 1685. In: *Sbornik aktov Severnogo kraya 16–17 vv.* [Collection of acts of the Northern Territory of the 16th–17th centuries]. Comp. by A.A. Kolychev. Vologda, 1925. Pp. 29–30. (In Russ.).
43. Receipt of acceptance for tonsure and tonsure in the Vologda maiden monastery of the exiled Evdokia (Shanshina). In: *Sbornik aktov Severnogo kraya 16–17 vv.* [Collection of acts of the Northern Territory of the 16th–17th centuries]. Comp. by Kolychev A.A. Vologda, 1925. P. 263. (In Russ.).
44. Mordvinov I.P. Collection of materials for the history of the city of Tikhvin and the Mountainous Obonezhye (modern Tikhvin district). In: *Sbornik Novgorodskogo obshchestva*

Iyubitelei drevnosti [Collection of the Novgorod Society of Lovers of Antiquity]. Novgorod, 1911. No. 4. Pp. 3–144. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НАДЕЖДА АЛЕКСЕЕВНА БЕЛОВА – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и истории инженерно-экономического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, nade-belova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5564-5426>

NADEZHDA A. BELOVA – Candidate of Sciences (History), Associate Professor, associate professor at the Department of Philosophy and History of the Faculty of Engineering and Economics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, nade-belova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5564-5426>

Статья поступила 19.01.2023

Научная статья

УДК 340.01

doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.002

Функции государства: генезис концепции

АЛЕКСЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ БРЕДИХИН

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, axel_b@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5906-5966>

Аннотация. В статье анализируется история формирования категории «функции государства», определяются политико-правовые условия ее становления. Отмечается, что эта дефиниция возникла в русле советской правовой науки и не получила разработки в западном государствоведении. Выделяются особенности теории функций социалистического государства, дается их краткая характеристика. Отдельное внимание уделяется вопросу выработки универсального понятия функций государства, которое соответствовало бы современному государственному строю России.

Ключевые слова: функции; государство; функции государства; сущность государства; социализм.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Бредихин А. Л. Функции государства: генезис концепции // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 2 (22). С. 29–33. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.002.

Original article

Functions of the State: Genesis of the Concept

ALEKSEI L. BREDIKHIN

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia, axel_b@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5906-5966>

Abstract. The article analyzes history of the formation of the category “state function” and defines political and legal conditions of its formation. It is noted that this definition originated in the mainstream of Soviet legal science and has not been developed in Western state studies. Features of the theory of functions of the socialist state are highlighted, their brief description is given. Particular attention is paid to the issue of developing a universal concept of state functions that would correspond to the modern Russian state system.

Key words: functions; state; functions of the state; essence of the state; socialism.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Bredikhin A. L. Functions of the state: genesis of the concept. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 2 (22), pp. 29–33. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.002.

Теория функций государства возникла и получила развитие в советской юриспруденции, что повлекло определенную специфику содержания этой научной категории. Политико-правовая мысль дореволюционной России также знала понятие «функции государства», но имела в виду лишь их разделение на отрасли: законодательство, исполнительная власть и судебная деятельность. Это также согласовывалось с западной политико-правовой концепцией, в частности учением Г. Кельзена. Советская наука в указанные отрасли власти вложила несколько иной смысл, превратив их в формы осуществления функций, а категорию функций видоизменила в целую научную теорию функций государства.

При этом существенной разработкой подвергалась в первую очередь тема функций социалистического государства, а не всеобщих функций, тем более не стали объектом анализа функции буржуазных государств. В западной науке теория функций государства разработкой практически не подвергалась, что делает эту теорию самобытной и актуализированной под социалистическое государство как государство нового типа.

Существенный вклад в разработку теории функций государства внес А. И. Денисов, который в исследовании «Советское государственное право» выделил четыре основные функции социалистического государства: 1) подавление эксплуататоров; 2) оборону страны от нападения извне; 3) хозяйственно-организаторскую; 4) культурно-воспитательную [1, с. 65]. В курсе лекций «Основы марксистско-ленинской теории государства и права» в 1948 г. ученый предложил понимать функцию государства в виде такого направления деятельности государства, где непосредственно отражается его природа и которое характеризует всю работу органов государства, в какой бы форме оно ни выражалось – законодательной, исполнительной, судебной, военной и т. п. [2, с. 131].

В одном из первых советских учебников по теории государства и права 1940 г. С. А. Голунского и М. С. Строговича объясняются возможные причины появления этой теории. Так, приводится цитата из выступления Сталина на XVIII съезде ВКП(б) (Москва, 10–21 марта 1939 г.), где он говорит о двух основных функциях государства: внутренней (главной) – «держат эксплуатированное большинство в узде» – и внешней (неглавной) – расширять территорию своего государства или защищать его от нападения [3, с. 51]. Здесь же делается сноска: «В этом месте товарищ Сталин имеет в виду эксплуататорские государства». До 1939–1940 гг. о функциях государства в советской юридической литературе не писали.

Таким образом, в образовании этой теории важнейшую роль сыграла политическая конъюнктура, но, как показало время, функции государства прижились в отечественной правовой науке и до сих пор вызывают большой интерес у исследователей, но с попыткой преломления под современное государственное устройство. Например, уже появилось значительное число выделяемых функций государства, которые раньше не обозначались. Однако согласиться можно далеко не со всем, так как нарушаются методология и основы теории функций государства, заложенные

в научных работах 1940-х гг. Например, часто выделяются налоговая, финансовая, миграционная и другие государственные функции. Но, согласно данной логике, количество определяемых функций может быть бесконечным и фактически совпадет по смыслу с полномочиями государственных органов, что также обесценивает теорию функций государства.

В 1970 г. Н. В. Черноголовкин определяет, что под функциями социалистического государства «мы понимаем выражающие классовую сущность основные направления (и стороны) в его деятельности по решению исторических задач, стоящих перед государством на главных этапах его развития» [4, с. 7]. Это определение было очень похоже на то, которое давали исследователи начиная с 1940-х гг., поэтому наблюдается четкая и последовательная преемственность. Впрочем, такое же понимание в советской науке преобладает вплоть до момента распада Советского Союза.

Из такого типичного и общепринятого определения мы можем выделить некоторые особенности теории функций социалистического государства:

1. Классовый характер функций государства. В понимании государства преобладает марксистско-ленинский классовый подход со всеми последствиями. Тот же Н. В. Черноголовкин отмечает, что функции государства представляют собой выражение его сущности [4, с. 23], а «сущность государства» всегда в советской науке означала его классовость.

2. Функции, как правило, определяются через термин «направления» или «стороны» (гораздо реже). Хотя такой подход не совсем удачен и может подвергаться критике, но более подходящего слова не найдено. Безусловно, наиболее близким по значению можно назвать термин «задачи», но советские ученые-правоведы специально обращали внимание на различия функций и задач государства, поэтому такое отождествление неприемлемо. Как правило, предполагалось, что функции были производны от задач, но не отождествлялись с ними [5, с. 47–55]. И рассуждение на этот счет было важной частью учения о функциях социалистического государства.

3. Связь с историческим этапом развития государства, очевидно, свидетельствует о намеке на изменчивость функций государства в различные периоды его развития. Это также коррелирует с подходом к периодизации истории Советского государства, а также других социалистических государств. Так, М. И. Байтин выделяет два таких этапа: диктатура пролетариата (с 1917 г. до этапа окончательной победы социализма примерно к 1960 г.) и общенародное государство (с момента создания зрелого социалистического общества до победы коммунизма) [6, с. 125–132]. М. И. Байтин, как и другие советские ученые-правоведы, различал состав и содержание функций государства для этих периодов развития социалистического государства. Например, ко второму этапу предполагалось уничтожить класс эксплуататоров, поэтому и функция борьбы с ним отпадала.

Немаловажно отметить, что социалистическое государство в марксистском понимании должно исчезнуть и превратиться в бесклассовое коммунистическое общество, а функции государства при этом перейдут к общественным институтам.

После распада СССР и становления на территории России типичной буржуазной (капиталистической) республики в виде Российской Федерации многие положения советской теоретической науки стали неактуальны, и возникла задача перехода го-

сударственно-правовых идей к новой реальности. Тем не менее мы можем сделать вывод, что при этом переходе многие положения теории государства и права были формально переработаны и остались на позициях советской науки. И до сих пор это положение не меняется, что относится в полной мере и к теории функций государства.

Так, М. Н. Марченко в своем учебнике по теории государства и права определяет, что функции государства – это основные направления деятельности государства, обусловленные его сущностью и содержанием, а также стоящими перед ним на том или ином этапе его развития целями, задачами и социальным назначением [5, с. 326]. Как видим, классовая сущность исключена и определение несколько сглажено, однако когда в этом же учебнике автор приводит в качестве наиболее приемлемого определение о том, что государство выполняет как сугубо классовые задачи, так и общие дела [5, с. 54], то выходит то же самое. При этом непонятно отличие классовых и общих дел, тем более в бесклассовом обществе, провозглашенном в Конституции Российской Федерации 1993 г. Впрочем, терминологическая путаница и несистемность свойственны и другим авторам по этому вопросу.

Относительно теории функций государства подходы могут разниться, но от сложившейся в советской науке концепции они мало чем отличаются, да и не могут отличаться, иначе это поставит под сомнение само существование данной теории, ставшей центральной в нашем государствоведении. Таким образом, актуальной остается задача формирования новой конфигурации данного учения. Представляется, что актуальной будет работа в двух направлениях: а) формирование общей теории функций государства, применимой для любого типа и исторического периода существования государства; б) создание теории функций буржуазного («современного демократического») государства. При этом первое направление будет претендовать на всеобщность и универсальность. Второе направление для нашей науки особо актуально, так как позволит связать воедино эпохи и интеллектуальные пласты нашего государства, сохранить преемственность в правовой науке.

Представляется, что более универсальным будет понимание функций государства в виде *обусловленных задачами, потребностями и свойствами государства направлений деятельности государства*. Тем самым мы выделяем основное содержание и суть функций государства и учитываем обстоятельства, которые будут определять качественное своеобразие функций государства любого типа и эпохи, в которой оно находится. При такой универсализации не возникнет противоречий с теорией функций социалистического государства и будет открыта возможность для конструирования специальных теорий функций государства.

Нужно также пояснить, что именно задачи, потребности и свойства влияют главным образом на перечень и содержание функций данного конкретного государства. Так, задачи государства могут быть определены в конституционных или иных нормативных актах. Потребности государства определяются внешними и внутренними обстоятельствами, экономической и социально-политической обстановкой, а свойства характеризуют сущность государства (социалистическую, капиталистическую либо иную другую вне зависимости от названия).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Денисов А. И. Советское государство и право. М., 1940. 139 с.
2. Денисов А. И. Основы марксистско-ленинской теории государства и права : курс лекций. М., 1948. 470 с.
3. Голунский С. А., Строгович М. С. Теория государства и права. М., 1940. 304 с.
4. Черноголовкин Н. В. Теория функций социалистического государства. М., 1970. 215 с.
5. Марченко М. Н. Теория государства и права : учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2018. 636 с.
6. Байтин М. И. Сущность и основные функции социалистического государства. Саратов, 1979. 302 с.

REFERENCES

1. Denisov A.I. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [The Soviet state and law]. Moscow, 1940. 139 p.
2. Denisov A.I. *Osnovy marksistsko-leninskoi teorii gosudarstva i prava : kurs lektsii* [Fundamentals of the Marxist-Leninist theory of state and law: course of lectures]. Moscow, 1948. 470 p.
3. Golunskii S.A., Strogovich M.S. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Moscow, 1940. 304 p.
4. Chernogolovkin N.V. *Teoriya funktsii sotsialisticheskogo gosudarstva* [Theory of functions of the socialist state]. Moscow, 1970. 215 p.
5. Marchenko M.N. *Teoriya gosudarstva i prava: ucheb.* [Theory of state and law: textbook]. Moscow, 2018. 636 p.
6. Baitin M.I. *Sushchnost' i osnovnye funktsii sotsialisticheskogo gosudarstva* [The essence and main functions of the socialist state]. Saratov, 1979. 302 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЕКСЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ БРЕДИХИН – кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, Санкт-Петербург, Россия, axel_b@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5906-5966>

ALEKSEI L. BREDIKHIN – Candidate of Sciences (Law), associate professor at the Department of History of State and Law of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia, axel_b@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5906-5966>

Статья поступила 09.01.2023

Научная статья

УДК 340

doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.003

Этический и правовой аспекты регулирования искусственного интеллекта

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ДЯДЧЕНКО

Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, Воронеж, Россия, dydchenko19-79@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5005-7206>

ИВАН ИГОРЕВИЧ КАРТАШОВ

Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, Воронеж, Россия, iv.cartashov@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-5618-0386>

Аннотация. Авторы рассматривают в статье некоторые точки зрения на понятие искусственного интеллекта, а также анализируют существующие этические принципы и правовые нормы, регулирующие искусственный интеллект на современном этапе как в Российской Федерации, так и за рубежом. Констатируется, что система нормативного правового регулирования использования искусственного интеллекта в России находится на начальном этапе формирования и представлена преимущественно документами программного стратегического характера. Целью работы является привлечение внимания законодателя к вопросам регулирования искусственного интеллекта и связанных с ним технологий, требующих своего разрешения.

Ключевые слова: искусственный интеллект; правовое регулирование; этические принципы; нейросети; стратегия развития.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Дядченко А. А., Карташов И. И. Этический и правовой аспекты регулирования искусственного интеллекта // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 2 (22). С. 34–44. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.003.

Original article

Ethical and Legal Aspects of Artificial Intelligence Regulation

ALEKSANDR A. DYADCHENKO

Central Branch of the Russian State University of Justice, Voronezh, Russia, dydchenko19-79@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5005-7206>

IVAN I. KARTASHOV

Central Branch of the Russian State University of Justice, Voronezh, Russia, iv.cartashov@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-5618-0386>

Abstract. The authors consider in the article some points of view on the concept of artificial intelligence, as well as analyze the existing ethical principles and legal norms regulating artificial intelligence at the present stage both in the Russian Federation and abroad. It is stated that the system of normative legal regulation of the use of artificial intelligence in Russia is at the initial stage of formation and is represented mainly by documents of a programmatic strategic nature. The work is aimed at attracting the legislator's attention to the issues to regulate artificial intelligence and related technologies that require their permission.

Keywords: artificial intelligence; legal regulation; ethical principles; neural networks; development strategy.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Dyadchenko A.A., Kartashov I.I. Ethical and legal aspects of artificial intelligence regulation. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 2 (22), pp. 34–44. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.003.

Еще всего поколение назад интерес к искусственному интеллекту (ИИ) в значительной степени ограничивался философией, инженерными исследованиями и научной фантастикой. Сегодня этот термин применяется не только относительно долгосрочных перспектив по моделированию человеческого интеллекта, но и стремительно развивающихся технологий (таких, как сложные нейронные сети, использующие огромные объемы данных), которые все больше влияют на финансы, транспорт, здравоохранение, национальную безопасность, рекламу и социальные сети, а также множество других областей.

Феномен искусственного интеллекта рассматривается учеными преимущественно с точки зрения техники, технологий, нравственности, этики, философии. Правовым аспектам использования искусственного интеллекта отечественные исследователи уделяют значительно меньше внимания.

Понятие искусственного интеллекта является дискуссионным, не существует единого определения этого термина, которое считалось бы общепризнанным. Polemika относительно феномена ИИ развивается преимущественно в части возможных направлений его использования, а не определения данного понятия.

В самом общем виде искусственный интеллект – это информационная технология, моделирующая разумное человеческое мышление, которая анализирует свое окружение и с некоторой долей автономности (на данном временном этапе) принимает оптимальные решения для достижения конкретных целей. Системы ИИ могут быть построены таким образом, чтобы научиться анализировать не только внешние данные, но и последствия своих решений, их влияние на окружающий мир с целью адаптации своего поведения.

Г. С. Осипов, исходя из того, что искусственный интеллект является прежде всего предметом компьютерных наук, предлагает понимать под этим термином информа-

ционные технологии, позволяющие совершать разумные рассуждения и действия с помощью вычислительных систем и иных искусственных устройств [1, с. 7].

И. В. Понкин и А. И. Редькина, исследуя ИИ с точки зрения права, определяют его как искусственную сложную кибернетическую компьютерно-программно-аппаратную систему с когнитивно-функциональной архитектурой и собственными или релевантно доступными вычислительными мощностями необходимых емкостей и быстродействия, обладающую свойствами субстантивности, автономности элаборативной операциональности и т. д. [2, с. 95].

По нашему мнению, приведенным дефинициям присущи существенные недостатки. Во-первых, они построены таким образом, что понять их значение могут только люди, обладающие специальными знаниями о современных технологиях. Во-вторых, развитие науки и техники влечет за собой риск быстрого устаревания определений, если их формулировка предполагает большое количество деталей технологического плана.

С учетом цели нашего исследования полагаем более рациональным рассматривать искусственный интеллект как систему, способную интерпретировать полученные данные, принимать на их основе оптимальные решения при помощи самообучения (адаптации) [3, с. 77]. Таким образом, система действует не строго по алгоритму, заложенному в нее создателем, а может изменять его в определенных границах для оптимизации принятия решений. При этом не имеет значения, какие технологии лежат в основе построения рассматриваемой системы (бустинг, нейронные сети и т. п.) или какова степень схожести интерпретации данных с тем, как это делает человек. Например, принцип полета самолета существенно отличается от принципов полета птицы или насекомого, но при этом он способен летать. Так же и с искусственным интеллектом. Не важно, будет ли он подобен мышлению человека или кардинально отличаться от него. В данном случае имеет значение не сама технология как таковая, а результат, достигаемый с ее помощью.

Переходя к рассмотрению этических и правовых аспектов использования искусственного интеллекта, отметим, что из 193 государств – членов ООН только в 19 были разработаны национальные стратегии или государственные планы развития в сфере ИИ. В их числе и Российская Федерация. Вопросы развития ИИ нашли свое отражение в ряде программных документов, таких как национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [4] и Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. [5]. В числе прочих поставлены задачи по созданию комплексной системы регулирования общественных отношений, возникающих в связи с развитием и использованием технологий искусственного интеллекта. К 2030 г. в Российской Федерации должна функционировать гибкая система нормативно-правового регулирования в области искусственного интеллекта, в том числе гарантирующая безопасность населения и направленная на стимулирование развития технологий искусственного интеллекта. Полагаем, что в ходе разработки нормативных правовых актов будет полезен опыт, уже накопленный другими государствами в данной сфере.

Справедливости ради следует отметить, что говорить о сформированной системе нормативных правовых актов в сфере регулирования технологий ИИ в рамках международного права или национального права отдельных государств преждевременно. В этом направлении сделаны лишь первые шаги.

На начальном этапе формирования находятся не только правовое регулирование в рассматриваемой сфере, но и система этических норм, которые выступают предпосылками для формирования на их основе норм права.

На это обстоятельство обратили внимание авторы открытого письма, которое подписали более тысячи экспертов в области цифровых технологий и искусственного интеллекта, в числе которых С. Рассел, Д. Аллен, И. Маск, С. Возняк, В. Конитцер и др. По мнению подписантов, мощные системы с искусственным интеллектом, превосходящие по возможностям человека, могут представлять существенную угрозу безопасности общества и человечества. На современном этапе человек не достиг достаточного уровня прогнозирования, управления и контроля за стремительно развивающимися системами искусственного интеллекта. Авторы убеждены, что разработка мощного ИИ возможна только при полной уверенности, что эффект будет положительным, а риски управляемыми [6]. Разделяя высказанные опасения, отметим, что разработчики ИИ вряд ли откажутся от развития соответствующих технологий. В этой связи вопросы разработки системы нормативного правового регулирования и этических норм выходят на первый план.

Пожалуй, основополагающие принципы, на которых должны строиться этические и правовые нормы разработки и использования технологий ИИ, сформулировал в середине прошлого века писатель-фантаст Айзек Азимов в виде трех законов робототехники:

1. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.
2. Робот должен повиноваться всем приказам, которые дает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому Закону.
3. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в которой это не противоречит Первому или Второму Законам [7, с. 96–104].

Позднее он дополнил их Нулевым законом: «Робот не может причинить вред человечеству или своим бездействием допустить, чтобы человечеству был причинен вред» [8, с. 73].

В полной мере эти законы применимы и к искусственному интеллекту с той оговоркой, что современные технологии становятся все более развитыми по сравнению с простейшими роботами. Это, в свою очередь, требует большей детализации как этических требований, так и норм правового характера.

Зародившись на научных конференциях или в работах исследователей искусственного интеллекта, этические правила стали находить свое оформление в программных документах международного и национального уровней. Таким образом, например, появились Рекомендации об этических аспектах искусственного интеллекта ЮНЕСКО (далее – Рекомендации) [9] или Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях [10].

Рекомендации направлены на обеспечение того, чтобы системы с ИИ работали на благо человечества, отдельных лиц, общества, окружающей среды и экосистем, а также на предотвращение вреда. Указывая на сложность этических вопросов, связанных с ИИ, в Рекомендациях говорится о необходимости сотрудничества множе-

ства заинтересованных сторон на различных уровнях и в разных секторах, построенного на общей ответственности, глобальном и межкультурном диалоге.

В качестве приоритетных ценностей Рекомендации традиционно провозглашают: уважение, защиту прав человека и основных свобод, человеческого достоинства (п. 13–16); защиту окружающей среды и процветание экосистем (п. 17–18); уважение, защиту и поощрение разнообразия и инклюзивности (п. 19–21); жизнь в мирных и справедливых обществах, основанных на взаимосвязанном будущем (п. 22–24); принцип соразмерности и непричинения вреда (п. 25–26); принцип справедливости и недискриминации (п. 28–30); право на неприкосновенность частной жизни и защиту данных (п. 32–34); принцип контролируемости, прозрачности и объяснимости (п. 35–43).

Основной идеей документа является то, что технологии ИИ сами по себе не обязательно обеспечивают развитие и процветание человека, окружающей среды и экосистем. В случае потенциального причинения вреда человеку, его правам и свободам, обществу, окружающей среде необходимо осуществлять процедуру оценки рисков и принимать исчерпывающие меры, направленные на предотвращение такого вреда.

Иностранный опыт неоднороден, в том числе из-за различных подходов в определении стратегий развития технологий ИИ и их правовой регламентации.

А. В. Незнамов выделяет три модели развития нормативного правового регулирования технологий искусственного интеллекта.

Примером первой модели, по справедливому мнению исследователя, служат Франция и Китай, где документы стратегического планирования превалируют над нормами непосредственного действия.

Вторая модель, напротив, характеризуется преобладанием норм непосредственного регулирования, иногда при полном отсутствии документов стратегического планирования. К таким странам относится, например, Южная Корея.

Третья модель – смешанная – представляет собой гибрид первых двух. В ней не отдается предпочтение документам стратегического планирования или нормам непосредственного действия. Оба направления развиваются параллельно, без сильного крена в ту или иную сторону. Представителями такой модели, по мнению автора, являются США и ЕС [11, с. 83–84].

Мы полагаем что, наиболее оптимальной является как раз третья модель развития правового регулирования ИИ, поскольку она сочетает в себе положительные качества первых двух. Однако по понятным причинам на современном этапе Россия пошла по пути построения первой модели развития, которая, по нашему мнению, рано или поздно с принятием нормативных актов, регламентирующих технологии ИИ, трансформируется в более сбалансированную третью модель. Сколько на это понадобится времени – вопрос открытый.

Основным документом, задающим тренд развития нормативной правовой базы в России, является упомянутая нами ранее Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. (далее – Стратегия). В частности, Стратегия закрепляет основные принципы развития и использования технологий ИИ, в числе которых защита прав и свобод человека, безопасность, прозрачность, технологический суверенитет, целостность инновационного цикла, разумная бе-

режливость, поддержка конкуренции (разд. 3). В качестве одной из основных задач развития ИИ Стратегия определяет создание комплексной системы регулирования общественных отношений, возникающих в связи с развитием и использованием технологий искусственного интеллекта. Авторы Стратегии выбрали 2030 г. как срок, к которому в России должна сформироваться «гибкая система нормативно-правового регулирования в области искусственного интеллекта, в том числе гарантирующая безопасность населения и направленная на стимулирование развития технологий искусственного интеллекта» (п. 51).

Одним из шагов в этом направлении является принятие решения о распространении на разработку и внедрение ряда технологий искусственного интеллекта экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации [12], предусмотренных федеральным законом от 31.07.2020 № 258-ФЗ [13]. Целью принятия указанных нормативных правовых актов, по мнению их авторов, является создание правовых условий для ускоренного появления и внедрения новых продуктов и услуг в сферах применения цифровых инноваций (с использованием таких цифровых технологий, как искусственный интеллект, распределенный реестр, нейротехнологии, квантовые технологии и прочих) [14]. Другими словами, это попытка создать своего рода «правовой инкубатор» для ИИ путем ограничения действия на него норм законодательства.

В целом положительно оценивая факт принятия указанных нормативных правовых актов, не можем не высказать ряд замечаний к их содержанию. Так, п. 6 ст. 5 федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» устанавливает запрет на введение специального регулирования правоотношений, возникших при осуществлении деятельности, связанной с высоким риском нанесения ущерба жизненно важным интересам личности, общества и государства. Возникает ряд вопросов: что понимается под «высоким риском»? имеет ли значение размер потенциального ущерба? кто и по каким критериям будет определять наличие риска?

Аналогичные вопросы возникают и к подп. 4 п. 1 ст. 6, закрепляющему в качестве одного из обязательных условий установления экспериментального правового режима наличие обоснованной оценки рисков причинения вреда жизни, здоровью или имуществу человека либо имуществу юридического лица, ущерба обороне и (или) безопасности государства, иным охраняемым федеральным законом ценностям и мер, направленных на минимизацию таких рисков.

Непонятна и логика законодателя при формулировании требований к инициатору установления экспериментального правового режима: отсутствие недоимки по налогам и сборам; отсутствие судимости, в том числе у члена коллегиального исполнительного органа или совета директоров; наличие доли иностранного участия в уставном капитале юридического лица в размере 50 и более процентов (ст. 8).

Налицо яркий пример юридического (формального) подхода к регулированию искусственного интеллекта. Юридический подход характеризуется консервативностью. В его основе лежат попытки приспособления действующих, проверенных временем правовых норм к новым технологиям. Как справедливо отмечает в этой связи И. А. Филиппова, «юристы, как правило, слабо разбираются в технологиях и нередко стремятся урегулировать отношения, не понимая сути технологических решений,

иногда не замечая новых потребностей в регулировании» [15, с. 65]. Последствием становится либо принесенная в жертву технология, которую невозможно создать, развивать или использовать, не нарушая закон, либо появление норм, подобных тем, которые мы привели.

Альтернативой юридическому подходу к формированию правового регулирования является технологический, сущность которого заключается в регулировании видов и подвидов технологических решений самостоятельными нормативными актами. По мнению приверженцев этого подхода, регулирование зависит лишь от уровня развития технологии и никак этому не мешает. При всех плюсах такой детализации регулирования у нее имеются и существенные недостатки – низкий уровень системности и тенденция к скорому устареванию вследствие развития технологий [15, с. 66].

Полагаем, что идеальным было бы сочетание обоих приведенных подходов, но, как показывает практика, это практически недостижимо.

В русле развития Национальной стратегии развития искусственного интеллекта в 2020 г. Правительство Российской Федерации утвердило Концепцию регулирования технологий искусственного интеллекта и робототехники (далее – Концепция) [16].

По своему содержанию Концепция является еще одним программным документом, определяющим направление развития в регулировании отношений в сфере искусственного интеллекта. В качестве задач, на решение которых должно быть направлено правовое регулирование, выступают:

- создание основ правового регулирования новых общественных отношений, формирующихся в связи с применением систем искусственного интеллекта и робототехники, имеющих преимущественно стимулирующий характер;
- определение правовых барьеров, затрудняющих разработку и применение систем искусственного интеллекта и робототехники в различных отраслях экономики и социальной сферы;
- формирование национальной системы стандартизации и оценки соответствия в области технологий искусственного интеллекта и робототехники.

Положения Концепции в определенной мере дополняют и детализируют положения Национальной стратегии развития искусственного интеллекта в части развития правового регулирования искусственного интеллекта.

Определенная работа проделана в части определения стратегических направлений регулирования развития технологий ИИ применительно к различным отраслям хозяйства, для чего было издано несколько распоряжений Правительства Российской Федерации [17–20].

Подводя итог, отметим, что пора переходить от принятия программных документов к разработке проектов нормативных правовых актов в области регулирования искусственного интеллекта. На первоначальном этапе необходимо сконцентрировать усилия на разработке и нормативном закреплении понятия искусственного интеллекта, базовых принципов его использования с учетом международной практики и соблюдения основополагающих прав и свобод человека, но при этом не создающих непреодолимых препятствий для разработчиков технологий ИИ или делающих невозможным осуществление исследований в указанном направлении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Осипов Г. С. Искусственный интеллект: состояние исследований и взгляд в будущее // Новости искусственного интеллекта. 2001. № 1 (43). С. 3–13.
2. Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22, № 1. С. 91–109.
3. Карташов И. И., Карташов И. И. Искусственный интеллект: уголовно-правовой и процессуальный аспекты // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5, № 17. С. 75–89.
4. Паспорт национального проекта «Национальная программа "Цифровая экономика Российской Федерации"» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328854/?ysclid=libq4zs352381869939 (дата обращения: 15.03.23).
5. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/?ysclid=libq8lfnha7768791 (дата обращения: 15.03.23).
6. Pause Giant AI Experiments: An Open Letter. URL: <https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-ai-experiments> (дата обращения: 15.03.23).
7. Азимов А. Я, робот. М., 1964. 176 с.
8. Azimov I. Robots and Empire. Doubleday. 1985. 158 p.
9. Recommendation on the ethics of artificial intelligence, 2021. URL: <https://www.unesco.org/en/artificial-intelligence/recommendation-ethics> (дата обращения: 15.03.23).
10. Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях. Принята на 31-м пленарном заседании ЕКЭП (Страсбург, 3–4 декабря 2018 года). URL: <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4> (дата обращения: 15.03.23).
11. Незнамов А. В. Правовые аспекты реализации Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12 (64). С. 82–88.
12. Постановление Правительства Российской Федерации от 28.10.2020 № 1750 «Об утверждении перечня технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74723381/?ysclid=libqgobli0458331300> (дата обращения: 15.03.23).
13. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/?ysclid=libqkybhn8619390943 (дата обращения: 15.03.23).
14. Пояснительная записка к проекту федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/922869-7?ysclid=libqubvzuu614030980#bh_note (дата обращения: 15.03.23).
15. Филипова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта : учеб. пособие. 2-е изд., обновл. и доп. Н. Новгород, 2022. 275 с.
16. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19.08.2020 № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_360681/?ysclid=licq2wy4rk574338890 (дата обращения: 15.03.23).
17. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22.10.2021 № 2998-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации».

ции государственного управления». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_399192/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/?ysclid=licq5m3b2g952750656 (дата обращения: 15.03.23).

18. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21.12.2021 № 3744-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации транспортной отрасли Российской Федерации до 2030 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404958/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/?ysclid=licq7qg7kj6661506516 (дата обращения: 15.03.23).

19. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21.12.2021 № 3759-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации науки и высшего образования». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404697/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/?ysclid=licqb7qa2u344017228 (дата обращения: 15.03.23).

20. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.12.2021 № 3924-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации топливно-энергетического комплекса». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405567/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/?ysclid=licqd8h92j977670680 (дата обращения: 15.03.23).

REFERENCES

1. Osipov G.S. Artificial intelligence: the state of research and a look into the future. *Novosti iskusstvennogo intellekta = Artificial Intelligence News*, 2001, no. 1 (43), pp. 3–13. (In Russ.).
2. Ponkin I.V., Red'kina A.I. Artificial intelligence from the point of view of law. *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki = RUDN Journal of Law*, 2018, vol. 22, no. 1. Pp. 91–109. (In Russ.).
3. Kartashov I.I., Kartashov I.I. Artificial intelligence: criminal and procedural aspects. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Problems of the State and Law*, 2021, vol. 5, no. 17, pp. 75–89. (In Russ.).
4. *Pasport natsional'nogo proekta "Natsional'naya programma "Tsifrovaya ekonomika Rossiiskoi Federatsii" (utv. prezidiumom Soveta pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii po strategicheskemu razvitiyu i natsional'nym proektam, protokol ot 04.06.2019 No. 7): [Passport of the national project "National Program "Digital economy of the Russian Federation" (approved by the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects, Protocol No. 7 of June 4, 2019)]*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328854/?ysclid=libq4zs352381869939 (accessed March 15, 2023).
5. *Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 10.10.2019 No. 490 «O razvitii iskusstvennogo intellekta v Rossiiskoi Federatsii» (vmeste s "Natsional'noi strategiei razvitiya iskusstvennogo intellekta na period do 2030 goda")* [Decree of the President of the Russian Federation No. 490 of October 10, 2019 «On the development of artificial intelligence in the Russian Federation» (together with the «National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the period up to 2030»)]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/?ysclid=libq8lfnha7768791 (accessed March 15, 2023).
6. *Pause giant AI experiments: an open letter*. Available at: <https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-ai-experiments> (accessed March 15, 2023).
7. Azimov A. *Ya, robot [I am a robot]*. Moscow, 1964. 176 p.
8. Azimov I. *Robots and Empire*. Doubleday. 1985. 158 p.
9. *Recommendation on the ethics of artificial intelligence, 2021*. Available at: <https://www.unesco.org/en/artificial-intelligence/recommendation-ethics> (accessed March 15, 2023).

10. *Evropeiskaya eticheskaya khartiya ob ispol'zovanii iskusstvennogo intellekta v sudebnykh sistemakh i okruzhayushchikh ikh realiyakh. Prinyata na 31-m plenarnom zasedanii EKEP (Strasburg, 3–4 dekabrya 2018 goda)* [European Ethical Charter on the Use of Artificial Intelligence in judicial systems and the realities surrounding them. Adopted at the 31st ECEP plenary meeting (Strasbourg, December 3–4, 2018)]. Available at: <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4> (accessed March 15, 2023).
11. Neznamov A.V. Legal aspects of the implementation of the national strategy for the development of artificial intelligence until 2030. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2019, no. 12 (64), pp. 82–88. (In Russ.).
12. *Postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 28.10.2020 No. 1750 «Ob utverzhdenii perechnya tekhnologii, primenyaemykh v ramkakh eksperimental'nykh pravovykh rezhimov v sfere tsifrovyykh innovatsii»* [Government of the Russian Federation Decree No. 1,750 of October 28, 2020 «On the approval of the list of technologies used within the framework of experimental legal regimes in the field of digital innovations»]. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74723381/?ysclid=libqgobli0458331300> (accessed March 15, 2023).
13. *Federal'nyi zakon ot 31.07.2020 No. 258-FZ «Ob eksperimental'nykh pravovykh rezhimakh v sfere tsifrovyykh innovatsii v Rossiiskoi Federatsii»* [Federal Law No. 258-FZ of July 31, 2020 «On experimental legal regimes in the field of digital innovations in the Russian Federation»]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/?ysclid=libqkybhn8619390943 (accessed March 15, 2023).
14. *Poyasnitel'naya zapiska k proektu federal'nogo zakona «Ob eksperimental'nykh pravovykh rezhimakh v sfere tsifrovyykh innovatsii v Rossiiskoi Federatsii»*. Available at: https://sozd.duma.gov.ru/bill/922869-7?ysclid=libqubvzuu614030980#bh_note (accessed March 15, 2023).
15. Filipova I.A. *Pravovoe regulirovanie iskusstvennogo intellekta: ucheb. posobie* [Legal regulation of artificial intelligence: textbook]. Nizhny Novgorod, 2022. 275 p.
16. *Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 19.08.2020 No. 2129-r «Ob utverzhdenii Kontseptsii razvitiya regulirovaniya otnoshenii v sfere tekhnologii iskusstvennogo intellekta i robototekhniki do 2024 goda»* [Decree of the Government of the Russian Federation No. 2129-p of August 19, 2020 «On the approval of the Concept for the Development of Regulation of Relations in the field of Artificial Intelligence and Robotics Technologies up to 2024»]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_360681/?ysclid=licq2wy4rk574338890 (accessed March 15, 2023).
17. *Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 22.10.2021 No. 2998-r «Ob utverzhdenii strategicheskogo napravleniya v oblasti tsifrovoi transformatsii gosudarstvennogo upravleniya»* [Order of the Government of the Russian Federation No. 2998-r of October 22, 2021 «On the approval of the strategic direction in the field of digital transformation of public administration»]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_399192/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/?ysclid=licq5m3b2g952750656 (accessed March 15, 2023).
18. *Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 21.12.2021 No. 3744-r «Ob utverzhdenii strategicheskogo napravleniya v oblasti tsifrovoi transformatsii transportnoi otrasli Rossiiskoi Federatsii do 2030 goda»* [Decree of the Government of the Russian Federation No. 3744-r of December 21, 2021 «On the approval of the strategic direction in the field of digital transformation of the transport industry of the Russian Federation up to 2030»]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404958/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/?ysclid=licq7qg7kj6661506516 (accessed March 15, 2023).
19. *Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 21.12.2021 No. 3759-r «Ob utverzhdenii strategicheskogo napravleniya v oblasti tsifrovoi transformatsii nauki i*

vysshego obrazovaniya» [Decree of the Government of the Russian Federation No. 3759-r of December 21, 2021 «On approval of the strategic direction in the field of digital transformation of science and higher education»]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404697/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/?ysclid=licqb7qa2u344017228 (accessed March 15, 2023).

20. *Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 28.12.2021 No. 3924-r «Ob utverzhdenii strategicheskogo napravleniya v oblasti tsifrovoi transformatsii toplivno-energeticheskogo kompleksa»* [Decree of the Government of the Russian Federation of December 28, 2021 No. 3924-r «On the approval of the strategic direction in the field of digital transformation of the fuel and energy complex»]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405567/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/?ysclid=licqd8h92j977670680 (accessed March 15, 2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ДЯДЧЕНКО – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, Воронеж, Россия, dydchenko19-79@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5005-7206>

ИВАН ИГОРЕВИЧ КАРТАШОВ – магистрант Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, Воронеж, Россия iv.cartashov@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-5618-0386>

ALEKSANDR A. DYADCHENKO – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure Law of the Central Branch of the Russian State University of Justice, Voronezh, Russia, dydchenko19-79@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5005-7206>

IVAN I. KARTASHOV – Master's Student of the Central Branch of the Russian State University of Justice, Voronezh, Russia iv.cartashov@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-5618-0386>

Статья поступила 12.05.2023

Научная статья

УДК 340

doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.004

Обеспечение национальной безопасности как критерий эффективности правопорядка

ВИТАЛИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ ЛАПШИН

Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Сто-
летовых, Владимир, Россия

Владимирский юридический институт ФСИН России, Владимир,
Россия

ve_lapshin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>

ЕВГЕНИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ СВИНИН

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда,
Россия, evsvinin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2866-651X>

Аннотация. В статье правопорядок рассматривается как комплексная характеристика качественного состояния правовой системы в целом, ее пригодность служить инструментом обеспечения устойчивого социально-экономического развития общества. Акцентируется внимание на том, что сложившееся представление об эффективности правовых норм как соотношении цели и результата их действия имеет ограниченное значение, обусловленное игнорированием возникающих рисков и угроз как правообразующих факторов, влияющих на устойчивое развитие общественных отношений. В этой связи исследование эффективности правопорядка является актуальным и востребованным. Обращается внимание на то, что многообразие системы юридических и социальных показателей, относящихся не только к сфере действия норм, но и затрагивающих правоприменительный механизм, обуславливает необходимость использования категории «национальная безопасность». Отмечается, что национальная безопасность выступает в качестве наиболее общего интегративного показателя эффективности функционирования правопорядка, объединяющего систему показателей, ориентированных на максимальное удовлетворение национальных интересов и стратегических национальных приоритетов. В результате анализа понятия «эффективность правопорядка» выявлен ряд существенных признаков и сформулировано авторское определение.

Ключевые слова: право; правопорядок; правовое регулирование; национальная безопасность; национальные интересы; эффективность правопорядка.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Лапшин В. Е., Свинин Е. В. Обеспечение национальной безопасности как критерий эффективности правопорядка // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 2 (22). С. 45–51. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.004.

Ensuring National Security as an Effectiveness Criterion of Law and Order

VITALII E. LAPSHIN

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs,
Vladimir, Russia

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Vladimir, Russia

ve_lapshin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>

EVGENII V. SVININ

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary
Service, Vologda, Russia, evsvinin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2866-651X>

Abstract. The article considers law and order as a complex characteristic of the qualitative state of the legal system as a whole and its suitability to serve as a tool for ensuring sustainable socio-economic development of society. It draws attention to the fact that the current idea of the legal norm effectiveness as a correlation between the purpose and result of their action has limited significance, due to the neglect of emerging risks and threats as law-making factors affecting sustainable development of public relations. It substantiates the relevancy of the study of the effectiveness of law and order. It is highlighted that the diversity of the system of legal and social indicators relating not only to the scope of the norms, but also affecting the law enforcement mechanism, necessitates the use of the category “national security”. It is noted that national security serves as the most general integrative indicator of law and order effectiveness, combining a system of indicators focused on the maximum satisfaction of national interests and strategic national priorities. After analysis of the concept “effectiveness of law and order”, a number of essential features are identified and the author’s definition is formulated.

Keywords: law; law and order; legal regulation; national security; national interests; effectiveness of law and order.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Lapshin V.E., Svinin E.V. Ensuring national security as an effectiveness criterion of law and order. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 2 (22), pp. 45–51. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.004.

Существование и функционирование права с неизбежностью приводят к появлению в обществе состояния правопорядка. Однако качественные характеристики правопорядка могут быть различными. В этой связи возникает актуальный как в теоретическом, так и в практическом отношении вопрос: насколько существующий правопорядок отвечает актуальным вызовам и рискам? Иными словами, необходимо исследовать проблему эффективности правопорядка.

Представляется, что правопорядок нельзя воспринимать как идеальное явление, которое характеризуется высокой социальной и юридической эффективно-

стью регулирования. Правопорядок настолько же объективен, насколько объективны существующие нормы права и правовые отношения. В этой связи правовой порядок как реально существующее явление характеризуется сочетанием положительных и деструктивных элементов, обусловленных качественным состоянием правового регулирования в целом. Причем речь идет не только о нормах права, но и о правоприменительной практике и правосознании субъектов права.

Сложившаяся система норм, в совокупности с характером и тенденциями правоприменительной практики, должна быть ориентирована на преодоление рисков и негативных тенденций общественного развития. Нельзя игнорировать, что предназначение права заключается не просто в факте своего существования, а в том, чтобы обеспечить стабильность, порядок и устойчивое развитие общества. Именно в этом контексте и следует воспринимать проблему эффективности правового порядка.

Нельзя не отметить, что в юридической литературе проблема эффективности права не является новой. Основные подходы к этому понятию сложились еще в советской юридической науке.

Как отмечает А. А. Зелепукин, в 60-е гг. XX столетия, когда юридическая наука только начинала обсуждение проблемы эффективности действия права, это понятие полностью или частично отождествлялось с оптимальностью, правильностью, обоснованностью, целесообразностью самих норм права [1, с. 33–34].

Были высказаны мнения о том, что эффективность норм служит лишь определенным количественным показателем, выражением, отражающим степень соответствия реальных отношений типовой мере, содержащейся в конкретном акте [2, с. 36]; может выступать мерой вклада в укрепление правовых начал государственной и общественной жизни, в формирование и развитие элементов свободы в общественных отношениях [3, с. 33]; отражением действия правовых стимулов и правовых тормозов [4, с. 61–65].

Изучение обозначенных проблем привело большинство ученых к пониманию того, что эффективность правовых норм неразрывно связана не только с целями норм, но и с их действием, реализацией. Был сформирован классический подход, в соответствии с которым под эффективностью норм права понималось соотношение между фактическим результатом их действия и теми социальными целями, для достижения которых данные нормы были приняты [5].

Для понятия эффективности ориентация на цели норм имеет фундаментальное значение. В частности, классификация целей на социальные и юридические, ступенчатые и неступенчатые, предметные и функциональные позволяет увидеть многоаспектность проблемы эффективности, а также требует различения юридической и социальной сторон.

Признавая справедливость и полезность указанного выше подхода, хотелось бы отметить, что он содержит один существенный недостаток. Эффективность норм определяется исходя из существующих целей. Однако нельзя не видеть, что динамизм общественной жизни ставит перед государством новые задачи, которые не всегда могут быть своевременно закреплены как целевые ориентиры правотворческой и правоприменительной деятельности.

В определении эффективности ориентация на цель нормы является базовой, исходной. Однако следует также учитывать, что нормы права должны изменяться

в соответствии с общественными потребностями и интересами, следовательно, трансформации подлежат и правовые цели. Представляется, что при изучении эффективности правового порядка анализ целей правовых норм может дать лишь частичное представление об уровне его эффективности. При этом важен комплексный анализ как норм, так и практики их применения. В этой связи представляется важным и значимым поиск другого более устойчивого ориентира для определения эффективности правового порядка.

На наш взгляд, таким критерием может стать понятие «национальная безопасность». Как отмечает В. А. Каламанов, национальная безопасность Российской Федерации – такое качественное и количественное состояние российского общества, государства, его граждан, народов и всего многонационального народа России, которое характеризуется закрепленной на законодательном уровне согласованностью их интересов, их защищенностью от существующих или ожидаемых внешних и внутренних угроз, возможностью их совместного прогрессивного и устойчивого развития, соблюдением конституционного строя, конституционных прав и свобод граждан [6, с. 8].

Осуществлять обзор определений национальной безопасности представляется в рамках статьи нецелесообразным. В целом исследователи едины в трактовке этого понятия как комплексной характеристики, выражающей защищенность личности, общества и государства от различных угроз, что создает условия для поступательного прогрессивного развития.

Крайне важно, что для оценки эффективности правового порядка приоритетное значение имеют не цели норм, а объективные вызовы и угрозы, которые относятся к различным сторонам общественной жизни. В этой связи понятие «национальная безопасность» может служить оптимальным ориентиром и критерием определения эффективности.

В основе национальной безопасности лежит система национальных интересов и стратегических приоритетов, определенных Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400. Всего в документе выделяются девять стратегических национальных приоритетов, в их числе сбережение народа, оборона, информационная безопасность, научно-технологическое развитие, защита духовно-нравственных ценностей и ряд других. Каждый из приоритетов имеет свои цели и задачи, ориентирован на преодоление специфических рисков. К примеру, в сфере сбережения народа указываются такие риски, как недостаточно эффективное образование и здравоохранение, высокая смертность и низкая продолжительность жизни, социально-паразитический образ жизни, распространение концепции семьи без детей и др.

Представляется, что понятие «эффективность правового порядка» отражает устойчивость правовой системы в целом, ее способность оказывать конструктивное, положительное влияние на общественные отношения. Ярким примером может служить правовой порядок в России периода 1990-х гг. Абсолютизация идей свободы в правовом регулировании и отсутствие должного контроля напрямую способствовали экономическому и социальному кризису, обусловили высокий уровень преступности, то есть, иными словами, правовой порядок не выполнял своего предназначения. В настоя-

щее время перед отечественным правопорядком возникают новые риски и угрозы, преодоление которых имеет общенациональное, государственное значение.

При этом важно не наличие правопорядка как такового, а то, каким образом он влияет на укрепление экономических, социальных, духовных и политических связей и взаимодействий в обществе. В этой связи правопорядок может быть представлен как специфическое пространство, отдельные участки которого требуют не только различного инструментария правового воздействия, но и его уровня, интенсивности. Отказ от правовой регламентации отношений, расширение юридической свободы субъектов в сочетании с разумным регулированием, требующим в отдельных случаях частичного, а в других – всестороннего контроля, являются важнейшими средствами обеспечения сбалансированности правопорядка.

Считаем необходимым выделить ряд существенных признаков понятия «эффективность правопорядка» и сформулировать на их основе определение.

Во-первых, под эффективностью правопорядка понимается комплексная характеристика качества функционирования правовой системы в целом. Состояние правопорядка и его эффективность определяются многими слагаемыми, которые относятся к различным аспектам и уровням механизма правового регулирования. Так, наряду с необходимостью обеспечения технико-юридического качества правовых норм не менее важно гарантировать их социальную обусловленность, то есть нахождение и закрепление в праве оптимальных правовых средств, направленных на разрешение общественно значимых проблем и удовлетворение актуальных социальных интересов. Кроме того, необходимо формирование высокого уровня правосознания и правовой культуры как граждан, так и должностных лиц, ориентированных на разумное, творческое правоприменение и реализацию права за счет активного использования исходных и оценочных норм. Последовательное сокращение избыточного формализма возможно только посредством закрепления в праве средств правовой неопределенности, использование которых требует от субъектов особых личностных и профессионально-правовых качеств.

Во-вторых, эффективность правопорядка является динамической характеристикой, допускающей как снижение, так и повышение значений своих показателей.

В-третьих, показатели эффективности правопорядка отражают множественную систему социальных и правовых факторов, обеспечивающих устойчивое развитие государства и общества в целом. Ключевыми условиями достижения высоких показателей являются результативность анализа механизмов правообразования, своевременное выявление правообразующих факторов, их перевод в систему нормативного правового регулирования и последующая рационально организованная деятельность по применению норм, ориентированная на приоритетное достижение социальных результатов.

В-четвертых, национальная безопасность выступает системообразующим показателем эффективности правопорядка, его пригодности преодолевать возникающие вызовы, угрозы и риски.

Таким образом, под эффективностью правопорядка следует понимать обеспеченность национальной безопасности посредством функционирующей в государстве системы своевременного выявления и нормативного закрепления правообразующих факторов в действующем законодательстве, рациональной организации

правоприменительной и интерпретационной практики, гарантирующей качественное достижение установленных правовых целей с помощью формализованных и неформализованных действий и процедур реализации абсолютно и относительно определенных норм.

В заключение отметим, что содержание понятия «эффективность правопорядка» нуждается в дальнейшем уточнении и обсуждении. Как представляется, в нем заложен определенный методологический потенциал, необходимый для качественной оценки эффективности правового регулирования в целом, раскрытие которого не только позволит развить отдельные теоретико-правовые концепции, но и будет способствовать выработке политико-правовых и организационно-правовых средств обеспечения национальной безопасности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зелепукин А. А. Проблемы эффективности российского законодательства : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 233 с.
2. Эффективность действия правовых норм / под ред. А. С. Пашкова, Л. С. Явича, Э. А. Фомина. Л., 1977. 143 с.
3. Лапаева В. В. Эффективность закона и методы его изучения // Эффективность закона. Методология и конкретные исследования. М., 1997. С. 28–44.
4. Малько А. В. Эффективность правового регулирования // Правоведение. 1990. № 6. С. 61–67.
5. Эффективность правовых норм / В. Н. Кудрявцев, В. И. Никитинский, И. С. Самощенко, В. В. Глазырин. М., 1980. 280 с.
6. Каламанов В. А. Национальная безопасность Российской Федерации и межнациональные конфликты: теоретико-правовой анализ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1999. 48 с.

REFERENCES

1. Zelepukin A.A. *Problemy effektivnosti rossiiskogo zakonodatel'stva: dis. ... kand. yurid. nauk* [Problems of the effectiveness of Russian legislation: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Saratov, 2000. 233 p.
2. *Effektivnost' deistviya pravovykh norm* [The effectiveness of legal norms]. Ed. by Pashkov A.S., Yavich L.S., Fomin E.A. Leningrad, 1977. 143 p.
3. Lapaeva V.V. Efficiency of the law and methods of its study. In: *Effektivnost' zakona. Metodologiya i konkretne issledovaniya* [Effectiveness of the law. Methodology and specific research]. Moscow, 1997. Pp. 28–44. (In Russ.).
4. Mal'ko A.V. Effectiveness of legal regulation. *Pravovedenie = Jurisprudence*, 1990, no. 6, pp. 61–67. (In Russ.).
5. Kudryavtsev V.N., Nikitinskii V.I., Samoshchenko I.S. *Effektivnost' pravovykh norm* [Effectiveness. Of legal norms]. Moscow, 1980. 280 p.
6. Kalamonov V.A. *Natsional'naya bezopasnost' Rossiiskoi Federatsii i mezhnatsional'nye konflikty: teoretiko-pravovoi analiz: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [National security of the Russian Federation and interethnic conflicts: theoretical and legal analysis: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Saint Petersburg, 1999. 48 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ВИТАЛИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ ЛАПШИН – доктор педагогических наук, кандидат юридических наук / **VITALII E. LAPSHIN** – Doctor of Sciences (Pedagogy), Candidate of Sciences (Law),

наук, доцент, профессор кафедры психологии личности и специальной педагогики Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия, профессор кафедры психологии и педагогики профессиональной деятельности Владимирского юридического института ФСИН России, Владимир, Россия, ve_lapshin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>

ЕВГЕНИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ СВИНИН – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, evsvinin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2866-651X>

Associate Professor, professor at the Department of Psychology of Personality and Special Pedagogy of the Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia; professor at the Department of Psychology and Pedagogy of Professional Activity of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia, ve_lapshin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>

EVGENII V. SVININ – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Deputy Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, evsvinin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2866-651X>

Статья поступила 24.02.2023

Научная статья

УДК 342.95

doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.005

Институт компенсаций за нарушение условий содержания под стражей и в исправительных учреждениях: проблемы правоприменительной практики

СВЕТЛАНА ВАСИЛЬЕВНА ЗАВИТОВА

Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия,
svzavitova@msal.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5936-1482>

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ КОЛОСКОВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, koloskov888@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3736-2075>

Аннотация. В статье представлен анализ механизма компенсаций подозреваемым, обвиняемым и осужденным за ненадлежащие условия содержания. Раскрыты особенности подачи административного искового заявления на ненадлежащие условия содержания под стражей или в исправительном учреждении. Проанализированы ошибки судов при принятии данной категории дел к рассмотрению и определению его сроков. На основе анализа судебной практики выявлены проблемы правоприменения при рассмотрении дел в рамках ст. 227.1 КАС РФ. Сформулированы предложения по критериям расчета суммы компенсации за ненадлежащие условия содержания.

Ключевые слова: компенсация за ненадлежащие условия содержания; административный истец; КАС РФ; осужденный; административное судопроизводство.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Завитова С. В., Колосков А. М. Институт компенсаций за нарушение условий содержания под стражей и в исправительных учреждениях: проблемы правоприменительной практики // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 2 (22). С. 52–58. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.005.

Original article

Institute of Compensation for Violation of Conditions in Places of Detention and Correctional Facilities: Problems of Law Enforcement Practice

SVETLANA V. ZAVITOVA

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia,
svzavito-va@msal.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5936-1482>

ALEKSANDR M. KOLOSKOV

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, koloskov888@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3736-2075>

Abstract. The article analyzes the mechanism of compensation to the suspected, accused and convicted for improper conditions of detention. Features of filing an administrative claim for improper conditions in places of detention or correctional facilities are disclosed. Errors of the courts in accepting this category of cases for consideration and determining its terms are analyzed. Based on the analysis of judicial practice, the problems of law enforcement when considering cases under Article 227.1 of the Administrative Procedure Code of the Russian Federation are revealed. Proposals on the criteria for calculating the amount of compensation for improper conditions of detention are formulated.

Keywords: compensation for improper conditions of detention; administrative plaintiff; Administrative Procedure Code of the Russian Federation; convicted person; administrative court proceedings.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Zavitova S.V., Koloskov A.M. Institute of compensation for violation of conditions in places of detention and correctional facilities: problems of law enforcement practice. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 2 (22), pp. 52–58. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.005.

Российская Федерация является правовым государством, где права человека провозглашаются наивысшей ценностью, даже в отношении лиц, преступивших черту закона. При исполнении наказаний осужденным гарантируется сохранение их прав и свобод, но с изъятиями и ограничениями, установленными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством России.

В целях обеспечения прав подозреваемых, обвиняемых и осужденных законодательством Российской Федерации предусмотрен такой механизм правовой защиты, как выплата компенсации за ненадлежащие условия содержания. В настоящее время институт таких компенсаций может рассматриваться как альтернатива подачи жалобы в Европейский суд по правам человека, обращение в который в данный момент невозможно.

Россия 16 сентября 2022 г. перестала являться Высокой Договаривающейся Стороной Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 на основании Резолюции Европейского суда по правам человека «О последствиях прекращения членства Российской Федерации в Совете Европы в свете статьи 58 Европейской конвенции о правах человека», принятой 21–22 марта 2022 г. На основании Федерального закона от 11.06.2022 № 180-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» постановления Европейского суда по правам человека, вступившие в силу после 15 марта 2022 г., не подлежат исполнению в России.

Европейский суд по правам человека компетентен рассматривать жалобы против Российской Федерации в связи с действиями или бездействием, которые могут представлять собой нарушение конвенции только при условии, что эти действия или бездействие имели место до 16 сентября 2022 г.

Механизм выплаты компенсаций за ненадлежащие условия содержания введен Федеральным законом от 27.12.2019 № 494-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которым внесены дополнения в Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», УИК РФ, КАС РФ. В указанных нормативных правовых актах установлено право лиц, находящихся в местах содержания под стражей (учреждениях уголовно-исполнительной системы), получить компенсацию за нарушение условий содержания под стражей (содержания в исправительных учреждениях) за счет средств федерального бюджета на основании судебного решения, принятого в порядке административного судопроизводства.

С введением данного института подозреваемые, обвиняемые и осужденные получили возможность в более короткие сроки обратиться за защитой своих прав. Необходимо уточнить, что рассмотрение дела в порядке КАС РФ занимает 2–4 месяца, а жалобы в Европейском суде по правам человека – от 1,5 до 2 лет.

Компенсация за нарушение условий содержания под стражей или в исправительном учреждении присуждается, исходя из требований заявителя с учетом фактических обстоятельств допущенных нарушений, их продолжительности и последствий, и не зависит от наличия либо отсутствия вины органа государственной власти, учреждения, их должностных лиц, государственных служащих.

Следует отметить, что присуждение компенсации за нарушение условий содержания под стражей или в исправительном учреждении не препятствует возмещению вреда в соответствии со ст. 1069 и 1070 ГК РФ, однако лишает заинтересованное лицо права на компенсацию морального вреда за нарушение условий содержания под стражей.

Особенности подачи и рассмотрения требования о присуждении компенсации закреплены в ст. 227.1 КАС РФ.

Согласно общим правилам КАС РФ заявление может быть подано в течение трех месяцев со дня нарушения (для тех нарушений, которые уже завершились: например, человек освобожден из мест лишения свободы или предварительного заключения или переведен в другое помещение/учреждение). Однако нарушения, как правило, носят длящийся характер, поэтому заявление может подаваться в любой момент содержания под стражей, нахождения в исправительном учреждении и в течение трех месяцев после освобождения.

Особенностью рассмотрения дел по правилам КАС РФ является то, что дело принимается к рассмотрению даже если пропущен срок подачи административного иска. В соответствии с п. 5 ст. 219 КАС РФ причины пропуска срока обращения в суд выясняются на предварительном судебном заседании или судебном заседании. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2022 № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» уважительность причин пропуска срока оценивается судом независимо от того, заявлено ли гражданином, организацией отдельное ходатайство о восстановлении срока.

Согласно нормам КАС РФ лицо, полагающее, что нарушены условия его содержания под стражей, содержания в исправительном учреждении, одновременно с

предъявлением требования об оспаривании связанных с условиями содержания под стражей или в исправительном учреждении решения, действия (бездействия) органа государственной власти, учреждения, их должностных лиц, государственных служащих может заявить требование о присуждении компенсации за данные нарушения.

Следовательно, исходя из смысла закона, административный истец может требовать как исправления нарушения, так и выплаты компенсации за него. Вместе с тем в результате анализа судебной практики было выявлено, что суд при рассмотрении данной категории дел выносит решение только о назначении компенсации, без устранения выявленных нарушений, которые были установлены в ходе рассмотрения дела. Представляется, что на сегодняшний день еще не разработан механизм выполнения решения суда в части устранения нарушений, связанных с ненадлежащими условиями содержания, поскольку устранение нарушений невозможно в случаях, когда они обусловлены, например, техническим состоянием мест содержания под стражей или их переполненностью. Поскольку многие здания следственных изоляторов и исправительных учреждений построены в советский и даже в дореволюционный период, устранить нарушения можно только путем полной реконструкции зданий или строительства новых, что повлечет значительные расходы средств федерального бюджета и потребует длительного времени.

Еще одним проблемным вопросом в правоприменительной практике является реализация права заявителя на компенсацию, если нарушение уже закончилось (например, лицо освободилось из мест лишения свободы).

По мнению М. А. Филатовой и А. Бутко, в указанном случае логично было бы подавать заявление только о компенсации, поскольку нет смысла в превентивных мерах защиты (оспаривание решений и действий должностных лиц) [1, с. 31]. Представляется, что данное мнение не совсем корректно, поскольку основанием присуждения компенсации является установление факта нарушения условий содержания, которые определяются в рамках административного судопроизводства. В случае обращения только за компенсацией, дело выходит за рамки КАС РФ и предполагает обращение к ГПК РФ. Такое решение вопроса невыгодно осужденному, поскольку бремя доказывания полностью ложится на истца. В рамках ч. 2 и 3 ст. 62 КАС РФ обязанность доказывания соблюдения надлежащих условий содержания лишенных свободы лиц возлагается на административного ответчика (соответствующие орган или учреждение, должностное лицо, которым следует подтверждать факты, обосновывающие их возражения).

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 47 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел, связанных с нарушением условий содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания» указывается, что административному истцу достаточно в исковом заявлении обосновать факты нарушений условий содержания без предоставления конкретных доказательств в силу того, что их сбор в рамках исправительного учреждения или СИЗО для него сильно затруднен.

Следовательно, суд должен выяснить, являются ли оспариваемые меры обоснованными, разумными и необходимыми для достижения законной цели, не приводит ли их применение к чрезмерному обременению граждан и организаций. Как свиде-

тelleствует практика рассмотрения судебных дел по ст. 227.1 КАС РФ, если учреждения уголовно-исполнительной системы не смогли доказать факт соблюдения прав подозреваемых обвиняемых и осужденных на надлежащие условия содержания, то решение принимается в пользу истца. Так, в ходе рассмотрения дела № 2а-1018/2021 Советским районным судом города Нижнего Новгорода в отношении каждого заявленного административным истцом требования суду учреждениями ФСИН России представлялись доказательства обеспечения надлежащих условий содержания. Те факты, которые не были учреждениями обоснованы как надлежащие условия содержания, трактовались в пользу административного истца и признавались как не-надлежащие. Так, судом установлено наличие нарушений коммунально-бытовых условий содержания административного истца, которые выражались в значительных нарушениях целостности покрытия стен и пола.

Вместе с тем не все суды придерживаются положений указанного выше постановления Пленума. Так, анализ решений районных судов г. Москвы свидетельствует, что практически по всем поступившим административным исковым заявлениям вынесен отказ.

В обоснование отказа суд указывает следующие обстоятельства:

- доводы истца о допущенных нарушениях не нашли своего подтверждения;
- достоверных и допустимых доказательств того, что в период содержания истца в ИК/СИЗО, например, освещение не соответствовало вышеуказанным нормам, материалы проверки не содержат;
- нормы в отношении административного истца нарушены не были, все осуществлялось на основании действующего законодательства и ведомственных нормативных актов;
- каких-либо устных, письменных жалоб и заявлений от административного истца к соответствующим лицам в соответствующем месте за все время не поступало.

Так, из решения Замоскворецкого суда г. Москвы от 23.06.2020 по делу № 2а-481/2020 следует, что суд возложил бремя доказывания наличия совокупности указанных выше обстоятельств на истца. Ответчик же, как указывает суд, в случае несогласия с заявленными требованиями обязан лишь доказать наличие обстоятельств, свидетельствующих об отсутствии вины.

Самым проблемным и неоднозначным остается вопрос относительно суммы компенсации. На законодательном уровне данное положение не урегулировано. На сегодняшний день имеется только финансово-экономическое обоснование к проекту Федерального закона № 711788-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования компенсаторного судебного средства правовой защиты от нарушений, связанных с необеспечением надлежащих условий содержания под стражей и в исправительных учреждениях», которое предполагает исходить из базовой суммы в 3 тыс. евро на одного заявителя.

Анализ судебной практики по данной категории дел свидетельствует, что у судов нет единообразного подхода к определению суммы компенсации.

Рассмотрим практику судов отдельных субъектов Российской Федерации. Следует отметить, что размер большинства компенсаций, которые присуждаются, не превышает 50 тыс. руб.

Решением Советского районного суда города Нижнего Новгорода от 09.03.2022 по делу № 2а-1018/2021 гражданину М. присуждена компенсация в размере 20 тыс. руб. за ненадлежащие коммунально-бытовые условия, выразившиеся в отсутствии ремонта в камере СИЗО. Решением Усть-Вымского районного суда Республики Коми от 24.05.2022 № 2а-542/2022 гражданину С. присуждена компенсация в размере 8 тыс. руб. за ненадлежащие условия содержания, выразившиеся в необеспечении С. горячей водой. Решением Центрального районного суда г. Тольятти Самарской области от 18.09.2020 гражданину В. присуждена компенсация в размере 40 тыс. руб.

Вместе с тем по результатам анализа практики судов апелляционной и кассационной инстанций установлено, что размер компенсаций по отдельным делам увеличивался в несколько раз. Так, например, Апелляционным определением судебной коллегии по административным делам Самарского областного суда от 01.12.2020 решение Центрального районного суда г. Тольятти Самарской области от 18.09.2020 изменено в части суммы компенсации за нарушение условий содержания в исправительном учреждении с 40 тыс. до 300 тыс. руб.

С учетом вышеизложенного можно сделать вывод, что судья, принимая решение о сумме компенсации, руководствуется своим собственным убеждением, не используя при этом никакой системы расчетов.

Представляется, что суду при определении суммы компенсации можно использовать систему расчетов стоимости затрат на одного осужденного по каждому пункту из составляющих условия содержания. На уровне ведомственных нормативных правовых актов ФСИН России существуют установленные нормативы, например, по нормам питания, обеспечения предметами личной гигиены, вещевым довольствием и др. Содержание осужденного обходится государству в сумму около 60 тыс. руб. в год [2]. Следовательно, суду при вынесении решения и компенсации можно учитывать затраты, произведенные государством на содержание осужденного, подозреваемого или обвиняемого.

Таким образом, исследование механизма компенсации за ненадлежащие условия содержания и практики его применения в Российской Федерации позволило сделать вывод о том, что в настоящее время нет единого подхода к рассмотрению таких дел судами. Отдельные суды действуют в нарушение требований Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел, связанных с нарушением условий содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания» и возлагают обязанность по сбору доказательств на административного истца. Решений об устранении выявленных нарушений судами вообще не принимается, а устанавливается только наличие факта ненадлежащих условий содержания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Филатова М. А., Бутко А. Условия содержания под стражей: новый российский механизм защиты и практика европейских стран. Решение Европейского суда по правам человека по делу «Шмелев и другие против России» // Международное правосудие. 2020. № 2. С. 27–46.
2. Интервью с заместителем директора ФСИН России Валерием Максименко. URL: <https://iz.ru/784699/2018-09-03> (дата обращения: 10.01.2023).

REFERENCES

1. Filatova M.A., Butko A. Conditions of detention: a new Russian remedy and the practice in European countries. Decision of the European Court of Human Rights in the case of Shmelev and Others v. Russia. *Mezhdunarodnoe pravosudie = International Justice*, 2020, no. 2, pp. 27–46. (In Russ.).
2. *Interv'yu s zamestitелем директора ФСИН России Valeriem Maksimenko* [Interview with Deputy Director of the Federal Penitentiary Service of Russia Valerii Maksimenko]. Available at: <https://iz.ru/784699/2018-09-03> (accessed January 10, 2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

СВЕТЛАНА ВАСИЛЬЕВНА ЗАВИТОВА – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права и процесса Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, svzavitova@msal.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5936-1482>

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ КОЛОСКОВ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, koloskov888@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3736-2075>

SVETLANA V. ZAVITOVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Administrative Law and Process of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia, svzavitova@msal.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5936-1482>

ALEKSANDR M. KOLOSKOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, koloskov888@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3736-2075>

Статья поступила 10.01.2023

Научная статья

УДК 342.9:004

doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.006

Актуальные проблемы цифровизации деятельности органов исполнительной власти

РОМАН ВАДИМОВИЧ НАГОРНЫХ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, nagornikh-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>

ДАРЬЯ ВЛАДИМИРОВНА ПОПОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, daryapopova17@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы цифровизации деятельности органов исполнительной власти. Отмечается несовершенство законодательства в данной области. Взгляды ученых открывают новое видение на различные стороны актуального вопроса. Приведены наиболее подходящие предложения по совершенствованию определений, намечены пути решения дискуссионного вопроса.

Ключевые слова: цифровизация; компетенция; управление; органы исполнительной власти; электронное правительство.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Нагорных Р. В., Попова Д. В. Актуальные проблемы цифровизации деятельности органов исполнительной власти // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 2 (22). С. 59–64. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.006.

Original article

Relevant Problems of Digitalization of Executive Authorities' Activities

ROMAN V. NAGORNYKH

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, nagornikh-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>

DAR'YA V. POPOVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, daryapopova17@mail.ru

Abstract. The article considers relevant problems of digitalization of the activities of executive authorities. The imperfection of legislation in this area is noted. The views of scientists open up a new vision on various aspects of the current issue. The most suitable proposals for improving definitions are given and the ways of solving the debatable issue are outlined.

Keywords: digitalization; competence; management; executive authorities; electronic government.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Nagornykh R.V., Popova D.V. Relevant problems of digitalization of executive authorities' activities. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 2 (22), pp. 59–64. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.006.

Развитие информационных технологий обуславливает трансформацию значительного сегмента правового регулирования и правоприменительной практики в нашей стране, которая затрагивает традиционные сферы правового регулирования (гражданский оборот, интеллектуальная собственность, антимонопольное регулирование, специальные правовые режимы, стандартизация, трудовое законодательство, безопасность, противодействие терроризму, экстремизму, коррупции и т. п.), а также приводит к появлению ряда новых направлений в праве (управление изменениями, LegalTech, интеграционное регулирование, цифровая среда доверия, финансовые технологии, большие данные, киберфизические системы и др.) [1].

Одним из направлений цифровизации является модернизация деятельности органов исполнительной власти. Эта работа планируется на основании государственных программ и концепций, которые подчеркивают важность цифровизации, улучшенных технологий. Все действия направлены на переход в электронный формат, что должно упростить труд в системе органов власти. Цифровизация предназначена для развития государства в различных сферах, и система исполнительной власти не является исключением.

Цифровизация – процесс внедрения новейших информационных технологий в деятельность органов власти, комплексное распространение их во всех сферах жизни общества. Пока нет единого понятия цифровизации, оно не закреплено на законодательном уровне [2]. Это является одной из проблем.

Например, В. А. Яковлев-Чернышев в понятие цифровизации включает совокупность специальных средств, технических процессов баз данных и интернет-ресурсов, которые направлены на совершенствование получения, обработки информации и обмена ею в обществе и в государственном управлении [3]. По мнению П. П. Кабытова, это многолетняя глобальная трансформация, приобретающая все более масштабный характер, частью которой является информатизация общества и государства. Она касается не только организации деятельности органов власти, но и законодательных изменений [4].

Принятие указов Президента от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» послужило толчком для глобальных изменений в стране. Обозна-

чены следующие главные цели: государственные структуры, органы исполнительной власти на всей территории государства должны быть обеспечены Интернетом к 2024 г.; к этому же времени требуется усилить меры информационной безопасности, продолжить борьбу с киберпреступлениями. Немаловажной является необходимость создания именно российских стандартов обеспечения безопасности в данной сфере, а также стремление к наиболее развитой автоматизированной деятельности органов исполнительной власти; совершенствование цифровых услуг, которые предоставляет государство гражданам.

Взаимодействие органов исполнительной власти и граждан налажено посредством многих онлайн-сервисов. Эта тенденция активно стала развиваться в период пандемии и продолжает быть актуальной. В основном все интересующие услуги население может получить с помощью информационного портала «Государственные услуги Российской Федерации». С помощью него осуществляется автоматическое предоставление органами различного спектра услуг гражданам.

Госуслуги – государственная информационная система, объединенная в базу данных органов власти, которые предоставляют услуги в электронном виде. Это во многом упрощает функционирование органов, уменьшает их загруженность, удовлетворяя потребности граждан. Государством планируется достичь высокого уровня оказания услуг автоматически без подачи заявлений и предоставления множества документов, которые ранее были необходимы. Например, выдача сертификата на материнский капитал предполагает беззаявительный процесс получения данных и обмена их между органами исполнительной власти с помощью электронного реестра актов гражданского состояния. Но в Федеральном законе от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 04.11.2022) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» на сегодняшний день нет полного подробного разъяснения такого порядка. Также многие граждане не осведомлены о такой возможности.

По мнению Т. Б. Ивановой, проблема заключается также в том, что у россиян уровень цифровых навыков очень низкий. В этом есть отрицательная роль государства, так как глобальные процессы развития данной сферы совершаются именно для улучшения жизни граждан, нововведения должны быть всем понятны и доступны [5]. Например, услуги в онлайн-сервисах частных организаций и компаний более развиты, чем услуги органов исполнительной власти. По этой причине у граждан возникают обоснованные требования от государства высокого уровня предоставления им услуг органами исполнительной власти. Это является серьезным недостатком.

В Едином плане по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 г. и на плановый период до 2030 г., утвержденном распоряжением Правительства Российской Федерации от 01.10.2021 № 2765-р, четкой целью является технологический прорыв, внедрение и развитие информационных технологий в государственные органы, экономику и другие сферы. Каждый человек должен столкнуться с цифровой трансформацией. Но анализ законодательства позволяет сделать вывод об отставании нормативно-правовой базы от процесса внедрения технических информационных систем и самих инновационных технологий.

Исходя из анализа деятельности органов исполнительной власти, можно заметить, что современные информационные технологии более развиты в системе контрольно-надзорной деятельности и в системе предоставления государственных ус-

луг. Но и тут есть недостатки, которые необходимо грамотно устранить. В системе контроля и надзора необходимо разработать порядок, критерии и условия применения дистанционных методов контрольно-надзорной деятельности, которые сейчас наиболее актуальны. Также необходимо регулировать правильность и точность результатов мероприятий контроля и надзора, обеспечить уровень доказательного значения в законодательстве об административных правонарушениях [6].

В области предоставления государственных услуг также важны изменения. В федеральном законе «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» следует внести изменения относительно предоставления государственных услуг в проактивном режиме.

Цифровизация успешно проходит в крупнейших городах, но по объективным причинам, прежде всего финансовым, тормозится на региональном уровне.

Безусловно, цифровизация играет большую роль в современной жизни, но она должна происходить повсеместно и тщательно регулироваться на законодательном уровне [4]. Следует учитывать мнение простых граждан, так как нововведения касаются их повседневной жизни. Сегодня это является одной из острых проблем. Необходимо наладить доверительные отношения органов исполнительной власти с гражданами в процессе внедрения новейших технологий.

В юридической литературе обращается внимание на необходимость разработки и дальнейшего развития законодательных актов, которые бы обеспечили качественное осуществление деятельности органами власти, а также их взаимодействие в процессе работы. Важна информационная безопасность в процессе цифровизации. Нужны такие способы, которые смогли бы удовлетворить население при использовании ими сервисов, предоставляющих возможность в любой момент взаимодействовать с органами исполнительной власти непосредственно. Необходимо на законодательном уровне закрепить основы электронного правительства, которые создадут условия эффективной деятельности органов и снизят риски больших экономических вложений при выполнении функций системы органов [1]. Безусловно, необходимо принять во внимание данные предложения.

Таким образом, можно сделать вывод, что процесс цифровизации и улучшения деятельности системы власти важен. Предоставление гражданам государственных услуг органами исполнительной власти неизбежно будет приобретать дистанционный формат, предполагающий безопасное взаимодействие между ними, исключающее попадание персональных данных третьим лицам. Но не менее значимо исправление тех пробелов, коллизий и ошибок на практике, которые все чаще являются в современных условиях. Очень важна заинтересованность государства в оптимизации процессов развития современных информационных технологий для улучшения жизни граждан. Также проблемы законодательного регулирования и цифровизации точно указывают на то, что система неидеальна и требует доработок. В процессе внедрения новых информационных технологий стоит обратить внимание именно на расширение цифровизации нормотворческой деятельности. Важно не только быстрое реагирование на сложности и препятствия, но и учет интересов населения, непосредственно для которого и создаются все условия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Нагорных Р. В. О совершенствовании административно-правового регулирования в условиях цифровизации экономики // Юридическое образование и наука. 2021. № 3. С. 39–44.
2. Данилова Л. Н., Солынин Н. Э. Основные подходы к пониманию цифровизации и цифровых ценностей // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. № 2. С. 5–12.
3. Яковлев-Чернышев В. А. Цифровизация государственного управления в Российской Федерации: преимущества и риски // NB: Административное право и практика администрирования. 2021. № 2. С. 42–51.
4. Кабытов П. П., Стародубова О. С. Влияние цифровизации на реализацию полномочий органов исполнительной власти // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 296–302.
5. Эволюция цифрового управления в органах исполнительной власти / под ред. Т. Б. Ивановой. Волгоград, 2021. С. 56.
6. Олейник С. С. Актуальные проблемы оптимизации трехуровневой системы федеральных органов исполнительной власти в соответствии с реализуемыми ими функциями в свете конституционной реформы 2020 года // Молодой ученый. 2022. № 41 (436). С. 162–164.

REFERENCES

1. Nagornyykh R.V. On the improvement of the administrative law regulation in the economy digitization conditions. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka = Legal Education and Science*, 2021, no. 3, pp. 39–44. (In Russ.).
2. Danilova L.N., Solynin N.E. The main approaches to understanding digitalisation and digital values. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika = Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2020, no. 2, pp. 5–12. (in Russ.).
3. Yakovlev-Chernyshev V. A. Digitalization of state administration in the russian federation: advantages and risks. *Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniya = NB: Administrative Law and Administration Practice*, 2021, no. 2, pp. 42–51. (In Russ.).
4. Kabytov P.P., Starodubova O.S. The Impact of digitalization on the implementation of the executive authorities' powers. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2020, no. 11, pp. 296–302. (In Russ.).
5. *Evolutsiya tsifrovogo upravleniya v organakh ispolnitel'noi vlasti* [Evolution of digital management in executive authorities]. Ed. by Ivanova T.B. Volgograd, 2021. P. 56.
6. Oleinik S.S. Actual problems of optimization of the three-level system of federal executive authorities in accordance with the functions they implement in the light of the constitutional reform of 2020. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2022, no. 41 (436), pp. 162–164. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

РОМАН ВАДИМОВИЧ НАГОРНЫХ – доктор юридических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН

ROMAN V. NAGORNYKH – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, professor at the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service,

России, Вологда, Россия, nagornikh-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>

ДАРЬЯ ВЛАДИМИРОВНА ПОПОВА – магистрант факультета психологии и права Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, daryapopova17@mail.ru

Vologda, Russia, nagornikh-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>

DAR'YA V. POPOVA – Master's Student of the Faculty of Psychology and Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, daryapopova17@mail.ru

Статья поступила 10.04.2023

Научная статья

УДК 343.8

doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.007

Эволюция применения ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ

ЕКАТЕРИНА ВАЛЕРЬЕВНА АВДЕЕВА

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ИГСУ РАНХиГС), Москва, Россия

Общероссийская общественная организация «Деловая Россия», Москва, Россия

pravo@deloros.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются общие начала и особенности применения заключения под стражу лиц, подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности; проанализированы мнения ученых по вопросу избрания заключения под стражу лиц, преследуемых за совершение преступлений в сфере экономической деятельности. Автор приходит к выводу о том, что для развития экономики и обеспечения экономической безопасности необходимо предусматривать для предпринимателей меру пресечения, позволяющую продолжить ведение хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность; уголовное и уголовно-процессуальное законодательство; меры пресечения; заключение под стражу.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Авдеева Е. В. Эволюция применения ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 2 (22). С. 65–78. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.007.

Original article

Evolution of the Application of Part 1.1 of Article 108 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation

EKATERINA V. AVDEEVA

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia

All-Russian Public Organization “Business Russia”, Moscow, Russia

pravo@deloros.ru

Abstract. This article considers general principles and features of the use of detention of persons suspected of committing crimes in the field of entrepreneurial and other economic activities; analyzes scientists' point of view on the issue of detaining persons prosecuted for committing crimes in the field of economic activity.

© Авдеева Е. В., 2023

The author comes to the conclusion that in order to develop the economy and ensure economic security, it is necessary to provide for a preventive measure for entrepreneurs that gives them the opportunity to continue conducting economic activities.

Keywords: entrepreneurial activity; criminal and criminal procedural legislation; preventive measures; detention.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Avdeeva E.V. Evolution of the application of Part 1.1 of Article 108 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 2 (22), pp. 65–78. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.007.

До сегодняшнего дня проблема избрания меры пресечения в виде заключения под стражу для предпринимателей остается актуальной. Вопрос поднимается на всех уровнях, и даже Президент Российской Федерации в своих выступлениях указывает на необходимость прибегать к иной мере пресечения для данной категории граждан [1; 2]. Законодатель еще в 2009 г. в Федеральном законе от 29.12.2009 № 383-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» попытался решить проблему путем введения ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ. Для того чтобы осмыслить перспективы изменений и их целесообразность, необходимы четкое осознание предпосылок для введения ограничений на избрание меры пресечения в виде заключения под стражу для предпринимателей, определение четких критериев субъекта предпринимательской деятельности, а также анализ истории трансформации нормы и изменений правоприменительной практики.

Вопрос выделения дополнительных гарантий субъектам предпринимательской деятельности был изначально дискуссионным. Например, О. В. Гладышева полагала, что содержание ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ вызывает определенные сомнения с точки зрения уголовного судопроизводства, считая неправильным установление усиленной правовой охраны предпринимателей. Данная норма с учетом ее нормативно-правовой природы многими рассматривалась со скептической позиции [3]. Поэтому многие ученые, признавая важность нормы, высказывали озабоченность недостаточностью правовой определенностью в случаях, когда речь идет о статьях, перечисленных с отсылкой совершения их в сфере предпринимательской деятельности с указанием на то, что Верховный Суд Российской Федерации в постановлении от 19.06.2020 № 15 «О внесении дополнения в постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 29 октября 2009 года № 22 “О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста”» достаточно однозначных и понятных разъяснений по этому вопросу не предоставил [4].

При этом ученые и эксперты, как поддерживающие выделение специальных мер защиты прав субъектов предпринимательской деятельности, так и несогласные с такой конструкцией в уголовно-процессуальном законодательстве, обращали особое внимание на требование об усилении уровня доказанности подозрения, при котором следователю необходимо обеспечить суду доказательную базу не только объективной, но и субъективной стороны преступления, для чего возможными

могут стать доказательства умысла при совершении мошеннических действий и заведомого отказа от законодательно регулируемой предпринимательской деятельности [5]. Также указывается необходимость обоснованности вменяемого обвиняемому преступления в целом, а в особенной части – акцента на его тяжести для определения возможности заключения предпринимателя под стражу [6, с. 10–31].

Обобщая изложенные позиции, в первую очередь, следует обратить внимание на степень значимости ограничения заключения под стражу для субъектов предпринимательской деятельности для экономики страны, именно поэтому актуальным остается вопрос изменения сложившейся негативной тенденции правоприменительной практики, связанной с избранием меры пресечения в виде заключения под стражу предпринимателям по экономическим преступлениям. Для оценки ситуации необходимо обращаться к статистическим данным, однако приходится констатировать их отсутствие в требуемом объеме, с необходимой детализацией, относящейся именно к предпринимателям, тем более в корреляции с экономическими последствиями. Здесь приходится обозначить еще одну проблему, связанную с отсутствием полноценной статистики учета предпринимательских составов, особенно если речь идет о мошенничестве по общеуголовным ч. 1–4 ст. 159 УК РФ или присвоении или растрате (ст. 160 УК РФ), так как в статистической карточке учета такие преступления в соответствии с указанием Генпрокуратуры России № 34/11, МВД России № 1 от 24.01.2020 (ред. от 13.07.2020) «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» относятся к предпринимательским только при наличии дополнительных условий, при которых выявленное преступление может быть отнесено к числу преступлений экономической направленности, а такие дополнительные условия проставляются далеко не всегда, что приводит к невозможности проанализировать реальную статистику по избранию меры пресечения предпринимателям. Полноценную статистику мы имеем только по тем статьям, которые безусловно относятся к предпринимательским (ч. 5–7 ст. 159, ст. 171, 171.1, 171.3–172.3, 173.1–174.1, 176–178, 180, 181, 183, 185–185.4 и 190–199.4 УК РФ). По таким статьям количество заключенных под стражу действительно невелико. Например, в г. Москве на апрель–май 2023 г., согласно ответу ОНК г. Москвы и УФСИН России по г. Москве, таких лиц насчитывается 16. По ст. 159, 160 УК РФ, согласно статистике ФСИН России, 166 предпринимателям избрана мера пресечения, однако исследование ОНК по г. Москве, предоставленное в Экспертный центр по уголовно-правовой политике и исполнению судебных актов Общероссийской общественной организации «Деловая Россия» в ответ на официальный запрос, показывает, что количество предпринимателей, которым избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, в разы превышает заявленные показатели, что можно связать с особенностями статистического учета.

Можно также проанализировать статистику по всей стране за последние годы по экономическим преступлениям, предусмотренным гл. 22 УК РФ. Она варьируется по годам, демонстрируя динамику снижения в 2021 и 2022 гг. с количеством удовлетворенных ходатайств об избрании меры пресечения в 77 % и 79 % соответственно [7]. Но данные показатели не включают статистику избрания меры пресечения в связи с инкриминированием ст. 159, 160 УК РФ, по которым и приходится фиксировать очаг проблемы. При этом большая часть статей гл. 22 УК РФ включена

в перечень статей, по которым мера пресечения является безусловной, за исключением обстоятельств п. 4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ. Хотелось бы отметить солидарную со многими учеными позицию: поддерживая необходимость мер защиты предпринимателей в уголовном судопроизводстве, нельзя игнорировать то, что преступления совершаются, а некоторые представители предпринимательского сообщества умышленно нарушают закон [8], демонстрируют деструктивное поведение [9].

Существующая статистика не позволяет точно определить количество инкриминируемых мошеннических действий в связи, например, с возмещением НДС или исполнением госконтрактов, что, безусловно, является важным не только для статистических данных при анализе количества лиц из числа предпринимателей, которым избрана та или иная мера пресечения, но и для формирования комплекса превентивных мер по предупреждению преступности по соответствующим составам в целом и отдельным ее проявлениям, что в конечном итоге влияет на экономическую безопасность [10].

Именно поэтому приходится опираться на структуры, деятельность которых направлена на защиту прав предпринимателей, к которым можно отнести Уполномоченного по защите прав предпринимателей при Президенте Российской Федерации и бизнес-омбудсменов регионального уровня. Именно они способны путем анализа и обобщения жалоб сформировать определенную статистику. Также необходимая статистика формируется благодаря системной работе специализированных структур крупнейших деловых объединений, куда предприниматели также обращаются за защитой нарушенных прав, и созданной при участии деловых объединений Платформой для работы с обращениями предпринимателей «ЗаБизнес.РФ».

Так, по статистике бизнес-омбудсмента, мера пресечения в виде заключения под стражу приводит к фатальным последствиям для всего бизнеса, а это означает, что не только сам предприниматель и его семья теряют источник доходов, но и государственный бюджет не получает те налоговые отчисления, которые участвуют в формировании бюджетов федерального и регионального уровней, потому как именно изоляция предпринимателя в СИЗО приводит к банкротству компании. Здесь же следует учитывать, что банкротство не только снижает поступления в бюджет (бизнес с избранием меры пресечения в виде заключения под стражу теряют более 90 % предпринимателей [11]), но и оказывает влияние на сотрудников таких компаний, которые теряют стабильную работу и источник дохода (в среднем около ста человек на одно обанкротившееся предприятие [12; 13]), а это социальные последствия. Оценка помещения предпринимателя в СИЗО по экономическим преступлениям ввиду неочевидности самого события преступления приводит к формированию недоверия к правоохранительным и судебным органам [14], ухудшению делового и инвестиционного климата, иным негативным тенденциям, которые связаны с уменьшением поступлений в бюджет, что в совокупности и в долгосрочной перспективе наносит ущерб экономике, представляет угрозу экономической безопасности [15, с. 21–36].

Это подтверждается и позицией Президента Российской Федерации, который неоднократно обращал внимание на то, что судебная власть влияет на деловой климат в стране [16]. Так, во время ежегодного совещания судей судов общей юрисдикции, военных и арбитражных судов Российской Федерации 14 февраля 2023 г. глава государства отметил, что судебная власть через правоприменительную практику

всегда влияла на формирование в нашей стране благоприятного делового, инвестиционного климата. В этой связи вновь встает вопрос о законодательных гарантиях защиты предпринимателей от необоснованного уголовного преследования, включая запрет на продление срока содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в преступлениях в экономической сфере, а также избрание для них мер пресечения, не связанных с изоляцией от общества [17].

Во время расширенного заседания коллегии МВД России глава государства обратил внимание на то, что необходимо контролировать обоснованность возбуждения уголовных дел в отношении предпринимателей, кроме того, нужно максимально применять альтернативы аресту к обвиняемым в экономических преступлениях, такие как залог, подписка о невыезде, домашний арест и др. [18].

Приведенные выше аргументы всегда были актуальны и послужили основанием введения ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ в действие. Сама норма была внесена ст. 3 Федерального закона от 29.12.2009 № 383-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», вступила в силу с 01.01.2010, изначально предполагала ограничение при избрании меры пресечения для лиц, которым инкриминировались налоговые преступления по ст. 198–199.2 УК РФ.

Федеральным законом от 07.04.2010 № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» список составов, по которым предполагались ограничения в соответствии с ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, был расширен, причем были внесены составы, по которым, как и в случае с налоговыми преступлениями, ограничение применяется без оговорок о совершении преступления в сфере предпринимательской деятельности (ст. 171–174, 174.1, 176–178, 180–183, 185–185.4, 190–199.2). Исключение делается лишь в ситуации, когда подозреваемый или обвиняемый не имеет места постоянного жительства на территории Российской Федерации, его личность не установлена, им нарушена ранее избранная мера пресечения или он скрылся от органов предварительного расследования или суда. В ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ были добавлены ст. 159 (мошенничество), ст. 160 (присвоение или растрата), ст. 165 (причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием), при вменении которых ограничение в избрании меры пресечения было предусмотрено только в случае совершения преступления в сфере предпринимательской деятельности.

Необходимо обратить внимание на то, что определение сферы предпринимательской деятельности в уголовном законодательстве отсутствует, что предполагает отнесение деяния к таковому через оценку на основании личного усмотрения следователя при направлении ходатайства и судьи при вынесении постановления об его удовлетворении или отказе и сложившейся правоприменительной практики, предоставляя судам при утверждении ходатайства следователя большую долю усмотрения [19]. Попытку разрешить эту правовую неопределенность предпринял Верховный Суд в своем постановлении от 19.06.2020 № 15 «О внесении дополнения в постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 29 октября 2009 года № 22», сделав отсылку к ст. 2 ГК РФ. В результате точка зрения, опирающаяся на то, что предпринимательская деятельность должна соответствовать положениям ГК РФ, легла в основу правоприменительной практики и стала аргументом для отказа признания совершения преступления в сфере предпринимательской

деятельности с формулировкой «по смыслу действующего законодательства предпринимательская деятельность не может осуществляться в целях незаконного обращения чужого имущества путем обмана в свою пользу, то есть в корыстных целях». Поэтому разъяснение, изначально вызывавшее скептическое отношение ученых, было подтверждено негативными тенденциями правоприменительной практики.

Сама ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ изменялась в 2012 (федеральный закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ), 2016 (федеральный закон от 03.07.2016 № 325-ФЗ), 2017 (федеральный закон от 29.07.2017 № 250-ФЗ) и 2018 гг. (федеральный закон от 27.12.2018 № 533-ФЗ), но речь шла о технических правках, связанных с введением и отменой новых составов. В 2012 г. была введена ст. 159.4 УК РФ, которая предусматривала ответственность за мошенничество именно в сфере предпринимательской деятельности (федеральный закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ), но уже в 2014 г. она была признана не соответствующей Конституции Российской Федерации Конституционным Судом Российской Федерации и в 2016 г. утратила силу (федеральный закон от 03.07.2016 № 325-ФЗ). Вместо нее были введены ч. 5–7 ст. 159 УК РФ, которые крайне редко применяются на практике, хотя помещение предпринимателя в СИЗО для этого состава не предусмотрено, так как она перечислена в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ для применения без каких-либо оговорок.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» в 2017 г. давало дополнительные разъяснения, связанные с особенностями квалификации преступлений по ст. 159, 160 УК РФ, а также о применении ч. 5–7 ст. 159 УК РФ, но надежды правозащитников не оправдались. Вступившие в 2019 г. поправки в ч. 1.1 ст. 108 и ст. 109 УПК РФ, внесенные федеральным законом от 02.08.2019 № 315-ФЗ, предполагали серьезные перспективы в части изменений в правоприменительной практике, так как законодатель отказался от указания исключительно на совершение деяния только в сфере предпринимательской деятельности, перечислив субъектов и распространив понятие на индивидуальных предпринимателей, указав на совершение деяния в иной экономической деятельности, связанной с управлением собственным имуществом, включив действующих членов органов управления коммерческих организаций и присоединив иные виды экономической деятельности, распространив на все упомянутое ограничения в избрании меры пресечения, предусмотренные в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ. Необходимо констатировать улучшение ситуации, но кардинального изменения в правоприменительной практике так и не произошло.

Следует заметить, что уже в самом определении действующей редакции есть некоторые изъяны, так как лицо может привлекаться как бенефициар, при этом его участие в юридическом лице может быть опосредовано через другую компанию, но при формальном подходе он уже не будет попадать в круг обозначенных субъектов указанной части, когда речь не идет о четко определенных составах, при инкриминировании которых мера пресечения в виде заключения под стражу избирается действительно только в крайних случаях, упомянутых в п. 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ. Однако определение Верховного Суда Российской Федерации, согласно которому «экономической деятельностью принято считать взаимосвязанную совокупность процессов (в число которых входит и предпринимательская деятельность), возникающих в результате указанной выше деятельности общества, целью которой является полу-

чение максимального положительного результата при потреблении ресурсов и благ при одновременном стремлении минимизировать влияние факторов, которые могут оказать негативный эффект» [20], не дает достаточных критериев для его применения в уголовном судопроизводстве. Суд посчитал, что под иной экономической деятельностью понимается и деятельность ТСЖ по управлению общей собственностью с максимальной выгодой для собственников [21], то есть сфера действия расширена, но была ли выгода максимальной – всегда может быть подвергнуто сомнению, а потому дать основание для того, чтобы утверждать, что такая деятельность не может быть признана «иной экономической» по аналогии со сложившейся практикой отказа признавать деяния в сфере предпринимательской деятельности.

Очередная попытка существенно сократить количество удовлетворенных ходатайств следователя по избранию меры пресечения в виде заключения под стражу было предпринято в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.2020 № 7 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам», где были внесены поправки в ранее принятые постановления, ужесточающие критерии для вынесения судами решений о взятии под стражу обвиняемых по делам в сфере предпринимательской деятельности [22], сформировано требование предоставлять доказательства совершения преступления не в сфере предпринимательской деятельности. Но все же мы вынуждены констатировать, что ограничение при избрании меры пресечения соблюдается не часто, сводя обстоятельства деяния к обычным преступлениям, не признавая совершенным его в сфере предпринимательской деятельности [23].

Сегодня, как и ранее, при вынесении постановления об удовлетворении ходатайства следователя об избрании меры пресечения судом продолжает применяться формальная оценка достаточности соблюдения установленной законом формы без должного анализа совокупности факторов по своей сути. В таком случае судом практически игнорируется обязанность контроля законности решений правоохранительных органов, в том числе с учетом обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу [19]. При этом обращается особое внимание на то, что суд прикрывается нередко формальными отговорками при принятии решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, ссылаясь на то, что «в компетенцию суда не входит оценка доказательств по существу, и суд не вправе входить в обсуждение вопросов о доказанности либо недоказанности вины лица... в связи с чем на данной стадии нельзя согласиться с тем, что инкриминируемое Б. деяние совершено в сфере предпринимательской деятельности» [5, с. 159]. Также указывается на необходимость обоснованности вменяемого обвиняемому преступления в целом, а по общему правилу – на его тяжесть для определения возможности заключения предпринимателя под стражу [6].

Нельзя не заметить, что результатом всех попыток изменения сложившейся тенденции и решения проблемы с избранием меры пресечения в виде заключения под стражу предпринимателей все же становится уменьшение количества предпринимателей, находящихся в СИЗО, и это является действительно большим достижением, но приходится констатировать, что коррекция правоприменительной практики происходит слишком медленно.

Представленный Правительством Российской Федерации законопроект «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»

является еще одной попыткой изменить негативные тенденции, решить поставленную задачу в виде ограждения предпринимателей от меры пресечения в виде заключения под стражу, но в части внесения изменений в ст. 108 УПК РФ полностью дублирует Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.2020 № 7 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам». Оценивая перспективы влияния законопроекта на помещение предпринимателей в СИЗО, стоит учитывать отсутствие качественных изменений при избрании им меры в случае инкриминирования общеуголовных частей ст. 159, 160 УК РФ после указанного выше пленума. Возможно, очередные небольшие положительные изменения можно будет зафиксировать в судебной практике в части снижения количества решений об удовлетворении ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу после введения на уровне законодательства дополнительных ограничивающих элементов. К сожалению, существующий законопроект оставляет достаточное количество возможностей правоприменителям в случае отсутствия у них желания изменять сложившуюся тенденцию. Несмотря на все попытки законодателя сформулировать норму так, чтобы она была действующей для предпринимателей и не позволяла ее эксплуатировать лицам, которые ведут предпринимательскую деятельность для прикрытия изначально противоправных действий, создав необходимые условия для значительного уменьшения количества предпринимателей, содержащихся в СИЗО, результаты не оказываются удовлетворительными. В сложившихся обстоятельствах становится заметным, что проблема лежит именно в правоприменительной практике, а отнюдь не в законодательстве. А вот предусматриваемые законопроектом гарантии в ст. 223 УПК РФ, вводящие дополнительные барьеры для продления срока содержания под стражей, могут способствовать разрешению ситуации при решении вопроса о мере пресечения, когда на местном уровне уже сложилась определенная практика при избрании меры пресечения, когда суды и прокуратура поддерживают следствие, не относясь критически к доводам и аргументам, которые предоставляются при продлении срока предварительного следствия и содержания под стражей лиц.

Таким образом, сегодня возможно оценить результаты применения ограничения на избрание меры пресечения для предпринимателей не только исходя из предположений ученых, но и путем анализа практики правоприменения. Мы видим, что с момента введения в ст. 108 УПК РФ ч. 1.1 сформировалась тенденция, определившая составы преступлений, с которыми ограничения на избрание меры пресечения в виде заключения под стражу в большей части успешно применяются. Статистика об избрании меры пресечения является корректной, количество лиц, которым такая мера пресечения избрана, достаточно невелика, что свидетельствует об эффективном действии нормы с составами преступлений, предусмотренных ч. 5–7 ст. 159, ст. 171, 171.1, 171.3–172.3, 173.1–174.1, 176–178, 180, 181, 183, 185–185.4 и 190–199.4 УК РФ, по применению с которыми отсутствует какая-либо оговорка, за исключением обстоятельств, указанных в п. 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ. Одновременно сформировалась практика очень избирательного применения такого ограничения с составами, по которым есть оговорка, указывающая на совершение деяния в сфере предпринимательской деятельности или иной экономической деятельности, что обусловлено тем, что эти статьи УК РФ предполагают квалификацию и других лиц, чьи

противоправные действия представляют большую общественную опасность ввиду изначально сформированного умысла и очевидной противоправности действий. Речь в первую очередь идет о ч. 1–4 ст. 159, ст. 160 УК РФ, причем такую тенденцию в течение уже 10 лет, несмотря ни на какие изменения, устранить не удастся, что свидетельствует о необходимости поиска иных способов решения проблемы.

Представляется, что изложенное позволяет сделать следующие выводы:

- в целях развития экономики и обеспечения экономической безопасности необходимо предусматривать для предпринимателей меру пресечения, позволяющую продолжить ведение хозяйственной деятельности;

- проблема избрания меры пресечения в виде заключения под стражу для субъектов предпринимательской деятельности актуальна, но статистические данные не позволяют оценить ее реальные масштабы;

- необходимо совершенствование статистического учета по предпринимательским составам для оценки текущей ситуации с избранием меры пресечения в связи с инкриминированием тех составов преступлений, которые предусмотрены статьями, перечисленными в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, с оговоркой совершения их в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности;

- следует пересмотреть подход к субъектному составу, закрепленному в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, так как существующая редакция определяет его таким образом, что правоприменитель может его толковать излишне узко, что также оказывает негативное влияние на правоприменительную практику при определении применимости ограничения специальной нормы в конкретном случае;

- необходимо признать, что ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ показывает свою эффективность со статьями, которые перечислены в ней без оговорки совершения преступлений в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности, а это означает, что одним из решений может стать выделение специальных составов мошенничества, совершаемых предпринимателями, как, например, мошенничество в связи с возмещением НДС, мошенничество в связи с исполнением госконтракта, с последующим включением их в список статей, перечисленных в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ без оговорки;

- следует четко определить цели по изменению показателей при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, что не представляется возможным без изменения подхода к статистическому учету, отмеченному выше, с необходимостью межведомственного взаимодействия с привлечением правоохранителей, делового, правозащитного сообществ, судейского корпуса при координации обсуждений и выработке решений, чтобы обеспечить действительно эффективные меры для решения задач в обозначенном вопросе;

- необходимо обеспечить дополнительное обучение для правоохранительных органов и судей, дающее комплексное представление об особенностях ведения предпринимательской деятельности;

- требуется повышение правовой грамотности самих предпринимателей для превенции нарушений закона, обеспечения ими доказательственной базы своих действий, исходя из критериев разумности и добросовестности, а также предотвращения их деструктивного поведения, которое может оказывать влияние на выводы о целесообразности применения наиболее жестких мер пресечения;

- следует принять за основу необходимость комплексно смотреть на решение вопроса, которое, очевидно, не лежит в плоскости только внесения изменений в

процессуальное законодательство, а должно учитывать квалификацию и организационно-структурные вопросы.

Таким образом, можно сделать вывод об отсутствии перспективы у поиска универсальной фразы оговорки к общеуголовным составам в рассматриваемой норме, так как за почти тринадцать лет негативной тенденции правоприменительной практики и попыток найти оптимальные сочетания слов, чтобы сделать ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ применимой при инкриминировании ч. 3–4 ст. 159, ст. 160 УК РФ сугубо для действительных субъектов предпринимательской деятельности, не предоставляя дополнительных поблажек для тех, кто лишь прикрывался ведением хозяйственной деятельности для реализации изначально преступного умысла, ситуация не изменилась. Устоявшиеся тенденции при отсутствии качественного результата должны подвести законодателя к необходимости при решении вопроса обращаться к комплексному взгляду, который не должен быть ограничен процессуальным законодательством, чтобы обеспечить более эффективное действие ограничения на помещение предпринимателей в СИЗО.

Также представляется важным обеспечить последовательные изменения, которые будут охватывать квалификационные, процессуальные и организационно-структурные аспекты, а также включение вопроса организации защиты прав субъектов предпринимательской деятельности в уголовно-правовую политику. В совокупности меры должны обеспечить расследование в отношении предпринимателей по экономическим составам без изоляции их от хозяйственной деятельности, а потому оказать благоприятное влияние на деловой климат, развитие экономики и экономическую стабильность и безопасность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Путин призвал к избранию бизнесменам других мер пресечения вместо СИЗО. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17046529> (дата обращения: 14.02.2022).
2. Путин назвал недопустимым безосновательное продление ареста бизнесменов. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/5c90cd2a9a79472ae97c92f0?from=article_body (дата обращения: 14.02.2022).
3. Шаров Д. В. Запрет на арест предпринимателя в «цифровую» эпоху: реальность или фикция? // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 75–77.
4. Александров А. С. К вопросу о смысле правового предписания, содержащегося в части 1.1 статьи 108 УПК РФ // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 3. С. 16–19.
5. Рудич В. В. К вопросу об изъятиях из запрета на заключение под стражу предпринимателей // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 398. С. 158–162.
6. Качалова О. В., Качалов В. И. Заключение под стражу в качестве меры пресечения: обоснованность применения и продления : учеб.-метод. материалы, подготовлен. в рамках прогр. сотрудничества Совета Европы и Рос. Федерации. М., 2019. 82 с.
7. Судебная статистика Российской Федерации. Уголовное судопроизводство. Применение мер пресечения. URL: [http:// stat.legalpress.ru/stats/ug/t/13/s/14](http://stat.legalpress.ru/stats/ug/t/13/s/14) (дата обращения: 14.02.2022).
8. Кадников Н. Г. К вопросу о том, «кошмарят» ли бизнес в России // Вестник экономической безопасности. 2019. № 4. С. 127–133.
9. Блогера Блиновскую задержали по делу о неуплате налогов на 918 млн. URL: https://www.rbc.ru/society/27/04/2023/644a10299a7947d6efc24268?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 01.05.2023).

10. Поветкина Н. А., Пятковская Ю. В., Трунцевский Ю. В., Рыжова Е. В. Мониторинг коррупционных факторов и эффективности мер по предупреждению коррупционных правонарушений в налоговых органах // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 5. С. 641–650.
11. Бажанов С. В. Состояние законности при возбуждении уголовных дел и расследовании преступлений, совершаемых предпринимателями // Право и экономика. 2017. № 8. С. 17–25.
12. Приложение к докладу Президента Российской Федерации за 2021 год «Уголовное преследование предпринимателей». URL: <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2021/4.pdf> (дата обращения: 14.02.2022).
13. Приложение к докладу Президенту Российской Федерации за 2017 год «Уголовное преследование предпринимателей». URL: <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2017/4.pdf> (дата обращения: 14.02.2022).
14. Закрытый опрос ФСО показал рекордное недоверие бизнеса к силовикам. URL: <https://www.rbc.ru/society/28/05/2019/5cebe7939a794754023bf449> (дата обращения: 14.02.2022).
15. Авдеева Е. В. Организация защиты прав субъектов предпринимательской деятельности в ходе расследования преступлений : моногр. М., 2023. 227 с.
16. Президент рассудил дело в пользу бизнеса. URL: <https://expert.ru/2023/02/15/putin-biznes/> (дата обращения: 15.02.2023).
17. Ежегодное совещание судей 15 февраля 2023 года. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/news/32142/ (дата обращения: 15.02.2023).
18. Путин призвал МВД следить за обоснованностью уголовного преследования бизнесменов. URL: <https://rg.ru/2023/03/20/putin-prizval-mvd-sledit-za-obosnovannosti-ugolovnogo-presledovaniia-biznesmenov.html> (дата обращения: 20.03.2023).
19. Авдеева Е. В., Николаева М. М. Судейское усмотрение в защите прав, свобод и гарантий предпринимателей // Судейское усмотрение : сб. ст. М., 2020. С. 95–128.
20. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16.09.2020 № 305-ЭС20-4513 по делу № А40-240512/2018. URL: https://www.vsrfr.ru/stor_pdf_ec.php?id=1913582 (дата обращения: 14.02.2022).
21. ВС дал толкование понятию «иная экономическая деятельность». URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-dal-tolkovanie-ponyatiyu-inaya-ekonomicheskaya-deyatelnost/> (дата обращения: 14.02.2022).
22. Верховный суд ограничил возможности ареста бизнесменов. URL: <https://www.rbc.ru/society/11/06/2020/5ee22fea9a79474df67abe9e> (дата обращения: 14.02.2022).
23. Иванов Д. А. Международные стандарты мер пресечения и их имплементация в законодательство Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 4. С. 623–630.

REFERENCES

1. *Putin prizval k izbraniyu biznesmenam drugikh mer presecheniya vmesto SIZO* [Putin called for the election of other preventive measures for businessmen instead of pre-trial detention]. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/17046529> (accessed February 14, 2022).
2. *Putin nazval nedopustimym bezosnovatel'noe prodlenie aresta biznesmenov* [Putin called unjustified extension of the arrest of businessmen unacceptable]. Available at: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5c90cd2a9a79472ae97c92f0?from=article_body (accessed February 14, 2022).
3. Sharov D.V. The ban on the arrest of the entrepreneur in the “digital” age: fact or fiction? *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 3, pp. 75–77. (In Russ.).

4. Aleksandrov A.S. To the issue of sense of the legal instruction containing in the Part 1.1 of the Article 108 of the CPC of the Russian Federation. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*, 2010, no. 3, pp. 16–19. (In Russ.).
5. Rudich V.V. Problems of the arrest order of entrepreneurs. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2015, no. 398, pp. 158–162. (In Russ.).
6. Kachalova O.V., Kachalov V.I. *Zaklyuchenie pod strazhu v kachestve mery presecheniya: obosnovannost' primeneniya i prodleniya: ucheb.-metod. materialy, podgotovlennye v ramkakh programm sotrudnichestva Soveta Evropy i Rossiiskoi Federatsii* [Detention as a preventive measure: validity of application and extension: teaching and learning aids prepared within the framework of cooperation programs of the Council of Europe and the Russian Federation]. Moscow, 2019. 82 p.
7. *Sudebnaya statistika Rossiiskoi Federatsii. Ugolovnoe sudopro-izvodstvo. Primenenie mer presecheniya* [Judicial statistics of the Russian Federation. Criminal court proceedings. Application of preventive measures]. Available at: <http://stats.ug/t/13/s/14> (<https://stat.legalpress.ru/stats/ug/t/13/s/14>) (accessed February 14, 2022).
8. Kadnikov N.G. On the question of “nightmare” whether business in Russia. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti = Economic Security Bulletin*, 2019, no. 4, pp. 127–133. (In Russ.).
9. *Blogera Blinovskuyu zaderzhali po delu o neuplate nalogov na 918 mln.* [Blogger Blinovskaya was detained in the case of non-payment of taxes for 918 million]. Available at: https://www.rbc.ru/society/27/04/2023/644a10299a7947d6efc24268?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (accessed May 1, 2022).
10. Povetkina N.A., Pyatkovskaya Yu.V., Truntsevskii Yu.V., Ryzhova E.V. Monitoring the corruption-generating factors and the effectiveness of corruption prevention measures in tax authorities. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2018, vol. 12, no. 5, pp. 641–650. (In Russ.).
11. Bazhanov S.V. The state of legality in the initiation of criminal cases and the investigation of crimes committed by entrepreneurs. *Pravo i ekonomika = Law and Economics*, 2017, no. 8, pp. 17–25. (In Russ.).
12. *Prilozhenie k dokladu Prezidenta Rossiiskoi Federatsii za 2021 god “Ugolovnoe presledovanie predprinimatelei”* [Appendix to the 2021 report of the President of the Russian Federation “Criminal prosecution of entrepreneurs”]. Available at: <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2021/4.pdf> (accessed February 14, 2022).
13. *Prilozhenie k dokladu Prezidentu Rossiiskoi Federatsii za 2017 god “Ugolovnoe presledovanie predprinimatelei”* [Appendix to the 2017 report to the President of the Russian Federation “Criminal prosecution of entrepreneurs”]. Available at: <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2017/4.pdf> (accessed February 14, 2022).
14. *Zakrytyi opros FSO pokazal rekordnoe nedoverie biznesa k silovikam* [A closed survey of the FSO showed a record distrust of business towards the security forces]. Available at: <https://www.rbc.ru/society/28/05/2019/5cebe7939a794754023bf449> (accessed February 14, 2022).
15. Avdeeva E.V. *Organizatsiya zashchity prav sub"ektov predprini-matel'skoi deyatel'nosti v khode rassledovaniya prestuplenii: monogr.* [Organization of protection of the rights of subjects of entrepreneurial activity during the investigation of crimes: monograph]. Moscow, 2023. 227 p.
16. *Prezident rassudil delo v pol'zu biznesa* [The President judged the case in favor of business]. Available at: <https://expert.ru/2023/02/15/putin-biznes/> (accessed February 15, 2022).
17. *Ezhegodnoe soveshchanie sudei 15 fevralya 2023 goda* [Annual meeting of Judges on February 15, 2023]. Available at: https://www.vsrf.ru/press_center/news/32142/ (accessed February 15, 2022).
18. *Putin prizval MVD sledit' za obosnovannost'yu ugolovnogo presledovaniya biznesmenov* [Putin called on the Ministry of Internal Affairs to monitor the validity of the criminal

prosecution of businessmen]. Available at: <https://rg.ru/2023/03/20/putin-prizval-mvd-sledit-za-obosnovannosti-ugolovnogo-presledovaniia-biznesmenov.html> (accessed March 20, 2022).

19. Avdeeva E.V., Nikolaeva M.M. Judicial discretion in protecting the rights, freedoms and guarantees of entrepreneurs. In: *Sudeiskoe usmotrenie: sb. st.* [Judicial discretion: collection of articles]. Moscow, 2020. Pp. 95–128. (In Russ.).

20. *Opreделение Sudebnoi kollegii po ekonomicheskim sporam Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 16.09.2020 № 305-ES20-4513 po delu No. A40-240512/2018* [Ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ES20-4513 of September 9, 2020 in case No. A40-240512/2018]. Available at: https://www.vsr.ru/stor_pdf_ec.php?id=(accessed February 14, 2022).

21. *VS dal tolkovanie ponyatiyu "inaya ekonomicheskaya deyatel'nost' "* [The Supreme Court interpreted the concept of "other economic activity"]. Available at: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-dal-tolkovanie-ponyatiyu-inaya-ekonomicheskaya-deyatelnost/> (accessed February 14, 2022).

22. *Verkhovnyi sud ogranichil vozmozhnosti aresta biznesmenov* [The Supreme Court has limited the possibility of arresting businessmen]. Available at: <https://www.rbc.ru/society/11/06/2020/5ee22fea9a79474df67abe9e> (accessed February 14, 2022).

23. Ivanov D.A. International standards of preventive measures and their implementations in the legislation of the Russian Federation. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2020, vol. 14, no. 4, pp. 623–630. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЕКАТЕРИНА ВАЛЕРЬЕВНА АВДЕЕВА – кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики Высшей школы правоведения Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ИГСУ РАНХиГС), Москва, Россия, руководитель Экспертного центра по уголовно-правовой политике и исполнению судебных актов Общероссийской общественной организации «Деловая Россия», Москва, Россия, pravo@deloros.ru

EKATERINA V. AVDEEVA – Candidate of Sciences (Law), associate professor at the Department of Legal Support of Market Economy of the Higher School of Law of the Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia, Head of the Expert Center on Criminal Law Policy and Enforcement of Judicial Acts of the All-Russian Public Organization "Business Russia", Moscow, Russia, pravo@deloros.ru

Статья поступила 05.05.2023

Научная статья

УДК 343.845

doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.008

Законные интересы осужденных к лишению свободы как позитивные стимулы их правопослушного поведения

СЕРГЕЙ ЛЬВОВИЧ БАБАЯН

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва,
Россия

Российский государственный университет правосудия, Москва,
Россия

bsl09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8712-0192>

КРИСТИНА СЕРГЕЕВНА ПРОЗОРОВА

Российский государственный университет правосудия, Москва,
Россия, prozorova-2002@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0006-1579-2305>

Аннотация. Статья посвящена исследованию сущности и содержания законных интересов осужденных как позитивных стимулов их правопослушного поведения, а также рассмотрению оснований реализации данных законных интересов. Анализ существующих в научном сообществе позиций, а также позиций высших судебных инстанций позволил авторам сделать вывод о том, что зависимость реализации осужденным своего законного интереса от его фактического поведения и характеристики является для него в основном стимулом к правопослушному поведению и средством успешной социальной адаптации. Эффективность подобных установлений обеспечивается и отсутствием корреспондирующей законному интересу обязанности у администрации исправительного учреждения, так как реализация законного интереса осужденного зависит от оценки поведения осужденного и усмотрения администрации. По результатам рассмотрения положений действующего уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, касающихся законных интересов осужденных, авторами предлагается ввести льготные условия содержания для осужденных, отбывающих наказание в исправительных колониях общего и строгого режимов. Кроме того, представляется целесообразным скорректировать механизм условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в отношении осужденных к пожизненному лишению свободы, а также предусмотреть в отношении них замену неотбытой части наказания более мягким видом наказания в виде принудительных работ. Также предлагается регламентировать в уголовном законодательстве применение замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания в отношении несовершеннолетних осужденных.

Ключевые слова: законный интерес; стимул правопослушного поведения; поощрение; осужденный к лишению свободы; условия отбывания наказания.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Бабаян С. Л., Прозорова К. С. Законные интересы осужденных к лишению свободы как позитивные стимулы их правопослушного поведения // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 2 (22). С. 78–85. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.008.

Original article

Legitimate Interests of Those Sentenced to Imprisonment as Positive Incentives for Their Law-Abiding Behavior

SERGEI L. BABAYAN

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russia

Russian State University of Justice, Moscow, Russia
bsl09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8712-0192>

KRISTINA S. PROZOROVA

Russian State University of Justice, Moscow, Russia, prozorova-2002@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0006-1579-2305>

Abstract. The article considers the essence and content of the legitimate interests of convicts as positive incentives for their law-abiding behavior, as well as the grounds for realization of these legitimate interests. The analysis of ideas spread in the scientific community and higher judicial instances shows that the dependence of convicts' realization of their legitimate interest on their actual behavior and characteristics is an incentive for law-abiding behavior and a means of successful social adaptation. The effectiveness of such regulations is also ensured by the absence of a duty of the correctional institution administration corresponding to the legitimate interest, since the realization of the legitimate interest of the convicted person depends on the assessment of his/her behavior and the discretion of the administration. Having considered provisions of the current criminal and penal legislation concerning convicts' legitimate interests, the authors propose to introduce preferential conditions of detention for convicts serving sentences in correctional facilities of general and strict regime. In addition, it seems appropriate to adjust the mechanism of conditional early release from serving a sentence in relation to those sentenced to life imprisonment, as well as to fix the possibility to replace the unserved part of the sentence with a milder penalty in the form of forced labor. It is also proposed to regulate the use of replacing the former part of the punishment with a milder penalty in relation to juvenile convicts in the criminal legislation.

Key words: legitimate interest; incentive for law-abiding behavior; encouragement; person sentenced to imprisonment; conditions of serving a sentence.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Babayan S.L., Prozorova K.S. Legitimate interests of those sentenced to imprisonment as positive incentives for their law-abiding behavior. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 2 (22), pp. 78–85. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.008.

Одной из задач уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации в соответствии со ст. 1 УИК РФ является охрана прав, свобод и законных интересов осужденных. Несмотря на частое упоминание категории «законные интересы осужденных» в статьях УИК РФ, легальное определение данного понятия отсутствует. В нормах лишь указывается на уважение и охрану законных интересов осужденных, а также на обеспечение их реализации. Таким образом, в законодательстве на данном этапе не систематизированы вопросы, касающиеся понятия и реализации законных интересов осужденных.

Отсутствует единое понимание категории «законный интерес» и в научном сообществе. Представляется интересной позиция Н. В. Кийко о признаках законных интересов осужденных. Автор указывает, что с формальной точки зрения законные интересы закрепляются в нормативных правовых актах в качестве дозволений на получение возможности реализации осужденным своих притязаний. При этом решение о получении осужденным таковой возможности принимается администрацией исправительного учреждения (ИУ) по результатам оценки факторов, имеющих в соответствующем случае важное значение [1, с. 93].

Р. В. Ушаков считает, что удовлетворение законных интересов осужденных осуществляется в результате не только оценки определенных факторов, напрямую зависящих от осужденного, но и учета обстоятельств внешнего характера (экономические возможности, технические возможности ИУ) [2, с. 118].

По нашему мнению, законные интересы представляют собой закрепленные нормами права стремления осужденного к использованию конкретно-определенных социальных благ, которые применяются по усмотрению администрации ИУ или органа, исполняющего уголовное наказание, или суда в результате объективной оценки поведения осужденного.

Законные интересы осужденных имеют важное значение, так как стимулируют их правопослушное поведение, обеспечивают индивидуализацию и дифференциацию исполнения наказания, являются элементом прогрессивной системы исполнения наказания [2, с. 119].

Согласно общепринятой классификации законных интересов осужденных выделяют в зависимости от общего или специального правового статуса осужденных, соответственно, общие и специальные законные интересы. Общие законные интересы имеют как граждане, так и осужденные (например, обучение в высшем учебном заведении, получение работы по профессии и др.). Специальные законные интересы, наоборот, относятся только к осужденным (например, отбывание наказания в виде лишения свободы по месту жительства) [3, с. 270].

Законные интересы осужденных к лишению свободы также можно классифицировать по видам: связанные с воспитательной работой (применение мер поощрения, условно-досрочное освобождение, отсрочка отбывания наказания); связанные с общественно полезным трудом (например, разрешение на передвижение без конвоя или сопровождения за пределы ИУ и трудоустройство); связанные с получением осужденными образования (например, согласно ч. 4 ст. 108 УИК РФ с учетом имеющихся возможностей администрация ИУ оказывает содействие осужденным в получении высшего образования); связанные с порядком и условиями исполнения и отбывания наказания (например, выезды за пределы ИУ, изменение условий отбывания наказания или изменение вида ИУ).

Указанные специальные законные интересы, как правило, относятся к средствам позитивного стимулирования правопослушного поведения осужденных. Главной целью обеспечения реализации законных интересов осужденными является их исправление, которое, согласно ст. 9 УИК РФ, состоит в формировании у осужденных уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулировании правопослушного поведения.

Как было указано ранее, возможность реализации осужденным к лишению свободы его законного интереса основывается на решении администрации ИУ. Данное решение принимается на основе оценки факторов, зависящих от осужденного, и учета внешних обстоятельств, которые никак не связаны с личностью осужденного. В первую очередь оценивается поведение самого осужденного в период отбывания им наказания в виде лишения свободы.

В связи с тем что законный интерес представляет собой лишь притязание, которому не корреспондирует обязанность администрации учреждения, для осужденного установление подобного условия выступает в качестве позитивного стимула к правопослушному поведению и соблюдению предусмотренных условий отбывания наказания в соответствующем учреждении.

Безусловно, оценивается не только поведение осужденного, но также и тяжесть совершенного им преступления, факт возмещения вреда, причиненного в результате совершения преступления, характеристика осужденного, факт признания вины в совершенном деянии, факт раскаяния.

Следует отметить, что соотношение законного интереса и субъективного права относится к дискуссионным вопросам. Некоторые авторы считают, что законные интересы не выступают самостоятельным элементом правового статуса осужденных и являются основой для субъективных прав осужденных (например, В. В. Скибицкий [4, с. 148], М. Л. Добрынина [5, с. 24]).

Б. П. Козаченко, Т. А. Шмаева, Л. В. Сватко полагают, что законные интересы отличаются от субъективных прав тем, что не имеют безусловно твердых гарантий (а значит, отсутствует и возможность требовать определенного корреспондирующего поведения от других лиц) и не всегда фиксируются в нормах права (нет определенного систематизированного перечня законных интересов). Авторы также отмечают, что в случае с субъективными правами существует возможность их немедленной реализации, они «налично присутствуют», ведь закреплены соответствующими законодательными нормами, а законный интерес – «стремление к пользе», разрешенной законом [6, с. 104–105].

Таким образом, отличие законных интересов от субъективных прав заключается в их правовой природе, поскольку законным интересам не корреспондируется обязанность администрации ИУ и, соответственно, отсутствует и гарантия реализации.

От факторов внутреннего характера, которые связаны с поведением и характеристикой осужденного, зависит реализация таких законных интересов, как изменение условий отбывания наказания, проживание за пределами ИУ, изменение вида ИУ, замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания и др.

Однако выделяют и законные интересы, реализация которых зависит от обстоятельств внешнего характера. Например, совместное проживание осужденных

женщин с детьми до трех лет возможно при наличии в ИУ дома ребенка; получение осужденным среднего и высшего образования зависит от наличия возможности ИУ содействовать осужденному в получении образования, как экономической, так и технической [3, с. 273]. В таких случаях на первый план выходят внешние факторы.

В рамках рассмотрения законных интересов осужденных к лишению свободы как позитивных стимулов их правопослушного поведения представляется целесообразным введение дополнительных возможностей для лиц, отбывающих данный вид наказания. Например, введение льготных условий содержания для осужденных, отбывающих наказание в исправительных колониях (ИК) общего и строгого режимов.

Следует отметить, что льготные условия отбывания наказания в виде лишения свободы применяются в отношении взрослых осужденных в Республике Казахстан. Так, например, ч. 1 ст. 103 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан (далее – УИК РК) установлены льготные условия в отношении совершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в учреждениях средней, максимальной или чрезвычайной безопасности (что соответствует отечественным ИК общего, строгого и особого режимов). Кодекс закрепляет прогрессивную систему отбывания наказания и предусматривает перевод осужденных из одних условий в другие по решению комиссии учреждения (ч. 3 ст. 103 УИК РК). При этом возможность перевода осужденных в льготные условия зависит от наличия у них третьей положительной степени поведения и срока нахождения осужденного в облегченных условиях.

Очевидно, что перевод в льготные условия является важным средством ресоциализации осужденных и способом предупреждения их рецидивной преступности после освобождения из мест лишения свободы. В связи с вышеизложенным представляется целесообразным установить в отечественном уголовно-исполнительном законодательстве возможность перевода осужденных из облегченных условий отбывания наказания в льготные в ИК общего и строгого режимов после отбытия не менее шести и девяти месяцев соответственно в облегченных условиях содержания. При этом целесообразно переводить осужденных в льготные условия за шесть и за девять месяцев до освобождения по отбытии срока соответственно из ИК общего и строгого режимов. Вместе с тем в качестве стимулирующей меры следует предусмотреть определенный объем дополнительных прав, предоставляемых осужденному в связи с переводом, например возможность проживания и работы за пределами ИУ. Безусловно, возможность перевода в льготные условия должна зависеть от поведения осужденного и факта соблюдения им порядка отбывания наказания в ИУ [7, с. 101–102].

Позитивное изменение положения осужденных посредством применения различных условий отбывания наказания зависит от следующих критериев: хорошее поведение, добросовестное отношение к труду и учебе, активное участие в социально значимых мероприятиях. Однако определенных законом критериев для оценки личности и поведения осужденного недостаточно, например: не могут быть оценены с точки зрения такого критерия, как отношение к труду, осужденные, которые к трудовой деятельности не привлечены в силу объективных причин (пенсионеры по старости) [8, с. 101–102].

В аспекте развития и дальнейшей регламентации законных интересов на законодательном уровне считаем важным изменение механизма условно-досрочно-

го освобождения в отношении осужденных к пожизненному лишению свободы. До настоящего времени никто из пожизненно лишенных свободы не был условно-досрочно освобожден решением суда. Обусловлено это главным образом опасением судов по поводу совершения повторных преступлений освобожденными лицами. Предлагаем изменить существующий механизм условно-досрочного освобождения, предусмотрев возможность перевода осужденных к пожизненному лишению свободы из ИК особого режима в ИК строгого режима (по отбытии не менее 15 лет в ИК особого режима). Также следует предусмотреть перевод этих лиц из ИК строгого режима в колонию-поселение по отбытии не менее 5 лет в ИК строгого режима. При этом одним из условий такого перевода осужденного должно быть отбывание им наказания в облегченных условиях содержания. А уже после отбывания наказания в колонии-поселении предоставить осужденному возможность условно-досрочного освобождения (по отбытии не менее 5 лет в колонии-поселении). Кроме того, для успешной социальной адаптации целесообразно предусмотреть замену неотбытой части наказания более мягким видом наказания в виде принудительных работ по отбытии не менее 2 лет в колонии-поселении. С учетом принципа постепенного, последовательного применения поощрительных средств такие позитивные стимулы правопослушного поведения, как законные интересы указанных осужденных, будут способствовать повышению эффективности исправительного воздействия и ресоциализации, а также позитивному стимулированию их правопослушного поведения.

Кроме того, целесообразно оптимизировать применение института замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания в отношении несовершеннолетних осужденных. В нормах УИК РФ, регламентирующих порядок исполнения наказания несовершеннолетними осужденными, отсутствует прямое указание на возможность применения в отношении таких осужденных замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания. Однако подобное указание есть в п. 41 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». В то же время в ст. 93 УК РФ установлены сокращенные сроки условно-досрочного освобождения от наказания в виде лишения свободы к лицам, совершившим преступление в несовершеннолетнем возрасте. Реализация же указанной замены наказания в отношении несовершеннолетних осужденных не предусматривает сокращенных сроков ее применения. Так, в отношении несовершеннолетних осужденных, совершивших тяжкие преступления, условно-досрочное освобождение применяется после отбытия не менее $\frac{1}{3}$ срока наказания (ч. 1 ст. 93 УК РФ), а указанная замена наказания – только после отбытия не менее $\frac{1}{2}$ срока наказания. Данное положение не соответствует принципу последовательности и постепенности применения поощрительных институтов в отношении указанной категории осужденных.

С учетом принципа гуманизма предлагается сократить сроки применения замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания для несовершеннолетних осужденных к лишению свободы. В связи с вышеизложенным представляется целесообразным дополнить гл. 14 УК РФ ст. 93.1 «Замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания», в которой закрепить, что указанная замена наказания применяется после фактического отбытия: не менее $\frac{1}{4}$ срока нака-

зания, назначенного судом за преступления небольшой тяжести; не менее $\frac{1}{3}$ срока наказания для лиц, совершивших преступления средней тяжести и тяжкие преступления; не менее $\frac{1}{2}$ срока наказания для лиц, совершивших особо тяжкие преступления.

Таким образом, предложенные изменения действующего уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, касающиеся законных интересов осужденных как позитивных стимулов правопослушного поведения, будут способствовать исправлению осужденных, снижению уровня рецидивной преступности и повышению эффективности их ресоциализации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кийко Н. В. Соотношение субъективных прав и законных интересов осужденных // Человек: преступление и наказание. 2016. № 1 (92). С. 90–95.
2. Ушаков Р. В. Законные интересы лиц, осужденных к лишению свободы: вопросы сущности и определения правовой категории // Юрист-Правоведъ. 2016. № 6 (79). С. 116–119.
3. Ушаков Р. В. К вопросу об основаниях классификации законных интересов осужденных // Уголовно-исполнительное право. 2017. Т. 12, № 3. С. 270–275.
4. Скибицкий В. В. Освобождение от уголовной ответственности и отбывания наказания. Киев, 1987. 183 с.
5. Добрынина М. Л. Правовое положение осужденных в местах лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 153 с.
6. Козаченко Б. П., Шмаева Т. А., Сватко Л. В. Трудовое и бытовое устройство освобожденных из мест лишения свободы: право или законный интерес? // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2018. № 11. С. 97–108.
7. Бабаян С. Л. Перспективы развития поощрительных норм и институтов, применяемых к осужденным, отбывающим наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2018. № 1 (41). С. 98–104.
8. Дроздов А. И. Изменение условий отбывания лишения свободы в механизме ресоциализации осужденных : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2010. 204 с.

REFERENCES

1. Kiiko N.V. Correlation of legal rights and legitimate interests of convicts. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie* = *Man: Crime and Punishment*, 2016, no. 1 (92), pp. 90–95. (In Russ.).
2. Ushakov R.V. To the question Legitimate interests of persons sentenced to imprisonment: issues of the essence and definition of the legal category. *Yurist-Pravoved* = *Lawyer-Legal Expert*, 2016, no. 6 (79), pp. 116–119. (In Russ.).
3. Ushakov R.V. To the question of the bases of classification of legitimate interests of convicts. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo* = *Penal Law*, 2017, vol. 12, no. 3, pp. 270–275. (In Russ.).
4. Skibitskii V.V. *Osvobozhdenie ot ugolovnoi otvetstvennosti i otbyvaniya nakazaniya* [Exemption from criminal liability and serving of punishment]. Kiev, 1987. 183 p.
5. Dobrynina M.L. *Pravovoe polozhenie osuzhdennykh v mestakh li-sheniya svobody: dis. ... kand. yurid. nauk* [The legal status of convicts in places of deprivation of liberty: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2006. 153 p.

6. Kozachenko B.P., Shmaeva T.A., Svatko L.V. Labor and household arrangements of persons released from prison: right or legitimate interest? *Vestnik obshchestvennoi nauchno-issledovatel'skoi laboratorii "Vzaimodeistvie ugovno-ispolnitel'noi sistemy s institutami grazhdanskogo obshchestva: istoriko-pravovye i teoretiko-metodologicheskie aspekty"* = *Bulletin of the Public Research Laboratory "Interaction of the penal system with the institutions of civil society: historical, legal, theoretical and methodological aspects"*, 2018, no. 11, pp. 97–108. (In Russ.).
7. Babayan S.L. Prospects for the development of incentive standards and institutions applied to convicts serving sentences in institutions of the penal system. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie* = *Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*, 2018, no. 1 (41), pp. 98–104. (In Russ.).
8. Drozdov A.I. *Izmenenie uslovii otbyvaniya lisheniya svobody v mekhanizme resotsializatsii osuzhdennykh: dis. ... kand. yurid. nauk* [Changing conditions of serving imprisonment in the mechanism of resocialization of convicts: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Samara, 2010. 204 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

СЕРГЕЙ ЛЬВОВИЧ БАБАЯН – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия, Москва, Россия, bsl09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8712-0192>

КРИСТИНА СЕРГЕЕВНА ПРОЗОРОВА – студентка 4 курса юридического факультета Российского государственного университета правосудия, Москва, Россия, prozorova-2002@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0006-1579-2305>

SERGEI L. BABAYAN – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, professor at the Department of Criminal Law of the Russian State University of Justice, Moscow, Russia, bsl09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8712-0192>

KRISTINA S. PROZOROVA – 4th year student of the Law Faculty of the Russian State University of Justice, Moscow, Russia, prozorova-2002@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0006-1579-2305>

Статья поступила 12.05.2023

Научная статья

УДК 343.2

doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.009

Институт пробации в контексте уголовно-исполнительной политики государства

НАТАЛЬЯ АЛЕКСЕЕВНА БАЕВА

Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, Воронеж, Россия, baeva.nata@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7548-9117>

Аннотация. В статье приведены результаты анализа уголовно-исполнительного и пенитенциарного законодательства, научных публикаций по проблемам уголовно-исполнительной системы, ресоциализации и социальной адаптации. Исследован вопрос о возникновении и развитии правового института пробации в контексте уголовно-исполнительной политики государства. Делается вывод о сформировавшемся отграничении отрасли пенитенциарного права от уголовно-исполнительного права по предмету, методам, принципам, целям и субъектам правового регулирования.

Ключевые слова: пенитенциарная система; институт пробации; уголовно-исполнительная инспекция; социальная адаптация; ресоциализация.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Баева Н. А. Институт пробации в контексте уголовно-исполнительной политики государства // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 2 (22). С. 86–92. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.009.

Original article

Institution of Probation in the Context of the State Penal Policy

NATAL'YA A. BAEVA

Central Branch of the Russian State University of Justice, Voronezh, Russia, baeva.nata@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7548-9117>

Abstract. The article presents results of the analysis of penal and penitentiary legislation, scientific publications on the problems of the penal system, re-socialization and social adaptation. The issue of the emergence and development of the legal institution of probation in the context of the state penal policy is studied. The conclusion is made about the formed differentiation of the branch of penitentiary law from penal law according to the subject, methods, principles, goals and subjects of legal regulation.

Keywords: penitentiary system; institution of probation; criminal executive inspection; social adaptation; resocialization.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Baeva N.A. Institution of probation in the context of the state penal policy. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 2 (22), pp. 86–92. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.009.

Предметное поле некоторых отраслей российского права подвержено непрерывным изменениям. Уголовно-исполнительную отрасль по части подобных трансформаций можно отнести к одним из очевидных лидеров. С момента становления до настоящего времени система правовых институтов, составляющих ее совокупность, изменялась с постоянством, находящимся в определенной зависимости от процессов, происходящих во внутренней и отчасти внешней политике государства.

Обзор некоторых работ по заявленной теме показал, что необходимость внесения изменений в уголовно-исполнительное и пенитенциарное законодательство назрела. Эффективность пенитенциарной системы, достижение целей наказания, не вполне обоснованные в доктринальном плане финансовые вливания в уголовно-исполнительную систему, по мнению И. В. Дворянского, не показывают позитивных результатов, поэтому насущной потребностью стала смена «концептуальных основ, на которых зиждется институт целей наказания» [1, с. 247].

Поддерживая смену парадигмы, В. Е. Лапшин и В. В. Шаханов предлагают сосредоточить внимание на психолингвистических особенностях корпуса языковых средств науки и нормативных правовых актов, убедительно доказывая, что корректное использование понятийно-категориального аппарата науки уголовно-процессуального права «важно и для оценки состояния и перспектив развития пенитенциарной науки» [2, с. 453].

В контексте совершенствования законодательства ученые отмечают определенную связь теоретического концепта с прикладными вопросами. Так, Е. В. Сви́нин и А. Н. Кубышкин отмечают взаимосвязь результативной политики государства с необходимостью «повышения эффективности функционирования общественного контроля над пенитенциарной системой» [3, с. 20]. Анализ некоторых публикаций по насущным вопросам уголовно-исполнительного права позволяет сделать вывод о широкой заинтересованности исследователей процессами депенализации, декриминализации, общей гуманизации политики государства в вопросах назначения и исполнения наказания. Как верно отмечает О. В. Соколова, подобные направления научных исследований требуют кросс-дисциплинарного подхода, поскольку «охватывают связи государства – личности – суда – общества» [4, с. 224].

Сложности преобразований в пенитенциарной системе обусловлены необходимостью смены парадигмы, то есть основной теории, методов исследования, стандартов, которые будут определять теоретические концепции и их воплощение на практике. Как уже было отмечено, научное сообщество принимает модель, обусловленную общими тенденциями развития, нашедшими свое концентрированное выражение в нормативных правовых актах. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» стало рубежным на текущий момент документом, определившим стратегию развития уголовно-испол-

нительной системы на ближайшие годы. В основе концепции лежат системная связь норм национального законодательства и стандарты обеспечения прав человека и гражданина, принятые международным сообществом при непосредственном участии Российской Федерации.

Модель будущего построена на глубоком анализе прошедшего периода развития (2010–2020 гг.) и подведении промежуточного итога, а также положения, сложившегося в начале 2020-х гг. Отмечено создание нормативной базы, решающей вопросы гуманизации законодательства Российской Федерации в вопросах, имеющих отношение к исполнению уголовных наказаний, соблюдению прав подозреваемых, обвиняемых, осужденных. Это коснулось, например, совершенствования компенсаторного механизма защиты в случае ненадлежащих условий в учреждениях принудительного содержания, возможности самостоятельного обращения в суд с ходатайством об освобождении от отбывания наказания. Улучшено положение отдельных категорий лиц (женщин, в том числе беременных; женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет; женщин, имеющих несовершеннолетних детей, и т. д.); расширены правовые возможности членов общественных наблюдательных комиссий, представителей религиозных организаций, священнослужителей, общественных объединений и граждан, принимающих участие в работе попечительских советов при исправительных учреждениях.

Следует заметить, что одна из важнейших функций пенитенциарной системы государства, а именно исправление осужденных, не получила должного развития за прошедшее десятилетие. Поскольку исправление системно связано с дальнейшей ресоциализацией (возвращением к нормальной жизни по истечении срока заключения) и социальной адаптацией (приспособлением к изменившимся условиям социальной среды), исправительная система должна включать в себя комплекс мероприятий, направленных на повышение образовательного уровня и овладение профессией, способной послужить источником дохода для бывшего заключенного. Важное значение имеет адаптация социально-психологическая, так как пребывание в учреждениях принудительного содержания в течение нескольких лет формирует черты имбицильной личности, не способной принимать самостоятельные решения не только в сложной, но и в обыденной ситуации. Цели, заявленные концепцией в третьей части, соответствуют этим представлениям, но сомнение вызывает принципиальная позиция законодателя в вопросах определения участников процесса исправления, ресоциализации, социальной адаптации. Полагаем, что «повышение эффективности уголовно-исполнительной системы» и «формирование положительного мнения о деятельности пенитенциарной системы» – это не вполне согласующиеся цели, в определенной степени взаимоисключающие друг друга. Создание системы probationi, заявленное в документе, должно послужить решению задач, поставленных правительством в апреле 2021 г.

В соответствии с планом Правительства Российской Федерации институт probationi закреплен Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О probationi в Российской Федерации». Значение этого нормативного правового акта, определившего новый этап уголовно-исполнительной политики государства, трудно переоценить. Ретроспективный анализ законодательства, регулирующего уголовно-исполнительную и пенитенциарную сферу, позволяет провести исторические параллели с

ситуацией начала 1990-х гг., когда, по мнению М. М. Степанова, «речь шла не просто о реформировании уголовно-исполнительной системы России, а фактически о создании новой системы исполнения наказания» [5, с. 7]. Действительно, в законе прослеживается революционное по своему содержанию достаточно четкое отграничение пенитенциарной системы от уголовно-исполнительной. Так, в соответствии с нормами ст. 1 Закона Российской Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 (в ред. от 29.12.2022) «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» принципы деятельности уголовно-исполнительной системы включают в себя законность, гуманизм, уважение прав человека и некоммерческую направленность использования труда осужденных. Федеральный закон о пробации в ст. 3 определяет следующие принципы пробации: законность, гуманизм, транспарентность, приоритет прав и законных интересов человека и гражданина, учет индивидуальных особенностей, жизненных обстоятельств и потребностей человека, баланс применения мер принуждения, убеждения и стимулирования социально одобряемого и правопослушного поведения, добровольность и последовательность мероприятий при применении пробации. Как видим, детализация принципа гуманизма в сочетании с признанием нравственного компонента социально ответственной личности в условиях открытости, гласности, прозрачности исправительной системы может привести к достижению целей, одинаково приемлемых для личности, общества, государства.

Цели и задачи уголовно-исполнительной системы, исходя из содержания указанного выше закона, законодателем не представляются достаточно явно, соответствующая статья в 2004 г. утратила силу. Цели пробации закреплены в ст. 4 закона о пробации и состоят в коррекции поведения, частной превенции, социальной реабилитации и адаптации. Эти цели законодатель предполагает достичь, решив широкий круг задач – от создания условий социального восстановления до реализации системы мероприятий в образовательной сфере, в том числе в профессиональной подготовке.

Классификация видов пробации основана на правовом статусе лица и комплексе соответствующих мероприятий: исполнительная пробация применяется в отношении лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества (за исключением осужденных к штрафу, назначенному в качестве основного наказания, и принудительным работам), и иных мер уголовно-правового характера. Пенитенциарная пробация применяется в отношении осужденных в учреждениях, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы. Постпенитенциарная пробация применяется в отношении лиц, освободившихся из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, и оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

Такая стратификация, закрепленная в законе о пробации, представляется развитием правовых основ пенитенциарной системы, заложенных в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г.

Следует заметить, что исследователи видели развитие института социального сопровождения в рамках уголовно-исполнительной системы начала XXI в., отмечали положительные тенденции и вскрывали проблемы, связанные, например, с не-

достаточным нормативным обеспечением ресоциализации и социально-правовой адаптации: «острым остается вопрос построения социально полезных связей, их поддержания в условиях удаленности от семьи на больших расстояниях, организации и стимулирования производительного труда» [6, с. 18]; был и остается актуальным вопрос о профессиональном психолого-педагогическом сопровождении несовершеннолетних, попавших в сферу действия уголовно-исполнительной системы. Так, А. Ф. Федоров и Ю. Е. Суслов признают сложившееся многообразие подходов в направлениях психокоррекционной работы с несовершеннолетними, усматривают глубокую связь результатов и целей субъектов ее осуществления. Обобщая опыт зарубежных стран, ученые делают чрезвычайно значимый для национальной системы пробации вывод о том, что результаты социальной адаптации и ресоциализации находятся в прямой зависимости от действий сотрудника системы пробации, находящегося в подчинении Министерства юстиции, службы социального обеспечения или иного ведомства [7]. Не менее любопытное и практически значимое исследование касается вопросов дестабилизирующего влияния родных и близких, в целом нередко затрудняющего ресоциализацию [8].

Таким образом, развитие института пробации в контексте уголовно-исполнительной политики государства и практика его применения определенно встретят проблемы и трудности различного юридического характера – от вполне понятного повышения эффективности уголовно-исполнительной системы до формирования положительного мнения о деятельности ее сотрудников. Полагаем, что отсутствие четких критериев результативности работы уголовно-исполнительной системы в целом и каждого человека в этой системе в частности следует отнести к лакунам законодательства, требующим своего заполнения. В законодательство следует внести дополнения, касающиеся динамики изменения количественных показателей по категориям «исполнительная пробация», «пенитенциарная пробация» и «постпенитенциарная пробация». Критериями могут стать количество лиц, получивших профессиональное образование или прошедших профессиональную переподготовку, трудоустроившихся по профессии, закрепившихся в трудовых коллективах на срок более одного года, создавших семьи и воспитывающих детей, то есть изменивших качество жизни, ресоциализовавшихся и адаптировавшихся к социально одобряемому образу жизни.

Особое внимание законодателя к нюансам гуманизации работы сотрудников уголовно-исполнительной системы в сочетании с признанием моральных компонентов социально ответственной личности, осуществляющей реализацию уголовно-процессуальной политики государства, требует определенных изменений в подготовке специалистов для пенитенциарной системы. Одним из направлений может стать увеличение объема дидактических единиц гуманитарного профиля в образовательных учреждениях Федеральной службы исполнения наказания, например, по учебным курсам «Психология и этика профессиональной деятельности», «Юридическая психология», «Юридическая конфликтология» и др.

Национальное законодательство о пробации в качестве участников предусматривает широкий круг заинтересованных министерств и ведомств, но принципиально значимым и кардинально важным представляется включение в систему

пробации граждан, учреждений и организаций широкого профиля, в том числе религиозных, образовательных, научных, медицинских. Совместная работа администраций учреждений принудительного содержания, уголовно-исполнительных инспекций, государственной службы занятости, организаций социального обслуживания и других государственных структур с институтами гражданского общества в наибольшей мере будет способствовать достижению целей и решению задач, поставленных законодателем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дворянсков И. В. Концептуальные проблемы целей наказания // Пенитенциарная наука. 2021. Т. 15, № 2 (54). С. 247–259.
2. Лапшин В. Е., Шаханов В. В. Пенитенциарно-правовая доктрина как правовая категория и метаязыковое средство формирования пенитенциарно-правовой политики // Пенитенциарная наука. 2020. Т. 14, № 4 (52). С. 453–459.
3. Свинин Е. В., Кубышкин А. Н. Правовая политика, правовой порядок и общественный контроль в пенитенциарной системе // Пенитенциарная наука. 2021. Т. 15, № 1 (53). С. 20–32.
4. Соколова О. В. 30 лет судебной реформы: реализация и развитие идейных начал о справедливом суде // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2022. № 3. С. 224–229.
5. Степанов М. М. Строительство пенитенциарной системы в Российской Федерации и Российской Советской Федеративной Социалистической Республике: сравнительный анализ // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2022. № 4. С. 6–9.
6. Социально-правовое сопровождение осужденных в условиях уголовно-исполнительной системы в XXI веке / В. И. Колесов, А. В. Вилкова, В. И. Силенков, С. Е. Коришева // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2022. № 5. С. 16–18.
7. Федоров А. Ф., Суслов Ю. Е. Моделирование психологической помощи в системе пробации несовершеннолетним лицам, освободившимся из мест лишения свободы, в преодолении социально-психологической дезадаптации // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2022. № 6. С. 27–31.
8. Белоусова А. Н., Буданов С. А. Проблемы ресоциализации несовершеннолетних, совершивших преступление // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2021. № 1. С. 115–121.

REFERENCES

1. Dvoryanskov I.V. Dvoryanskov I.V. Conceptual issues of the goals of punishment. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 2 (54), pp. 247–259. (In Russ.).
2. Lapshin V.E., Shakhanov V.V. Penal and legal doctrine as a legal category and a metalanguage means to shape the penal and legal policy. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2020, vol. 14, no. 4 (52), pp. 453–459. (In Russ.).
3. Svinin E.V., Kubyshkin A.N. Legal policy, legal order and civic oversight in the penal system. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 1 (53), pp. 20–32. (In Russ.).
4. Sokolova O.V. 30 years of judicial reform: implementation and development of the idea principles about a fair trial. *Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii = Vestnik of Voronezh Institute of the Russian Federal Penitentiary Service*, 2022, no. 3, pp. 224–229. (In Russ.).

5. Stepanov M.M. Development of the penitentiary system in the Russian Federation and the Russian Soviet Federative Socialist Republic: a comparative analysis. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie = Criminal-Executory System: law, economy, management*, 2022, no. 4, pp. 6–9. (In Russ.).
6. Kolesov V.I., Vilkova A.V., Silenkov V.I. et al. Social and legal support of convicts in the penal system conditions in the 21st century. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie = Criminal-Executory System: law, economy, management*, 2022, no. 5, pp. 16–18. (In Russ.).
7. Fedorov A.F., Suslov Yu.E. Modeling of psychological assistance to minors released from detention facilities in overcoming social and psychological disadaptation in the system of probation. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie = Criminal-Executory System: law, economy, management*, 2022, no. 6, pp. 27–31. (In Russ.).
8. Belousova A.N., Budanov S.A. Problems of re-socialization of minors who have committed a crime. *Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii = Vestnik of Voronezh Institute of the Russian Federal Penitentiary Service*, 2021, no. 1, pp. 115–121. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НАТАЛЬЯ АЛЕКСЕЕВНА БАЕВА – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, Воронеж, Россия, baeva.nata@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7548-9117>

NATAL'YA A. BAEVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Criminal Procedure Law of the Central Branch of the Russian State University of Justice, Voronezh, Russia, baeva.nata@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7548-9117>

Статья поступила 13.03.2023

Научная статья

УДК 343.1

doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.010

Особенности изъятия предметов и документов в ходе уголовного судопроизводства

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ ДУТОВ

Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I, Воронеж, Россия, puschay@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5674-0639>

НИКОЛАЙ ЮРЬЕВИЧ ДУТОВ

Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия, dutov.nick@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7107-1074>

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены особенности изъятия предметов и документов в уголовном судопроизводстве. Авторами исследовано понятие «изъятие» в уголовном процессе, проанализированы точки зрения ученых по вопросам изъятия предметов и документов. Сделаны предложения по изменению УПК РФ, направленные на устранение неоднозначного толкования норм в вопросах изъятия предметов и документов. Обосновано мнение о возможности изъятия предметов и документов до возбуждения уголовного дела только в рамках производства осмотра места происшествия.

Ключевые слова: изъятие; предметы и документы; возбуждение уголовного дела; обыск; выемка; осмотр места происшествия.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Дутов Ю. И., Дутов Н. Ю. Особенности изъятия предметов и документов в ходе уголовного судопроизводства // *Ius publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2023. № 2 (22). С. 93–101. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.010.

Original article

Features of the Seizure of Objects and Documents in the Course of Criminal Proceedings

YURI I. DUTOV

Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter the Great, Voronezh, Russia, puschay@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5674-0639>

NIKOLAI YU. DUTOV

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Voronezh, Russia, dutov.nick@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7107-1074>

Abstract. This article discusses features of the seizure of objects and documents in criminal proceedings. The authors study the concept “seizure” in criminal proceedings and analyze scientists’ views on the seizure of objects and documents. Proposals are to amend the Criminal Procedural Code of the Russian Federation aimed at eliminating ambiguous interpretation of the norms regulating seizure of objects and documents. The opinion on the possibility of seizure of objects and documents before the initiation of a criminal case is substantiated only within the framework of the inspection of the incident site.

Key words: seizure; objects and documents; initiation of criminal proceedings; search; caption; inspection of the scene.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Dutov Yu.I., Dutov N.Yu. Features of the seizure of objects and documents in the course of criminal proceedings. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 2 (22), pp. 93–101. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.010.

Принятие Федерального закона от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [1] разрешило производство целого ряда следственных действий до возбуждения уголовного дела, в том числе позволило истребовать документы и предметы, а также изымать их. Однако сама формулировка «изымать» вызвала неоднозначную трактовку как в практической среде, так и среди ученых, что повлекло за собой отсутствие единообразного применения норм УПК РФ, выразившееся как в отождествлении изъятия с обыском и выемкой, так и в самом понимании категории «изъятие» в уголовном процессе.

С точки зрения русского языка изъять – это исключить, устранить, а также вообще удалить или вынуть что-либо [2]. В контексте рассматриваемой темы самым близким будет толкование «забрать что-либо на основании закона или права».

Категория изъятия в уголовно-процессуальном кодексе используется в целом ряде статей и конкретных процессуальных ситуаций:

1) изъятие как одна из целей производства неотложных следственных действий (п. 19 ст. 5 УПК РФ);

2) изъятие как способ процессуального контроля и надзора – полномочия изымать уголовное дело со стороны прокурора, руководителя следственного органа и начальника подразделения дознания (п. 11 ч. 2 ст. 37, п. 1 ч. 1 ст. 39, п. 2 ч. 1 ст. 40.1 УПК РФ);

3) изъятие как способ получения вещественных доказательств в виде предметов и документов (ч. 2 ст. 81.1, ч. 1 ст. 144 УПК РФ);

4) изъятие как способ определения изъятых из незаконного оборота предметов, обнаруженных в ходе производства процессуальных действий, непосредственно не направленных на их обнаружение (ч. 9 ст. 182 УПК РФ);

5) изъятие как способ ограничения при применении мер принуждения – изъятие имущества при наложении на него ареста, изъятие водительского удостоверения при запрете определенных действий (ч. 5 ст. 105.1, ч. 2, 6 ст. 115 УПК РФ);

6) изъятие как способ формирования выделенного уголовного дела в отношении подозреваемого или обвиняемого, с которым прокурором заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, – из выделенного уголовного дела изымаются идентифицирующие данное лицо документы (п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ);

7) изъятие специфичных объектов – электронных носителей информации, специальных деклараций (ч. 4.1 ст. 164, ст. 164.1 УПК РФ);

8) изъятие как способ формирования итогов произведенного следственного действия – изъятия следов преступления и вещественных доказательств, предметов, ценностей (ч. 3 ст. 177, ч. 2 ст. 170, ч. 10 ст. 182, ч. 1 ст. 183, ч. 1 ст. 184 УПК РФ);

9) изъятие как способ формирования отсылочной нормы – с изъятиями, установленными определенной статьей (например, ч. 3 ст. 173, ч. 1 ст. 223 УПК РФ и др.).

Приведенный перечень позволяет сделать вывод о том, что законодатель активно применяет категорию «изъятие» в различных статьях УПК РФ и не связывает ее исключительно со способом получения каких-либо доказательств по уголовному делу.

При этом категория изъятия характерна не только для уголовно-процессуального законодательства, но и для других отраслей российского права. В частности, КоАП РФ предусматривает административное изъятие в ст. 27.1 «Меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении» и ст. 27.10 «Изъятие вещей и документов».

Наиболее интересным является позиционирование изъятия предметов и документов как способ формирования доказательств по уголовному делу. Если проанализировать УПК РФ, то изъятие предметов и документов упоминается первый раз в ст. 58 УПК РФ и входит в определение «специалист». Законодатель определяет специалиста среди прочего и как лицо, «привлекаемое... для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов», то есть как лицо, имеющее определенные навыки, которые позволяют изымать предметы и документы. При этом не дается привязки к конкретным процессуальным действиям и самим формам проведения указанных действий.

Далее вопрос об изъятых предметах и документах поднимается в ст. 81 УПК РФ, но в аспекте возвращения их владельцу изъятых имущества. Таким образом, если изъятый предмет или документы не приобщены в качестве вещественного доказательства, они должны быть незамедлительно возвращены владельцу. И так же в статье не обосновывается, что именно изымается и каким конкретно процессуальным действием.

Однако в данной статье дается определение, что иные предметы и документы – это те объекты, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела. При этом конструкция самой нормы носит отсылочный характер, то есть иные предметы и документы – это те вещественные доказательства, которые не были указаны в п. 1, 2 ч. 1 ст. 81 УПК РФ. Из этого можно сделать вывод о том, что предметы могут являться «орудиями, оборудованием или иными средствами совершения преступления или сохранили на себе

следы преступления», а также «на которые были направлены преступные действия». Документом, исходя из этого перечня, уже не может быть объект, на который были направлены преступные действия, так как законодатель четко обозначил в данной статье именно тот факт, что предметы могут быть вещественными доказательствами, и только иные документы могут уже в рамках исключения быть ими. На наш взгляд, данная формулировка статьи является спорной и некорректной. Б. Т. Безлепкин в этой связи справедливо указал, что данный перечень предметов, которые могут служить вещественными доказательствами, является примерным, законодатель разрешает относить к вещественным доказательствам и иные предметы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств дела [3].

Отдельного внимания заслуживает введенная Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» [4] ст. 81.1 «Порядок признания предметов и документов вещественными доказательствами по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики». Несмотря на название, включающее интересующую нас категорию «предметов и документов», указанная статья не вносит ничего нового в уголовно-процессуальное законодательство в вопросах доказательства и доказывания. Данная статья формирует особый перечень уголовных дел, возбужденных по преступлениям в сфере экономики, и ограничивает сроки работы с предметами и документами. Цель такого избирательного подхода – минимизация ущерба организации от простоя вследствие изъятия рабочей документации. Не секрет, что по делам экономической направленности изъятие документации способно парализовать работу всей организации. В связи с этим законодатель ввел конкретные сроки работы с указанными документами. В частности, постановление о признании вещественными доказательствами предметов и документов выносится в срок не позднее 10 суток с момента их изъятия, а в исключительных случаях срок продляется до 30 суток руководителем следственного органа или начальником органа дознания. В положительном ключе стоит оценить ч. 4 указанной статьи, в которой определен четкий срок на возврат предметов и документов, которые были изъяты и не признаны вещественными доказательствами. Само существование данной статьи и ее избирательности в вопросах вещественных доказательств является спорным моментом уголовного судопроизводства, так как не ясно, почему нельзя установить конкретные сроки по работе с изъянными предметами и документами на все составы преступлений, а не использовать широко трактуемую правоприменителями категорию разумного срока уголовного судопроизводства.

Мы считаем, что требования с конкретизацией сроков принятия решений по доказательствам необходимо распространить на все уголовное судопроизводство. В этой связи мы считаем целесообразным дополнить ст. 81 УПК РФ ч. 4.1 следующего содержания: «Постановление о признании вещественными доказательствами предметов и документов, указанных в части первой настоящей статьи, выносится в срок не позднее 10 суток с момента их изъятия. В случае необходимости проведения экспертизы или исследования данный срок может быть продлен до 30 суток с согласия

руководителя следственного органа или начальника органа дознания. После получения результатов экспертизы или исследования следователь или дознаватель обязаны вынести постановление о признании вещественными доказательствами предметов и документов в трехсуточный срок». И далее необходимо внести изменения в ч. 4 ст. 81 УПК РФ и изложить ее в следующей редакции: «Изъятые в ходе досудебного производства, но не признанные вещественными доказательствами предметы, включая электронные носители информации, и документы подлежат возврату лицам, у которых они были изъяты не позднее чем через 5 суток по истечении сроков, указанных в части 4.1 настоящей статьи». Указанные изменения позволят избежать затягивания работы с предметами и документами со стороны органов расследования и субъективного подхода к срокам их возвращения владельцам.

В дальнейшем законодатель упоминает возможность изъятия предметов и документов в ст. 144 УПК РФ и, в частности, определяет возможность истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим кодексом. Но где определен указанный порядок?

В ст. 176 УПК РФ в основаниях осмотра упоминается право осмотра предметов и документов в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Далее в указанной статье говорится о праве осмотра обнаруженных предметов на месте производства осмотра и возможности изъятия обнаруженного, если это имеет отношение к уголовному делу. На практике общий порядок изъятия предметов посредством осмотра места происшествия выглядит следующим образом: следователь изымает максимальный массив обнаруженных предметов и данных, опечатывает их, а затем в удобных для него условиях производит осмотр обнаруженного и уже тогда определяет, относить тот или иной предмет к вещественному доказательству или нет.

С терминологической точки зрения важно отметить, что в ст. 178 УПК РФ следователь при производстве эксгумации «извлекает», а не «изымает» труп из места захоронения. В этой связи можно сделать вывод, что извлечение носит временный характер и не позволяет в данном случае «приобщить тело» в какой-либо форме к материалам уголовного дела. Это в первую очередь противоречит этическим нормам, может затрагивать чувства верующих, да и в целом выглядит нецелесообразно.

Впервые более точно изъятие предметов и документов законодатель определяет в ст. 182 УПК РФ, где в ч. 5 указано: «следователь предлагает добровольно выдать подлежащие изъятию предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела», и далее в ч. 9 указанной статьи конкретизирует, что «при производстве обыска во всяком случае изымаются предметы и документы, изъятые из оборота». В содержании указанной статьи нигде не сказано, что изъятие в ходе обыска возможно до возбуждения уголовного дела, при этом следователь должен до начала обыска предъявить постановление о его производстве, а в некоторых случаях и судебное решение, но законом не предусмотрена возможность получения судебного решения на производство обыска до возбуждения уголовного дела.

Но возможно, выемку можно произвести и до возбуждения уголовного дела? Согласно ст. 183 УПК РФ при необходимости изъятия определенных предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, и если точно известно, где и у кого они находятся, производится их выемка. То есть если органы расследования

точно знают, где находятся интересующие их предметы, они производят выемку и изымают их. При этом законодатель использует формулировку «для уголовного дела», что подразумевает наличие возбужденного уголовного дела. Помимо этого, указанная статья также ограничивает выемку предметов и документов, содержащих в себе охраняемую законом тайну, и требует судебного разрешения. Но как его получить до возбуждения уголовного дела? Данный механизм в УПК РФ отсутствует. Но, например, Б. Т. Безлепкин в комментарии к ст. 144 УПК РФ указывает, что раз законодатель указал на изъятие документов и предметов, то, по его мнению, это и есть их выемка, которая является типичным следственным действием, допускающим применение процессуального принуждения, а теперь – и без уголовного дела [3]. А. С. Александров и М. В. Лапатников полагают, что к следственным действиям, проведение которых возможно до возбуждения уголовного дела, добавилась и выемка или должно появиться какое-то новое действие [5]. Но, как мы видим, до настоящего времени никакого нового следственного действия в УПК РФ так и не было добавлено. Приведенные мнения ученых – это лишь малая часть споров по данному вопросу в научной среде.

Неоднозначное толкование норм, позволяющих изымать предметы и документы до возбуждения уголовного дела, возникает и в среде практических сотрудников правоохранительных органов. Например, прокуратура Липецкой области в своем разъяснении по вопросам законности обыска и выемки до возбуждения уголовного дела указывает на то, что действующий УПК РФ предусматривает производство обыска и выемки до возбуждения уголовного дела [6]. В обосновании своей позиции прокурор ссылается на решение Верховного Суда Российской Федерации № 16-УД17-16 от 25.08.2017, но само это решение охватывает частную ситуацию действий оперуполномоченного на стадии проверки сообщения о преступлении, о чем очень подробно написал А. Б. Судницын, обосновав невозможность выемки до возбуждения уголовного дела [7].

Таким образом, наиболее подходящими с точки зрения возможности применения изъятия до возбуждения уголовного дела представляются процессуальные действия, в рамках которых осуществляются осмотры объектов, подразделяющиеся на различные категории и в зависимости от них имеющие свои особенности применяемого порядка, закрепленного в УПК РФ [8].

Рассмотрим международный опыт в данном вопросе и, в частности, законодательство ближайших к России стран, входящих в состав СНГ, так как изначально уголовно-процессуальное законодательство в данных странах базируется на общем историческом опыте, что позволит отследить правовые тенденции в схожем правовом поле.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (УПК РК) [9] не содержит стадии возбуждения уголовного дела, и началом уголовного судопроизводства (досудебного расследования) является регистрация заявления, сообщения об уголовном правонарушении в Едином реестре досудебных расследований либо первое неотложное следственное действие. Неотложные следственные действия могут проводиться и до регистрации заявления и сообщения об уголовном правонарушении, но прокурор, следователь, дознаватель, орган дознания должны принять меры к скорейшей регистрации в Едином реестре досудебных расследований,

вплоть до применения средств связи (ст. 179 УПК РК). Статья 196 УПК РК указывает на право органа дознания начать досудебное расследование и произвести неотложные следственные действия по установлению и закреплению следов преступления. К таким следственным действиям относятся: осмотр, обыск, выемка, освидетельствование, задержание и допрос подозреваемых, допрос потерпевших и свидетелей и другие следственные действия. Таким образом, изъятие предметов и документов по УПК РК возможно в рамках неотложных следственных действий. Но так как данный кодекс не предусматривает аналогии стадии возбуждения уголовного дела, будем считать, что производство следственных действий в рамках проверки сообщений о преступлении невозможно. Наиболее близкая аналогия к российскому законодательству – это деятельность органов дознания по производству неотложных следственных действий по УПК РФ, но эти действия уже производятся по возбужденному уголовному делу.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (УПК РБ) [10] более категоричен в производимых процессуальных действиях до возбуждения уголовного дела, и в ст. 173 содержит их четкий перечень. Однако в данном перечне также отсутствуют обыск и выемка, а присутствует осмотр. Таким образом, до возбуждения уголовного дела изъятие возможно только в рамках осмотра или личного обыска при задержании. Данный факт подтверждает и содержание ст. 204 УПК РБ, где изъятие указано как способ получения доказательств при производстве осмотра.

Подобная ситуация с производством следственных действий до возбуждения уголовного дела представлена в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Таджикистан (УПК РТ) [11]. Согласно ст. 145 УПК РТ производство следственных действий до возбуждения дела является исключительным случаем и основанием для продления срока проверки сообщения о преступлении. В частности, УПК РТ разрешает до возбуждения уголовного дела получение дополнительных объяснений лица, подавшего заявление, истребование документов, проведение осмотра места происшествия. Сам же осмотр места происшествия предполагает такое же изъятие обнаруженных предметов и документов, как и в УПК РФ. Таким образом, изъятие предметов и документов по УПК РТ также возможно исключительно в рамках осмотра места происшествия.

Изученный зарубежный опыт наглядно показывает, что производство обыска и выемки до возбуждения уголовного дела не предусмотрено законодательством стран СНГ. Из данного факта можно сделать вывод о том, что и в УПК РФ производство обыска и выемки до возбуждения уголовного дела невозможно. А возможность изъятия предметов и документов в рамках проверки сообщения о преступлении предусматривает только осмотр места происшествия. Неоднозначное толкование норм УПК РФ об изъятии предметов и документов до возбуждения уголовного дела влечет за собой разночтение в правоприменительной практике на территории Российской Федерации, что в конечном итоге добавляет субъективизм в принятии решений и, как следствие, влечет нарушение прав граждан, вовлекаемых в уголовное судопроизводство. С целью исключения данных разночтений считаем необходимой корректировку нормы, закрепленной в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, с четким указанием конкретных следственных действий, позволяющих изымать предметы и документы до возбуждения уголовного дела.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 04.03.2013 № 23-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142908/?ysclid=liczadli4x388644819 (дата обращения: 03.02.2023).
2. Толковый словарь Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=9755> (дата обращения: 03.02.2023).
3. Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 15-е изд., перераб. и доп. М., 2021. 640 с.
4. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» от 03.07.2016 № 323-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200696/?ysclid=liczdle063266102962 (дата обращения: 03.02.2023).
5. Александров А. С., Лапатников М. В. Старые проблемы доказательственного права в новой уголовно-процессуальной упаковке «сокращенного дознания» // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 23–28.
6. Вопросы законности обыска и выемки до возбуждения уголовного дела. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_48/activity/legal-education/explain?item=52017906 (дата обращения: 03.02.2023).
7. Судницын А. Б. К вопросу о возможности производства выемки до возбуждения уголовного дела // Законодательство и практика. 2017. № 2 (39). С. 29–32
8. Кудрявцев П. А. Актуальные вопросы реализации полномочий следователя по истребованию и изъятию предметов и документов на этапе возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2015. № 16. С. 8 – 13.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 03.02.2023).
10. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 года № 295-З. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958 (дата обращения: 03.02.2023).
11. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 года // Юрист : сайт. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30594304 (дата обращения: 03.02.2023).

REFERENCES

1. *Federal'nyi zakon "O vnesenii izmenenii v stat'i 62 i 303 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii i Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii" ot 04.03.2013 No. 23-FZ (poslednyaya redaktsiya)* [Federal Law "On amendments to articles 62 and 303 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedural Code of the Russian Federation" 2013 No. 23-FZ of March 4, (latest edition).]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142908/?ysclid=liczadli4x388644819 (accessed February 3, 2023).
2. *Tolkovyi slovar' Ozhegova* [Ozhegov's Explanatory Dictionary]. Available at: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=9755> (accessed February 3, 2023).
3. Bezlepkin B.T. *Kommentarii k Ugolovno-protsessual'nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [Commentary on the Criminal Procedural Code of the Russian Federation (article-by-article)]. Moscow, 2021. 640 p.
4. *Federal'nyi zakon "O vnesenii izmenenii v Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii i Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii po voprosam sovershenstvovaniya*

osnovanii i poryadka osvobozhdeniya ot ugovnoyi otvetstvennosti” ot 03.07.2016 No. 323-FZ (*poslednyaya redaktsiya*) [Federal Law “On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedural Code of the Russian Federation on Improving the grounds and procedure for exemption from criminal liability” No. 323-FZ of July 3, 2016 (latest edition)]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200696/?ysclid=liczdle063266102962 (accessed February 3, 2023).

5. Aleksandrov A.S., Lapatinikov M.V. Old problems of evidentiary law in the new criminal procedure package of the “summary inquiry”. *Yuridicheskaya nauka i praktika: vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* = “Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013, no. 22, pp. 23–28. (In Russ.).

6. *Voprosy zakonnosti obyska i vyemki do возбуждения уголовного дела* [Issues of legality of the search and seizure before the initiation of a criminal case]. Available at: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_48/activity/legal-education/explain?item=52017906 (accessed February 3, 2023).

7. Sudnitsyn A.B. On the issue of the possibility of seizure before the initiation of a criminal case. *Zakonodatel'stvo i praktika* = *Legislation and Practice*, 2017, no. 2 (39), pp. 29–32 (In Russ.).

8. Kudryavtsev P.A. Topical issues of realization of powers of the investigator with regard to requesting access to and seizure of things and documents at the stage of initiation of a criminal case. *Rossiiskii sledovatel'* = *Russian Investigator*, 2015, no. 16, pp. 8–13. (In Russ.).

9. *Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Respubliki Kazakhstan ot 4 iyulya 2014 goda* No. 231-V [Criminal Procedural Code of the Republic of Kazakhstan No. 231-V of July 4, 2014]. Available at: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852 (accessed February 3, 2023).

10. *Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Respubliki Belarus' ot 16 iyulya 1999 goda* No. 295-Z [Criminal Procedural Code of the Republic of Belarus No. 295-Z of July 16, 1999]. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958 (accessed February 3, 2023).

11. Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan of December 3, 2009. *Yurist: sait* [Lawyer: website]. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30594304 (In Russ.). (Accessed February 3, 2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ ДУТОВ – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры юридических дисциплин Воронежского государственного аграрного университета имени императора Петра I, Воронеж, Россия, puschay@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5674-0639>

НИКОЛАЙ ЮРЬЕВИЧ ДУТОВ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Воронежского института МВД России, Воронеж, Россия, dutov.nick@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7107-1074>

YURI I. DUTOV – Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, associate professor at the Department of Legal Disciplines of the Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter the Great, Voronezh, Russia, puschay@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5674-0639>

NIKOLAI YU. DUTOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Criminal Procedure of the Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Voronezh, Russia, dutov.nick@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7107-1074>

Статья поступила 21.02.2023

Научная статья

УДК 343.150.1

doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.011

Отдельные особенности следственных действий, связанных с изъятием и копированием информации с электронных носителей

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ КРЫМОВ

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, krsan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4245-5460>

РУЗАННА АСКАРХАНОВНА МАЗАНОВА

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, ruzipekova@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4245-5460>

Аннотация. В статье анализируются вопросы, связанные с изъятием электронных носителей в ходе производства следственных действий и копированием с них доказательственной информации. Отсутствие четких процессуальных требований к копированию информации и изъятию их носителей в настоящее время остается одной из существенных проблем производства следственных действий в частности и в решении вопросов законного, всестороннего и объективного разрешения дела по существу в целом.

Ключевые слова: электронный носитель информации; копирование и изъятие информации.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Крымов А. А., Мазанова Р. А. Отдельные особенности следственных действий, связанных с изъятием и копированием информации с электронных носителей // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 2 (22). С. 102–108. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.011.

Original article

Certain Features of Investigative Actions Related to the Seizure and Copying of Information from Electronic Media

ALEKSANDR A. KRYMOV

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, krsan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4245-5460>

RUZANNA A. MAZANOVA

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, ruzipekova@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4245-5460>,

© Крымов А. А., Мазанова Р. А., 2023

Abstract. The article analyzes issues related to the seizure of electronic media during the production of investigative actions and the copying of evidentiary information from them. A lack of clear procedural requirements for copying information and removing their carriers currently remains one of the significant problems of conducting investigative actions in particular and solving issues of legal, comprehensive and objective resolution of the case on the merits as a whole.

Key words: electronic medium; copying and seizure of information.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Krymov A.A., Mazanova R.A. Certain features of investigative actions related to the seizure and copying of information from electronic media. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 2 (22), pp. 102–108. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.011.

Обнаружение и изъятие при расследовании преступлений предметов и документов – источников доказательственной информации является важнейшей задачей органов предварительного расследования. Как известно, до недавнего времени основной формой хранения информации являлись бумажные документы. Постепенно и поэтапно в деловом и жизненном обороте находили и находят все более широкое применение электронные носители информации. Поступательное расширение сферы применения современных информационных технологий вызвало естественную необходимость изъятия электронных носителей информации. Вопросы, связанные с данными носителями информации, являются одной из наиболее обсуждаемых в уголовно-процессуальной литературе тем практически с самого момента принятия УПК РФ. При этом процессуальные действия с электронными носителями информации ввиду их особенностей не могли проводиться в обычном порядке, что существенно осложняло работу органов предварительного расследования. Таким образом, соответствующие изменения в уголовно-процессуальном законодательстве стали лишь вопросом времени.

В 2012 г. впервые были внесены изменения в УПК РФ, результатом которых стало появление ч. 9.1 ст. 182, устанавливающей порядок изъятия электронных носителей информации [1]. Так, например, при производстве обыска электронные носители подлежат изъятию с участием специалиста.

Одновременно с данной регламентацией законом была предпринята попытка сделать важнейший шаг в вопросах защиты прав владельцев носителей информации. Согласно ч. 9.1 ст. 182 УПК РФ был введен особый порядок изъятия электронных носителей информации. По ходатайству владельца и с участием специалиста, привлеченного к обыску, а также в присутствии понятых с изымаемых электронных носителей информации регламентировано копирование информации. Аналогичная норма в виде ч. 3.1 была включена в ст. 183 УПК РФ, предусматривающую производство выемки. Изменениями устанавливались ограничения, когда копирование информации не допускалось, если это может воспрепятствовать расследованию преступления либо повлечь за собой утрату или изменение информации.

Вместе с тем данных изменений оказалось недостаточно для удержания баланса прав участников уголовного процесса, поскольку сформулированные в законе правила изъятия и копирования, хоть и были направлены на защиту прав собственников

информации, в полной мере такую защиту осуществить не могли. К тому же используемые в законе формулировки фактически предоставляли широкий простор следователям для субъективной интерпретации ситуации, в результате чего зачастую необоснованно отказывалось в осуществлении копирования информации.

Новые изменения в рассматриваемой сфере произошли уже в 2018 г. [2]. Указанные выше нормы были исключены из УПК РФ, а взамен их федеральным законом от 27.12.2018 № 533-ФЗ в кодекс была введена ст. 164.1 «Особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий». Если ранее закон устанавливал право собственника электронных носителей информации на копирование информации в случае изъятия носителей, то новая ст. 164.1 фактически запрещала такое изъятие (с определенными оговорками) и наделяла уже органы следствия (дознания) правом копировать информацию. При этом данный порядок действовал только при расследовании преступлений, указанных в п. 4.1 ст. 164 УПК РФ и относящихся, как правило, к экономическим преступлениям.

Согласно закону в отношении процедуры изъятия в целом имеется относительная определенность: электронные носители информации изымаются в ходе обыска, выемки или осмотра, так как сама суть этих следственных действий подразумевает и допускает изъятие предметов, которые могут иметь интерес для органов расследования. Копирование же информации представляет собой иную категорию, именуемую «процессуальным действием, предназначенным для собирания доказательств» [3].

По объекту воздействия процесс копирования информации очень близок к выемке, но думается, что данные явления нельзя отождествлять. Отличие копирования от выемки заключается в том, что выемка подразумевает утрату собственником владения предметом, а в случае копирования объект остается во владении собственника, что, на наш взгляд, противоречит сути выемки.

При осуществлении копирования и изъятия электронных носителей информации в практике предварительного расследования возникает ряд проблемных вопросов. Одним из насущных признается вопрос обязанности привлечения к участию в следственном действии специалиста. Закон устанавливает обязательное участие специалиста в ходе изъятия электронных носителей, хотя процесс копирования информации, на наш взгляд, технически более сложный и требует большей осведомленности и практических знаний, в связи с чем также должен осуществляться с участием специалиста.

Особенно важным участие специалиста видится в контексте определения возможности копирования без угрозы повреждения или уничтожения информации. Как указано в ст. 164.1 УПК РФ, наличие сведений о том, что информация в ходе копирования может быть утрачена или повреждена, является основанием для изъятия носителей. Пункт 3 ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ предусматривает, что заявление о возможной утрате должно быть сделано специалистом. Таким образом, законодатель косвенным образом указывает на необходимость участия при копировании информации специалиста, однако не устанавливает такого требования напрямую.

Несмотря на то что закон устанавливает обязанность привлечения специалиста, судебная практика решает данный вопрос по-разному. Например, судом Ненецкого

автономного округа была рассмотрена апелляционная жалоба на приговор № 22-27/2015 от 13.04.2015, основным доводом которой было указание на нарушение порядка изъятия электронного носителя информации в отсутствие специалиста. Суд пояснил, что в соответствии с ч. 5 ст. 164 и ст. 168 УПК РФ следователь вправе, а не обязан привлекать специалиста к участию в следственном действии [4].

Фактически по-иному объясняет возможность непривлечения специалиста Приморский краевой суд, подтвердивший законность изъятия электронных носителей в отсутствие специалиста, так как при этом не проводилось копирование информации [5].

Ленинский районный суд г. Саранска Республики Мордовии еще более утвердительно указывает, что участие специалиста в изъятии не является обязательным, при этом при копировании информации ввиду существующего риска утраты информации участие специалиста является обязательным [6].

Отсутствие единого процессуального порядка и двоякое толкование правовых норм при изъятии и копировании информации негативно сказываются на продуктивности расследования. Наличие различий в процедурах копирования и изъятия информации приводит к тому, что, оказываясь в ситуации выбора между изъятием и копированием информации, следователь руководствуется не установленными законом критериями (возможность утраты информации, препятствование дальнейшему расследованию и т. д.), а представлениями и своим усмотрением о том, какое действие будет проще и быстрее совершить. На наш взгляд, процессуальные требования к порядку осуществления копирования и изъятия информации должны быть аналогичными, что снизит желание должностного лица выбрать более простое действие.

Проблемным при копировании информации признается вопрос уголовно-процессуального статуса носителя, содержащего скопированную информацию. В случае когда следователь изымает оригинальный носитель информации, то он приобщается к делу, согласно УПК РФ, как вещественное доказательство. При этом носитель, содержащий скопированную информацию, не вполне соответствует критериям вещественных доказательств, установленных ст. 81 УПК РФ.

Известно, что в теории уголовного процесса и криминалистики существует такой термин, как производное вещественное доказательство. Одним из критериев разделения доказательств на первоначальные и производные является связь того или иного доказательства с обстоятельством, отражением которого оно являлось [7]. Таким образом, носитель, содержащий скопированную информацию, относится к производному доказательству, а значит, будет приобщаться к делу как вещественное доказательство. Однако УПК РФ предусматривает и такой вид доказательства, как иные документы. Данный вид доказательства зачастую рассматривается авторами как универсальный способ зафиксировать в уголовном деле любую информацию, закрепленную на материальном носителе [8].

На наш взгляд, исходя из двух рассмотренных подходов, носители, содержащие скопированную информацию, по своей уголовно-процессуальной природе являются производными вещественными доказательствами, а не иными документами. При этом думается, что данный вопрос является сугубо теоретическим, поскольку и производные вещественные доказательства, и иные документы относятся к

надлежащим доказательствам и могут быть использованы в дальнейшем расследовании.

Отдельным дискуссионным вопросом выступает необходимость получения решения суда на изъятие и копирование. Граждане, подвергшиеся обыску и впоследствии изъятию электронных носителей, стали обращаться с жалобами в суд, так как, по их мнению, дальнейшие действия сотрудников нарушают их право на тайну переписки, предусмотренное Конституцией Российской Федерации. Уголовно-процессуальное законодательство предоставляет возможность осмотра отдельных предметов как на месте обнаружения, так и после их изъятия. Такая необходимость обусловлена невозможностью или затруднением осмотра на месте. При этом для проведения осмотра как следственного действия не во всех случаях требуется разрешение суда. Данные нормы УПК РФ вступают в противоречие со ст. 23 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой нарушение права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений допускается только на основании судебного решения. Неоднозначную точку в данном споре поставил Конституционный Суд Российской Федерации, который отказался принять к рассмотрению жалобу гражданина Прозоровского Д. А. и пояснил, что возможность осмотра электронного носителя информации не нарушает право на тайну переписки [9], а если лицо считает, что его права все-таки были нарушены, то за участниками уголовного процесса остается возможность оспорить следственные действия и процессуальные решения в порядке ст. 125 УПК РФ.

Отсутствие универсальных и четких процессуальных требований к копированию информации и изъятию ее носителей на настоящем этапе развития уголовно-процессуального законодательства остается одной из существенных проблем производства следственных действий в частности и в решении вопросов законного, всестороннего и объективного разрешения дела по существу в целом. Установление единых требований к изъятию электронных носителей и копированию информации сделает понятными и законными действия следователя и суда, а значит, решит задачу обеспечения прав участников уголовного судопроизводства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 28.07.2012 № 143-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 31. Ст. 4332.
2. О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 27.12.2018 № 533-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 53, ч. I. Ст. 8459.
3. Семенцов В. А. Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики) : моногр. Екатеринбург, 2006. 300 с.
4. Апелляционное определение суда Ненецкого автономного округа по делу № 22-27/2015 от 13.04.2015. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/UpBwjgpnx4Yx/> (дата обращения: 22.10.2022).
5. Апелляционное постановление Приморского краевого суда № 22-5674/15 от 24.09.2015. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mcLt94ndnd0/> (дата обращения: 22.10.2022).

6. Приговор Ленинского районного суда г. Саранска Республики Мордовия по делу 1-12/2020. URL: https://leninsky--mor.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=72188002&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 04.02.2023).
7. Кудин Ф. М. Сущность и значение производных доказательств в уголовном процессе // Кудин Ф. М. Избранные труды. Волгоград, 2010. С. 235–244.
8. Ерохина М. П. «Иные документы» в уголовном судопроизводстве: содержание без процессуальной формы // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2021. № 2. С. 94–99.
9. Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2018 № 189-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=527893&ysclid=lik8bve72w244401253#4FuvOgTCQbQXbfW2> (дата обращения: 22.10.2022).

REFERENCES

1. On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: federal Law No. 143-FZ of July 28, 2012. In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2012. No. 31. Art. 4,332. (In Russ.).
2. On Amendments to Articles 76.1 and 145.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedural Code of the Russian Federation: Federal Law No. 533-FZ of December 27, 2018. In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2018. No. 53. Part I. Art. 8,459. (In Russ.).
3. Sementsov V.A. *Sledstvennye deistviya v dosudebnom proizvodstve (obshchie polozheniya teorii i praktiki): monogr.* [Investigative actions in pre-trial proceedings (general provisions of theory and practice): monograph]. Ekaterinburg, 2006. 300 p.
4. *Apellyatsionnoe opredelenie suda Nenetskogo avtonomnogo okruga po delu No. 22-27/2015 ot 13.04.2015* [Appeal ruling of the Court of Nenets Autonomous Okrug in case No. 22-27/2015 of April 13, 2015]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/UpBwjgpnx4Yx/> (accessed October 22, 2022).
5. *Apellyatsionnoe postanovlenie Primorskogo kraevogo suda No. 22-5674/15 ot 24.09.2015* [Appeal resolution of the Primorsk Regional Court No. 22-5674/15 of September 24, 2015]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/mcLt94ndnd0/> (accessed October 22, 2022).
6. *Prigovor Leninskogo raionnogo suda g. Saranska Respubliki Mordoviya po delu 1-12/2020* [Verdict of the Leninsky District Court of Saransk of the Republic of Mordovia in case 1-12/2020]. Available at: https://leninsky--mor.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=72188002&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (accessed February 4, 2023).
7. Kudin F.M. Essence and the value of derivative evidence in criminal proceedings. In: *Izbrannye Trudy* [Selected works]. Volgograd, 2010. Pp. 235–244. (In Russ.).
8. Erokhina M.P. “Other documents” in criminal proceedings: content without procedural form”. *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina = Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia*, 2021, no. 2, pp. 94–99. (In Russ.).
9. *Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 25.01.2018 No. 189-O “Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Prozorovskogo Dmitriya Aleksandrovicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav stat'yami 176, 177 i 195 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii”* [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 189-O of January 25, 2018 “On refusal to accept for consideration

the complaint of citizen Dmitrii A. Prozorovskii for violation of his constitutional rights by Articles 176, 177 and 195 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation”]. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=527893&ysclid=lik8bve72w244401253#4FuvOgTCQbQXbfW2> (accessed October 22, 2022).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ КРЫМОВ – доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования, профессор кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии, Саратов, Россия, krsan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4245-5460>

РУЗАННА АСКАРХАНОВНА МАЗАНОВА – студентка 5 курса Института юстиции Саратовской государственной юридической академии, Саратов, Россия, ruzipekova@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4245-5460>

ALEKSANDR A. KRYMOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education, professor at the Department of Criminal Procedure of the Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, krsan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4245-5460>

RUZANNA A. MAZANOVA – 5th year student of the Institute of Law of the Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, ruzipekova@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4245-5460>

Статья поступила 10.05.2023

Научная статья

УДК 343

doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.012

Ответственность за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ст. 157 УК РФ)

АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ КУЗНЕЦОВ

Приволжский институт повышения квалификации ФНС России,
Нижний Новгород, Россия, abdulxann@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5179-6059>

Аннотация. В статье с использованием многочисленных доктринальных источников, судебной практики, нормативных правовых актов рассматриваются вопросы уголовной ответственности за преступные посягательства на семью и несовершеннолетних, включая ответственность за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей, раскрываются объективные и субъективные признаки составов преступлений, включенных в ст. 157 УК РФ, исследуются криминообразующие признаки, включенные в ее диспозицию, предлагаются варианты формулирования в ней преступных деяний.

Ключевые слова: Уголовный кодекс Российской Федерации; Семейный кодекс Российской Федерации; несовершеннолетний; нетрудоспособный; родители; нотариальное удостоверение; неуплата алиментов; решение суда; административное наказание; неоднократность.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Кузнецов А. П. Ответственность за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ст. 157 УК РФ) // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 2 (22). С. 109–116. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.012.

Original article

Responsibility for Non-Payment of Funds for the Maintenance of Children or Disabled Parents (Article 157 of the Criminal Code of the Russian Federation)

ALEKSANDR P. KUZNETSOV

Federal State Institution of Advanced Finance Professional Training
“Federal Tax Service Training Institute”, Nizhny Novgorod, Russia,
abdulxann@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5179-6059>

Abstract. On the basis of numerous doctrinal sources, judicial practice, and regulatory legal acts, the article considers issues of criminal liability for criminal

encroachments on the family and minors, including responsibility for non-payment of funds for the maintenance of children or disabled parents, reveals objective and subjective elements of crimes provided for in Article 157 of the Criminal Code of the Russian Federation, describes criminalizing elements included in its disposition, and proposes options for the formulation of criminal acts in it.

Key words: Criminal Code of the Russian Federation; Family Code of the Russian Federation; minor; disabled; parents; notarization; non-payment of alimony; court decision; administrative punishment; repetition.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Kuznetsov A.P. Responsibility for non-payment of funds for the maintenance of children or disabled parents (Article 157 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 2 (22), pp. 109–116. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.012.

В условиях социально-экономических и политико-правовых реформ в России в конце XX – начале XXI вв. наиболее остро встает вопрос правового регулирования отношений в области охраны семьи. Подтверждением этому являются принятые многочисленные нормативные правовые акты. Так, в частности, в ч. 2 ст. 38 Конституции Российской Федерации устанавливается важное положение, согласно которому семья, материнство и детство находятся под защитой государства, родители наделяются равными правами и обязанностями по воспитанию и заботе о своих детях. Конкретизация конституционных положений нашла свое отражение в ст. 80, 85 СК РФ, в которых указывается, что родители обязаны заботиться о своих несовершеннолетних и нетрудоспособных детях, оказывать им материальную помощь. Одновременно с этим в Федеральном законе от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» закрепляется положение, регламентирующее всемерную государственную поддержку семьи в целях обеспечения полноценного воспитания детей, защиты их прав, подготовки их к нормальной жизни в обществе. Указанные положения нашли свое правовое закрепление в действующем уголовном законодательстве.

Исследование уголовной ответственности за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей в действующем уголовном законодательстве будет неполным без обращения к кодифицированному уголовному законодательству советского периода. Советское государство с первых дней своего образования уделяло большое внимание защите неприкосновенности личности, гарантировало материальное и духовное развитие семьи. Различные противоправные посягательства на неприкосновенность личности, ее прав, семьи признавались преступлением, а лицо, совершившее его, привлекалось к уголовной ответственности. В принятых кодифицированных нормативных правовых актах – уголовных кодексах РСФСР 1922 [1], 1926 [2] и 1960 [3] гг., законодатель наряду с другими объектами уголовно-правовой охраны выделял советскую семью и ее интересы.

В первых уголовных кодексах РСФСР 1922 и 1926 гг. в главах «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» выделены ст. 163 и 156, которые можно считать прообразом действующей ст. 157 УК РФ. Так, в ст. 163 УК РСФСР 1922 г. предусматривалась ответственность за «оставление без помо-

щи лица, находящегося в опасном для жизни положении и лишенного возможности самосохранения по малолетству, дряхлости, болезни или вследствие иного беспомощного состояния, если оставивший без помощи был обязан иметь заботу о таком лице». Указанное деяние наказывалось лишением свободы на срок до двух лет. В свою очередь в УК РСФСР 1926 г. законодатель с некоторыми изменениями предусмотрел в ст. 156 ответственность за «заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни состоянии, лишенного возможности принять меры самосохранения по малолетству, дряхлости, болезни или вообще вследствие своей беспомощности, в случаях если оставивший без помощи обязан был иметь заботу об оставленном и имел возможность оказать помощь». Виновное лицо наказывалось принудительными работами на срок до шести месяцев или штрафом до трехсот рублей.

Данные выше уголовно-правовые положения свидетельствуют о том, что государство, исходя из требований социалистической морали, проявляя заботу о семье, устанавливало правило, регламентирующее обязанности по воспитанию детей и их материальной поддержке.

В УК РСФСР 1960 г. в гл. 3 «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» было выделено две статьи, предусматривающие ответственность за «злостное уклонение родителей от уплаты по решению суда средств на содержание несовершеннолетних детей или от содержания состоящих на их иждивении совершеннолетних, но нетрудоспособных детей» (ст. 122), «злостное уклонение от уплаты по решению суда средств на содержание нетрудоспособных родителей» (ст. 123). Таким образом, законодатель подтвердил важность охраны семейных отношений с помощью уголовного закона.

Характеризуя указанные законодательные новации, следует отметить, что в многочисленной доктринальной литературе того периода объект рассматриваемого преступления определялся по-разному. В частности, под объектом преступления понимались: нормальное развитие, воспитание и здоровье детей [4, с. 156–157], нормальное развитие детей и подростков и их имущественные интересы [5, с. 376], материальные интересы детей, обеспечивающие нормальную жизнь и развитие [6, с. 356–358]. Как видно, в ряде случаев авторы допускали смешение основного непосредственного и дополнительного объектов. Исходя из структурного расположения статей в гл. 3 уголовного закона, основным непосредственным объектом правильно было бы признавать общественные отношения, складывающиеся в сфере развития семьи, обеспечения ее нормального функционирования. В качестве дополнительного объекта выступают общественные отношения, обеспечивающие имущественные интересы несовершеннолетних, нетрудоспособных детей и родителей.

Исходя из законодательной фабулы основным элементом объективной стороны выделяется криминообразующий признак «злостность» (систематическое, без уважительных причин непредоставление материальных средств), то есть *неоднократное* уклонение от уплаты материальных средств на содержание детей родителями, а также уклонение от уплаты средств на содержание нетрудоспособных родителей.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 122 УК РСФСР, заключается в том, что родители, другие лица, на которых законодателем возложена по решению суда обязанность по заботе о несовершеннолетних или совершеннолетних, но нетрудоспособных детях, злостно уклоняются от их содержания.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 123 УК РСФСР, выражается в бездействии, в злостном уклонении от уплаты по решению суда средств на содержание нетрудоспособных родителей. Нетрудоспособными признаются мать в возрасте пятидесяти пяти лет и отец в возрасте шестидесяти лет [5, с. 376].

Вопрос о том, является ли уклонение от уплаты средств на содержание злостным, должен решаться судом в каждом конкретном случае, при этом должны быть учтены причины неуплаты и ее продолжительность, повторность совершения аналогичных действий. Лишение родительских прав не освобождает родителей от обязанностей по содержанию детей [6, с. 357].

Виновный имеет фактическую возможность выполнить свои обязанности по содержанию нетрудоспособных родителей, заботиться о них, но под различными предлогами не делает этого (меняет место жительства, место работы, скрывает полученные денежные средства и т. д.).

Состав по конструкции формальный, преступление считается оконченным с момента неуплаты установленных денежных средств решением суда.

Субъектом преступления в первом случае (ст. 122 УК РСФСР) признаются только родители или определенные законом усыновители (специальный субъект), во втором (ст. 123 УК РСФСР) – дети и приравненные к ним в соответствии с законом усыновленные (падчерица, пасынок), обязанные заботиться о нетрудоспособных родителях (специальный субъект).

Сложившаяся в указанное время судебная практика исходила из того, что субъектом рассматриваемого преступления могут быть только родители ребенка. Примером такого решения служит дело, рассмотренное Астраханским областным судом в отношении С., который был осужден за злостное уклонение от уплаты алиментов, взысканных с него по решению суда на содержание ребенка. Президиум областного суда прекратил дело за отсутствием в действиях С. состава преступления, признав, что к уголовной ответственности за злостное уклонение от уплаты алиментов по ст. 122 УК РСФСР могут привлекаться только лишь родители ребенка [7].

Субъективная сторона злостного уклонения от уплаты по решению суда средств на содержание детей (ст. 122 УК РСФСР) характеризуется прямым умыслом: виновный осознает, что уклоняется от уплаты по решению суда средств на содержание несовершеннолетних детей или от содержания состоящих на его иждивении совершеннолетних, но нетрудоспособных детей и желает этого.

Субъективная сторона злостного уклонения от уплаты помощи родителям (ст. 123 УК РСФСР) характеризуется прямым умыслом, выражающимся в том, что виновный сознает, что злостно уклоняется от уплаты по решению суда средств на содержание нетрудоспособных родителей и желает его совершить.

Ответственность за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей по действующему уголовному законодательству (ст. 157 УК РФ). Учитывая важность и значимость отношений, складывающихся в области семьи, нравственного воспитания детей, законодатель в УК РФ выделил в первоначальной редакции в гл. 20 «Преступления против семьи и несовершеннолетних» ст. 157 «Злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей» и включил в нее две части, предусматривающие ответственность за два состава преступления.

В ч. 1 устанавливалась ответственность за «злостное уклонение родителей от уплаты по решению суда средств на содержание несовершеннолетних детей, а равно нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста», а в ч. 2 – за «злостное уклонение совершеннолетних трудоспособных детей от уплаты по решению суда средств на содержание нетрудоспособных родителей».

Злостным уклонением признавались систематические сознательные действия, связанные со сменой места жительства или работы, введение в заблуждение относительно реальной суммы получаемой заработной платы, а также сокрытие по совместительству.

При совершенствовании уголовно-правового механизма охраны семейных отношений в указанную статью Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» были внесены изменения в конструкцию, касающиеся ее названия и криминообразующих признаков. В частности, ст. 157 стала называться «Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей». В новой редакции ч. 1 сформулирована как «Неуплата родителями без уважительных причин в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения средств на содержание несовершеннолетних детей, а равно нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста, если это деяние совершено неоднократно», ч. 2 – «Неуплата совершеннолетними трудоспособными детьми без уважительных причин в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения средств на содержание нетрудоспособных родителей, если это деяние совершено неоднократно».

Указанные деяния относятся к преступлениям небольшой тяжести и наказываются исправительными работами на срок до одного года, либо принудительными работами на тот же срок, либо арестом на срок до трех месяцев, либо лишением свободы на срок до одного года.

Одновременно с этим Федеральным законом от 30.12.2021 № 499-ФЗ «О внесении изменений в статью 157 Уголовного кодекса Российской Федерации» в статью были включены три примечания, в двух из которых разъясняется положение диспозиции ст. 157:

«Примечание 1. Неуплатой родителем без уважительных причин в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения средств на содержание несовершеннолетних детей, а равно нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста, если это деяние совершено неоднократно, признается неуплата родителем без уважительных причин в нарушение решения суда или нотариального удостоверенного соглашения средств в размере, установленном в соответствии с решением суда или нотариально удостоверенным соглашением, на содержание несовершеннолетних детей, а равно нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста, подвергнутых административному наказанию за аналогичное деяние, за период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию».

«Примечание 2. Неуплатой совершеннолетними трудоспособными детьми без уважительных причин в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения средств на содержание нетрудоспособных родителей, если это

деяние совершено неоднократно, признается неуплата совершеннолетними трудоспособными детьми без уважительных причин в нарушение решения суда или нотариального удостоверенного соглашения средств в размере, установленном в соответствии с решением суда или нотариально удостоверенным соглашением, на содержание нетрудоспособных родителей, подвергнутыми административному наказанию за аналогичное деяние, за период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию».

В примечании 3 предусмотрены условия освобождения от уголовной ответственности: «Лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если это лицо в полном объеме погасило задолженность по выплате средств на содержание несовершеннолетних детей, а равно нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста, или нетрудоспособных родителей в порядке, определяемом законодательством Российской Федерации».

Как видно, законодатель не только изменил название, но и по-новому сформулировал диспозиции уголовно-правовой нормы, ее криминообразующие признаки (исключив «злостность» и «уклонение»), снабдив комментируемую статью примечаниями, в которых дал их толкование, а также предусмотрел основания освобождения от уголовной ответственности.

Общественная опасность указанных преступлений заключается в том, что они посягают на неприкосновенность личности, оказывают негативное влияние на нормальное развитие морально-нравственных и физических устоев, сложившихся в сфере особой социальной ценности – семье.

Непосредственным объектом комментируемого преступления выступают интересы семьи. Дополнительным объектом следует признавать взаимные материальные отношения родителей и детей. Потерпевшими признаются, во-первых, несовершеннолетние дети или нетрудоспособные дети, достигшие восемнадцатилетнего возраста (ч. 1 ст. 157 УК РФ), во-вторых, нетрудоспособные родители, которым совершеннолетние дети обязаны выплачивать средства по решению суда на их содержание (ч. 2 ст. 157 УК РФ).

Объективная сторона преступления состоит из двух самостоятельных составов, противоправных нарушений, включающих аналогичные криминообразующие признаки объективной и субъективной стороны: неоднократное уклонение от уплаты по решению суда средств на содержание потерпевших. Отличие заключается только в круге потерпевших и в субъективных признаках. Некоторые авторы, комментируя указанную статью, допускают ошибку, считая, что статья состоит из двух частей, закрепляющих альтернативные основания состава преступления. В данном случае альтернатива не может применяться, так как в статье имеются два самостоятельных, независимых друг от друга состава и признавать их альтернативными в этом случае нельзя [8, с. 510].

В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.12.2017 № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» нетрудоспособными являются дети, признанные инвалидами I, II, III группы, нуждающиеся в посторонней помощи, то есть они не получают от государства или других организаций пенсий либо пособий, либо получают указанные материальные средства, но они оказываются недо-

статочными для удовлетворения возникающих потребностей. Предметом являются материальные средства, выплачиваемые несовершеннолетним либо нетрудоспособным.

Состав преступления по ч. 1 и 2 по своей юридической конструкции сформулирован по типу формального. Более того, указанные преступления признаются длящимися и считаются оконченными с момента пресечения преступного деяния или прекращения виновным указанной деятельности, то есть с момента прекращения уклонения от уплаты материальных средств [9, с. 456].

Субъектами преступлений комментируемой статьи законодатель признает, во-первых, родителей. Согласно ст. 49, 52 СК РФ это родители по крови, то есть лица, записанные отцом или матерью в книге записей о рождении, в том числе и те, чье отцовство, материнство установлено в судебном порядке. Во-вторых, усыновители, которые в соответствии со ст. 137 СК РФ по отношению к усыновленному ребенку приравниваются в личных неимущественных и имущественных в правах и обязанностях к родителям по происхождению. Освобождаются от выплаты средств на содержание ребенка кровные родители при усыновлении (удочерении), что исключает их ответственность. В-третьих, совершеннолетние нетрудоспособные дети, а также другие лица, приравненные к ним по закону, обязанные содержать родителей: усыновленные (удочеренные), пасынки, падчерицы (ч. 2 ст. 157 УК РФ).

В соответствии со ст. 120 СК РФ выплата средств на содержание прекращается: по достижении ребенком восемнадцати лет в случае приобретения несовершеннолетним и детьми полной дееспособности до достижения ими совершеннолетия; при усыновлении (удочерении) ребенка, на содержание которого взыскивались алименты; при признании судом восстановления трудоспособности или прекращения нуждаемости в помощи получателя алиментов; при вступлении нетрудоспособного нуждающегося в помощи бывшего супруга – получателя алиментов в новый брак; смертью лица, получающего алименты, или лица, обязанного их выплачивать.

Субъективная сторона преступления (ч. 1 ст. 157 УК РФ) характеризуется прямым умыслом: виновный осознает, что уклоняется от уплаты средств на содержание несовершеннолетних детей, а равно нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста, и желает совершить подобное действие.

Субъективная сторона преступления (ч. 2 ст. 157 УК РФ) характеризуется прямым умыслом, выражающимся в том, что совершеннолетние трудоспособные дети без уважительных причин в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения не уплачивают средства на содержание нетрудоспособных родителей и желают этого.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О введении в действие Уголовного кодекса Р.С.Ф.С.Р. : постановление ВЦИК от 01.06.1922 // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. 1922. № 80. Ст. 153.
2. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года (вместе с Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.) : постановление ВЦИК от 22.11.1926 // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
3. Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР» (вместе с «Уголовным кодексом РСФСР») : закон РСФСР от 27.10.1960 // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
4. Советское уголовное право. Часть Особенная : учеб. / под ред. М. И. Ковалева. М., 1983. 480 с.

5. Загородников Н. И. Советское уголовное право. Общая и Особенная части. М., 1976. 568 с.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации : науч.-практ. коммент. / под ред. Л. Л. Кругликова, Э. С. Тенчова. Ярославль, 1994. 672 с.
7. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1966. № 2. С. 8.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. Т. Томина, В. В. Сверчкова. 5-е изд. перераб. и доп. М., 2009. 1301 с.
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. Э. Жалинский. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2010. 1111 с.

REFERENCES

1. On the enactment of the Criminal Code of the RSFSR: Decree of the Central Executive Committee of June 1, 1922. In: *Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii RKP RSFSR* [Collection of legalizations and orders of the Communist Party of the RSFSR]. 1922. No. 80. Art. 153. (In Russ.).
2. On the enactment of the Criminal Code of the RSFSR as amended in 1926 (together with the Criminal Code of the RSFSR): Resolution of the Central Executive Committee of November 22, 1926. In: *Sobranie uzakonenii RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR]. 1926. No. 80. Art. 600. (In Russ.).
3. On the approval of the Criminal Code of the RSFSR (together with the Criminal Code of the RSFSR): Law of the RSFSR of October 27, 1960. In: *Vedomosti VS RSFSR* [News Bulletin of the Military Council of the RSFSR]. 1960. No. 40. Art. 591. (In Russ.).
4. *Sovetskoe ugovnoe pravo. Chast' Osobennaya: ucheb.* [Soviet criminal law. Special part: textbook]. Ed. by Kovalev M.I. Moscow, 1983. 480 p.
5. Zagorodnikov N.I. *Sovetskoe ugovnoe pravo. Obshchaya i Osobennaya chasti* [Soviet criminal law. General and Special parts]. Moscow, 1976. 568 p.
6. *Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: nauch.-prakt. kommentarii* [Criminal Code of the Russian Federation: scientific and practical commentary]. Ed. by Kruglikov L.L., Tenchov E.S. Yaroslavl, 1994. 672 p.
7. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RSFSR* [Bulletin of the Supreme Court of the RSFSR]. 1966. No. 2. P. 8.
8. *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation]. Ed. by Tomin V.T., Sverchkov V.V. Moscow, 2009. 1,301 p.
9. *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation]. Ed. by Zhalinskii A.E. Moscow, 2010. 1,111 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ КУЗНЕЦОВ – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры социально-правовых дисциплин Приволжского института повышения квалификации ФНС России, Нижний Новгород, Россия, abdulxann@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5179-6059>

ALEKSANDR P. KUZNETSOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, professor at the Department of Social and Legal Sciences of the Federal State Institution of Advanced Finance Professional Training “Federal Tax Service Training Institute”, Nizhny Novgorod, Russia, abdulxann@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5179-6059>

Статья поступила 21.02.2023

Научная статья

УДК 343

doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.013

Оперативно-розыскное обеспечение расследования и судебного разбирательства уголовных дел по преступлениям экономической направленности, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных и цифровых технологий

ЮРИЙ АНДРЕЕВИЧ ЛОЖКИН

Пермский институт ФСИН России, Пермь, Россия, fragment84@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3728-0619>

Аннотация. Исходя из специфики преступлений экономической направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных и цифровых технологий, в статье рассматриваются и анализируются основные направления организации и осуществления оперативно-розыскного обеспечения расследования уголовных дел рассматриваемой категории. Отдельное внимание уделяется вопросу организации взаимодействия следователя с оперативным работником как в процессуальной, так и в непроцессуальной форме. В качестве меры улучшения работы в данном направлении автором предлагается создание специализированных следственно-оперативных групп при расследовании рассматриваемой категории преступлений. В завершении статьи характеризуются действия сотрудников оперативных подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции ОВД по установлению возможных путей и способов оказания противодействия расследованию преступлений и меры по их нейтрализации.

Ключевые слова: взаимодействие; информационные технологии; оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскное обеспечение; следственно-оперативная группа; экономическая безопасность; экономические преступления.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Ложкин Ю. А. Оперативно-розыскное обеспечение расследования и судебного разбирательства уголовных дел по преступлениям экономической направленности, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных и цифровых технологий // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 2 (22). С. 117–126. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.013.

Operational and Investigative Support for the Investigation and Trial of Criminal Cases on Economic Crimes Committed with the Help of Information, Communication and Digital Technologies

YURII A. LOZHKIN

Perm Institute of the Federal Penitentiary Service, Perm, Russia, fragment84@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3728-0619>

Abstract. Based on the specifics of economic crimes committed using information, communication and digital technologies, the article discusses and analyzes key directions of organizing and implementing operational investigative support for the investigation of criminal cases of the category under consideration. Special attention is paid to the issue of organizing interaction between the investigator and the operative, both in a procedural and non-procedural form. As a measure to improve the work in this direction, the author proposes creation of specialized investigative and operational groups to investigate the category of crimes under consideration. The article characterizes activities of employees of operational units of the economic security and anti-corruption of the internal affairs department to establish possible ways and means of countering the investigation of crimes and measures to neutralize them.

Keywords: interaction; information technologies; law enforcement intelligence operations; operational investigative support; investigative task force; economic security; economic crimes.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Lozhkin Yu.A. Operational and investigative support for the investigation and trial of criminal cases on economic crimes committed with the help of information, communication and digital technologies. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 2 (22), pp. 117–126. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.013.

Вопросы организации и осуществления оперативно-розыскного обеспечения предварительного расследования и судебного разбирательства с учетом изменений действующего законодательства и оперативной ситуации постоянно находятся в центре внимания ученых в области теории уголовно-процессуального права и оперативно-розыскной деятельности [1, с. 127].

Как показывает следственно-судебная практика, далеко не всегда уголовные дела, возбуждаемые как на основании результатов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), так и на основании заявлений о совершении преступлений, полноценно и качественно расследуются и поступают в суд с обвинительным заключением (обвинительным актом). Одной из причин этого можно назвать не вполне качественное оперативное обеспечение расследуемых уголовных дел, а в ряде случаев его полное отсутствие. Особую актуальность данная организационно-тактическая форма ОРД приобретает при расследовании преступлений экономической направленности, поскольку по этой категории уголовных дел процесс доказывания

осложняется необходимостью применения специальных знаний в сфере экономики и бухгалтерского учета, значительным количеством эпизодов преступной деятельности, большим объемом следственных действий, более широкими возможностями фигурантов по оказанию противодействия следственным органам и рядом других обстоятельств.

Следует отметить, что в юридической науке еще не сформировалось единого понимания данного вида деятельности. Имеется множественность суждений о понятиях «оперативно-розыскное обеспечение», «оперативно-розыскное сопровождение». Отдельные ученые и вовсе отождествляют эти понятия [2, с. 308–309].

В этой связи представляется интересной точка зрения Д. А. Климова, который, проанализировав полтора десятка предлагаемых определений рассматриваемого термина, предложил свое (применимо к специфике рассматриваемой категории уголовных дел), в соответствии с которым оперативно-розыскное обеспечение расследования преступлений в сфере экономики – это основанная на законе целенаправленная системная деятельность сотрудников подразделений, осуществляющих ОРД, обладающих знаниями специфики рассматриваемого вида криминальных деяний, умениями и навыками проведения оперативно-розыскных, оперативно-поисковых и оперативно-технических мероприятий, негласной и информационно-аналитической работы, направленная на самостоятельное решение задач выявления преступлений в сфере экономики, создание оптимальных условий для расследования преступлений и реализации целей уголовного процесса [3, с. 60].

Организация оперативно-розыскного обеспечения по преступлениям экономической направленности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных и цифровых технологий (далее – ИТТ), как правило, осуществляется по трем направлениям:

1. Отыскание новых, ранее неизвестных следствию фактов, эпизодов преступной деятельности фигуранта (фигурантов), источников информации для получения доказательств.

2. Обнаружение имущества и ценностей, полученных в результате совершения преступления и приобретенных на незаконно полученные от совершения преступления денежные средства, для обеспечения конфискации имущества или денежных средств, а также возмещения причиненного ущерба (ст. 104.1–104.3 УК РФ).

3. Осуществление оперативно-розыскного контроля за поведением фигурантов дела для выявления фактов противодействия ими предварительному расследованию уголовных дел указанной категории и их судебному рассмотрению, принятия мер по его пресечению, устранению или нейтрализации, включая их попытки скрыться от следствия и суда, в том числе за границей.

Раскрывая направление, связанное с отысканием новых, ранее неизвестных следствию фактов, эпизодов преступной деятельности фигуранта (фигурантов) и источников информации для получения доказательств, следует сказать, что это, по сути своей, два самостоятельных «вектора» оперативно-розыскного документирования в рамках сопровождения расследования уголовных дел рассматриваемой категории.

Говоря о первом из указанных «векторов» (оперативный поиск дополнительных эпизодов преступной деятельности фигуранта), следует отметить, что данная деятельность должна осуществляться сотрудником оперативных подразделений эко-

номической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел (далее – ЭБиПК) в плановом порядке, как правило, в рамках имеющегося дела оперативного учета.

В подавляющем большинстве случаев поиск новых фактов преступной деятельности фигуранта осуществляется по тактической схеме «от лица – к преступлению». С этой целью сотрудникам ЭБиПК необходимо:

- проведение анализа ранее полученных результатов ОРД на предмет выявления признаков преступлений, аналогичных расследуемому, либо иных схожих составов (например, незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица, легализация денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершенного им преступления, и др.);

- ориентирование лиц, оказывающих конфиденциальное содействие оперативным сотрудникам ЭБиПК, на добывание информации об иных эпизодах преступной деятельности фигуранта (фигурантов);

- планирование и проведение целевых оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), направленных на обнаружение и дальнейшее документирование выявленных фактов иных преступлений;

- самостоятельный анализ (с разрешения или на основании отдельного поручения следователя) изъятых по уголовному делу предметов, документов, компьютерной техники, магнитных носителей информации с целью выявления дополнительных эпизодов преступной деятельности лица;

- непосредственное или опосредованное (через оперативные аппараты следственных изоляторов Федеральной службы исполнения наказаний) воздействие законными способами на фигуранта уголовного дела с целью негласного получения от него оперативно значимой информации, которая может быть использована как в целях выявления иных фактов противоправной деятельности, так и в процессе доказывания по уголовному делу.

Также следует отметить, что использование полученных сведений об иных фактах преступлений, совершенных фигурантом, должно осуществляться по согласованию с непосредственным начальником оперативного подразделения ЭБиПК и во взаимодействии со следователем, расследующим уголовное дело, поскольку возбуждение уголовных дел по новым эпизодам преступной деятельности фигуранта должно быть тактически выверено в рамках расследования «основного» дела.

Говоря об оперативном поиске источников информации для получения доказательств, стоит отметить тот факт, что проблема использования в процессе доказывания результатов ОРД была и до настоящего времени продолжает оставаться дискуссионной как в теории уголовного процесса, так и в теории ОРД [4, с. 137]. Анализ практики выявления, раскрытия и расследования преступлений экономической направленности, совершаемых с использованием ИТТ, показывает, что при использовании результатов ОРД в уголовном процессе наибольшую силу имеют доказательства, полученные в результате проведения таких ОРМ, как наблюдение, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, негласное обследование помещений (в том числе компьютерной техники, находящейся в них), получение компьютерной информации. При этом оперативным сотрудником должно уделяться повышенное внимание соблюдению процедуры

представления результатов ОРД следователю, соответствие представленных материалов и сопроводительной документации требованиям межведомственной инструкции [5].

Интересной и вполне оправданной точкой зрения, предложенной П. И. Ивановым и А. М. Кузовым [4, с. 139], является поиск так называемого «золотого свидетеля», способного полностью осветить преступную схему, изобличить проверяемого и лиц, оказывающих ему содействие, в этом случае целесообразно использовать институт досудебного соглашения (гл. 40.1 УПК РФ).

Также следует отметить, что поиск источников информации для получения доказательств по расследуемому уголовному делу должен осуществляться оперативным сотрудником как самостоятельно в рамках агентурно-оперативной работы, так и на основании отдельных поручений следователя, который может определять направления, подлежащие наиболее качественному и всестороннему доказыванию. Такого рода поручения возникают, как правило, с учетом дополнительно полученной следователем информации, ранее неизвестной ни ему, ни оперативному сотруднику. Результаты работы, выполненной оперативным сотрудником по поручению следователя, используются в процессе доказывания и учитываются при проведении последующих оперативно-розыскных и следственных мероприятий. Вместе с тем учет выполнения отдельных поручений оперативным путем следователь может осуществлять только в форме получения ответов от оперативного сотрудника о конечном результате ОРМ. Полноту их осуществления следователь не в состоянии проверить. Особенно это касается случаев получения отрицательного результата, формулируемого обычно в официальных ответах как «установить/выполнить не представилось возможным» [6, с. 5].

В связи с этим крайне важным фактом является качественная организация взаимодействия между следователем и оперативным работником, осуществляющим сопровождение расследуемого уголовного дела. По мнению М. С. Брижана [7, с. 175], одним из наиболее эффективных способов осуществления подобного взаимодействия, является создание специализированных следственно-оперативных групп (далее – ССОГ), которые бы занимались расследованием преступлений в сфере экономики, совершаемых с использованием ИТТ.

Деятельность ССОГ должна осуществляться с учетом специфики расследуемого преступления. В связи с этим должен тщательно подбираться состав ее участников, исходя из их предполагаемых ролей и круга решаемых задач. В качестве обязательного участника данной группы, по мнению автора, должен привлекаться оперативный сотрудник подразделения «К» и эксперт-криминалист подразделения экспертно-криминалистического центра ГУ/УМВД России по субъекту Российской Федерации. Также, исходя из объема планируемых следственных действий и ОРМ, в состав группы необходимо включать несколько сотрудников подразделений ЭБиПК с четким распределением задач. Следует иметь в виду, что в большинстве своем сотрудники оперативного подразделения, осуществляя сопровождение расследуемого уголовного дела, выступают в качестве «помощников» следователя, выполняя большой объем следственной работы (обыски, выемки, осмотры, розыскные мероприятия и т. д.). В связи с этим необходимо предусмотреть выполнение указанных

функций отдельным оперуполномоченным, распределив непосредственно агентурно-оперативную работу на другого.

Переходя к рассмотрению оперативно-розыскного обеспечения конфискации имущества или денежных средств, полученных преступниками незаконным путем, а также возмещения причиненного ущерба (ст. 104.1–104.3 УК РФ), следует отметить, что данное направление оперативно-розыскного обеспечения является не менее важным, чем то, которое нами было рассмотрено. Для оперативных подразделений ЭБиПК крайне актуальна проблема установления, поиска, обнаружения и оценки похищенных средств, имущественных выгод лица, что характерно для участников организованных преступных групп и организованных преступных сообществ [8, с. 43].

Как показывает практика, рассматриваемые нами преступления совершаются по большей части в интернет-пространстве, с использованием электронных средств платежей и криптовалюты. Все это в совокупности с достаточно высокой степенью подготовленности и технической оснащенности преступников способствует «запуску» ими следов производимых расчетов путем использования многократных транзакций, вывода средств в оффшоры или иностранные банки и иные финансовые организации. Как справедливо отмечает Н. В. Тугаринов [9, с. 109], в ходе проведения ОРМ по установлению имущества, подлежащего конфискации, часто встречаются очевидные проблемы, связанные со сложностью установления истинного владельца имущества, например, когда недвижимость официально принадлежит третьим лицам, либо не удастся обнаружить данное имущество, так как в схеме совершения преступления обналачивание осуществляется с использованием виртуальных денежных средств, либо не удастся доказать, что имущество получено фигурантом в результате совершения им преступления (является доходом от этого имущества) и др.

В какой-то степени решением данной проблемы может являться улучшение организации внутриведомственного взаимодействия. В частности, следует отметить необходимость налаживания оперативных контактов с подразделениями Интерпола, поскольку в ряде случаев экономические преступления, совершаемые с использованием ИТТ, могут носить международный характер. Кроме того, достаточно часто для их совершения используются иностранные интернет-ресурсы, серверы, находящиеся за пределами России, оффшорные организации, через которые производится легализация похищенных денежных средств, и т. д. Все это подлежит установлению в рамках расследования уголовного дела, в том числе и оперативно-розыскным путем.

В завершение также следует рассмотреть оперативно-розыскной контроль за поведением фигурантов дела с целью выявления фактов противодействия ими предварительному расследованию уголовных дел указанной категории и принятие мер по его пресечению.

Как указывалось ранее, экономические преступления, совершаемые с использованием ИТТ, тщательно планируются и подготавливаются. Если данные преступления совершаются организованной группой, ее руководителями могут предусматриваться различные варианты развития событий, в том числе связанные с выявлением их преступной деятельности и возможным уголовным преследованием. В этом случае фигурантами могут быть заранее подготовлены и спланированы варианты осу-

ществления противодействия органам предварительного расследования, начиная от дачи заведомо ложных показаний и заканчивая оказанием давления на свидетелей преступления, потерпевших и иных участников уголовного процесса. Вместе с тем, как показывает практика, исходя из масштаба и характера осуществляемой преступной деятельности, фигуранты могут иметь различного рода неформальные связи с сотрудниками банковского сектора, различных регистрирующих и правоохранительных органов, формируемые ими как с целью совершения преступлений, так и с целью оказания противодействия процессу расследования.

Все эти факты должны быть выявлены и проверены в ходе оперативного сопровождения уголовного дела с целью установления сотрудниками ЭБиПК возможных путей и способов оказания противодействия расследованию преступлений. По мнению автора, указанные мероприятия должны включать в себя:

- разработку и осуществление оперативно-розыскных и иных мероприятий, направленных на обеспечение безопасности участников уголовного процесса (как на стадии предварительного расследования, так и во время судебного рассмотрения уголовных дел указанной категории), а также должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, принимающих участие в производстве предварительного расследования уголовных дел рассматриваемой категории;

- принятие законных мер, затрудняющих или исключающих присутствие лиц из числа криминальных связей подсудимых на судебном заседании (применение мер административно-правового воздействия, выдворение их судебными приставами из зала суда за допущенные правонарушения, заранее спланированный вызов в ОВД или другие правоохранительные органы и т. п.);

- подготовку и инструктаж членов оперативных групп и других сил ОВД, призванных обеспечить безопасность участников уголовного процесса в ходе судебного рассмотрения соответствующих уголовных дел;

- установление оперативным путем намерений фигуранта скрыться от органов предварительного следствия или суда и разработку комплекса следственно-оперативных мероприятий, направленных на недопущение этого;

- установление оперативным путем иных фактов противодействия расследованию (уничтожение доказательств, оказание давления на свидетелей, поиск «выходов» на сотрудников, причастных к процессу расследования уголовного дела, подготовка совершения в связи с этим коррупционных преступлений и т. д.) и их предотвращение.

Таким образом, подводя итог, следует еще раз отметить тот факт, что без полноценного и качественного оперативного сопровождения процедуры расследования экономических преступлений, совершаемых с использованием ИТТ, крайне сложно (а в ряде случаев фактически невозможно) установить все обстоятельства, подлежащие доказыванию, и обеспечить привлечение виновных лиц к уголовной ответственности.

Исходя из специфики рассматриваемой категории преступлений, в качестве мер, направленных на повышение эффективности организации оперативно-розыскного обеспечения, предлагаем следующие:

1. Обязательное осуществление инициативного (но при этом согласованного с непосредственным начальником и следователем) поиска оперативно значимой ин-

формации о ранее неизвестных фактах преступной деятельности фигуранта по тактической схеме «от лица – к преступлению», поскольку рассматриваемая категория преступлений носит, как правило, многоэпизодный характер.

2. Создание и обеспечение функционирования ССОГ с четким распределением ролей и задач сотрудников, принимающих участие в их деятельности. Обязательное включение в состав данных групп лиц, обладающих специальными познаниями в сфере информационных и компьютерных технологий (сотрудник подразделения «К» и эксперт-криминалист подразделения экспертно-криминалистического центра ГУ/УМВД России по субъекту Российской Федерации).

3. Организация необходимого внутриведомственного взаимодействия и налаживание оперативных контактов с подразделениями Интерпола, поскольку в ряде случаев экономические преступления, совершаемые с использованием ИТТ, носят международный характер.

4. Установление посредством проведения необходимых ОРМ возможных путей и способов оказания противодействия расследованию рассматриваемой категории преступлений и принятие необходимых оперативно-следственных мер, направленных на их недопущение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванов П. И., Кустов А. М. Оперативно-розыскное сопровождение экономических и коррупционных преступлений в сфере закупок для нужд оборонно-промышленного комплекса и судебного разбирательства (вопросы организации и тактики) // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 1 (53). С. 125–135.
2. Чиненов Е. В., Щукин В. И., Скоморохов О. Н. Оперативно-розыскное сопровождение и раскрытие преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 2. С. 307–312.
3. Климов Д. А. Понятие оперативно-розыскного обеспечения расследования преступлений в сфере экономики // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2015. № 2. С. 55–60.
4. Иванов П. И., Кустов А. М. Оперативно-розыскное сопровождение расследования уголовных дел и использование при этом результатов ОРД // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 135–140.
5. Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд (Зарегистрировано в Минюсте России 05.12.2013 № 30544)». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155629/7b4b74e38f87270ed5f9b8065718f040c30ed687/?ysclid=likc56plo147243400 (дата обращения: 23.01.2023).
6. Ильин И. С. Отдельные аспекты организации оперативно-розыскного сопровождения в стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства // *Apriori*. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 3. С. 1–8.
7. Брижан М. С. К вопросу о современном состоянии противодействия экономическим преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных и цифровых технологий // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия : сб. материалов IX Международ. науч.-практ. конф. Пермь, 2022. С. 173–176.

8. Криминальная среда (оперативно-розыскной аспект) : моногр. / О. Б. Абакумов, Д. Ю. Балацкий, А. В. Богданов [и др.] ; [под ред. Б. П. Михайлова]. Хабаровск, 2017. 289 с.
9. Тугаринов Н. В. Повышение эффективности оперативно-розыскного обеспечения установления имущества, подлежащего конфискации // *NovaUm.Ru*. 2018. № 14. С. 108–111.

REFERENCES

1. Ivanov P.I., Kustov A.M. Operational and investigative support of economic and corruption crimes in the sphere of procurement for the needs of the military-industrial complex and judicial proceedings (questions of organization and tactics). *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2020, no. 1 (53), pp. 125–135. (In Russ.).
2. Chinenov E.V., Shhukin V. I., Skomorohov O. N. Operational search support for the detection and investigation of economic crimes committed on railway transport. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = The Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 2, pp. 307–312. (In Russ.).
3. Klimov D.A. The concept of investigative ensure the investigation of crimes in sphere of economy. *Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus' = Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus*, 2015, no. 2, pp. 55–60. (In Russ.).
4. Ivanov P.I., Kustov A.M. Investigation of criminal cases with the help of police intelligence, detection and search: organizational and tactical aspects. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 4 (40), pp. 135–140. (In Russ.).
5. *Prikaz MVD Rossii No. 776, Minoborony Rossii No. 703, FSB Rossii No. 509, FSO Rossii No. 507, FTS Rossii No. 1820, SVR Rossii No. 42, FSIN Rossii No. 535, FSKN Rossii No. 398, SK Rossii No. 68 ot 27.09.2013 "Ob utverzhdenii Instruksii o poryadke predstavleniya rezul'tatov operativno-rozysknoi deyatel'nosti organu doznaniya, sledovatelyu ili v sud (Zaregistrirvano v Minyuste Rossii 05.12.2013 No. 30544)"* [Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 776, Ministry of Defense of Russia No. 703, FSB of Russia No. 509, FSO of Russia No. 507, FCS of Russia No. 1820, SVR of Russia No. 42, FSIN of Russia No. 535, Federal Drug Control Service of Russia No. 398, IC of Russia No. 68 of September 27, 2013 "On approval of Instructions on the Procedure for submitting results law enforcement intelligence operations to the inquirer, investigator or court (Registered with the Ministry of Justice of Russia No. 30544 of December 5, 2013)]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155629/7b4b74e38f87270ed5f9b8065718f040c30ed687/?ysclid=likc56plo147243400 (accessed January 23, 2023).
6. Il'in I.S. Some aspects of the organization of operational search support at the stages of preliminary investigation and trial. *Apriori. Seriya: Gumanitarnye nauki = Apriori. Series: Humanities*, 2015, no. 3, pp. 1–8. (In Russ.).
7. Brizhan M.S. On the issue of the current state of countering economic crimes committed using information, communication and digital technologies. In: *Penitentsiarnaya sistema i obshchestvo: opyt vzaimodeistviya: sb. materialov 9 Mezhdunarod. nauch.-prakt. konf.* [The penitentiary system and society: experience of interaction: collection of materials of the 9th International scientific-practical conference]. Perm, 2022. Pp. 173–176. (In Russ.).
8. Abakumov O.B., Balatskii D.Yu., Bogdanov A.V. *Kriminal'naya sreda (operativno-rozysknoi aspekt): monogr.* [Criminal environment (operational-investigative aspect): monograph]. Ed. by Mikhailov B.P. Khabarovsk, 2017. 289 p.
9. Tugarinov N.V. Improving the efficiency of operational search support for the establishment of property subject to certification. *NovaUm.Ru*, 2018, no. 14, pp. 108–111. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЮРИЙ АНДРЕЕВИЧ ЛОЖКИН – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Пермского института ФСИН России, Пермь, Россия, fragment84@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3728-0619>

YURI A. LOZHKIN – Senior Lecturer at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service, Perm, Russia, fragment84@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3728-0619>

Статья поступила 07.11.2022

Научная статья

УДК 343.13

doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.014

К вопросу о правовых и организационно-тактических особенностях получения и проверки явки с повинной, поступающей в исправительные учреждения территориальных органов ФСИН России

РОМАН МИХАЙЛОВИЧ МОРОЗОВ

Северо-Западный институт (филиал) Университета имени
О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда,
Россия

morozur@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5298-8941>

Аннотация. В статье рассматриваются правовые и организационно-тактические аспекты получения и проверки явки с повинной от осужденных в исправительных учреждениях территориальных органов ФСИН России. Дано описание уголовно-процессуальных полномочий сотрудников территориальных органов ФСИН России на стадии проверки сообщения о преступлении, перечислены причины ошибок, которые допускают сотрудники при реализации отдельных уголовно-процессуальных полномочий. Также в работе указаны правовые последствия для осужденного, подавшего явку с повинной: назначение наказания, условия подачи явки с повинной (когда она засчитывается), кроме того, обозначено требование добровольности ее подачи. Автор определяет и раскрывает отдельные этапы принятия и рассмотрения явки с повинной, дает тактико-криминалистические и уголовно-процессуальные рекомендации по принятию и рассмотрению обращений в рамках имеющихся полномочий должностных лиц ФСИН России.

Ключевые слова: явка с повинной; осужденные; исправительные учреждения; уголовно-процессуальные полномочия; оперативные сотрудники.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Морозов Р. М. К вопросу о правовых и организационно-тактических особенностях получения и проверки явки с повинной, поступающей в исправительные учреждения территориальных органов ФСИН России // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 2 (22). С. 127–136. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.014.

On the Issue of Legal and Organizational and Tactical Features of Obtaining and Verifying a Surrender from Convicts in Correctional Institutions of the Federal Penitentiary Service

ROMAN M. MOROZOV

North-Western Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State University
(MSAL), Vologda, Russia

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary
Service, Vologda, Russia

morozur@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5298-8941>

Abstract. The article discusses legal and organizational and tactical aspects of obtaining and verifying a surrender from convicts in correctional institutions of the Federal Penitentiary Service. It describes criminal procedural powers of employees of the territorial bodies of the Federal Penitentiary Service at the stage of checking the crime report and reasons for the mistakes that employees make when executing certain criminal procedural powers. The paper also indicates legal consequences for a convicted person who has submitted a surrender: purpose of punishment, conditions for submitting a surrender (when it is taken into account), its voluntary submission. The author defines and reveals individual stages of acceptance and consideration of a surrender, gives tactical forensic and criminal procedural recommendations for the acceptance and consideration of appeals within the existing powers of officials of the Federal Penitentiary Service.

Keywords: surrender; convicts; correctional institutions; criminal procedural powers; operational staff.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Morozov R.M. On the issue of legal and organizational-tactical features of obtaining and verifying a confession entering correctional institutions of Territorial Bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 2 (22), pp. 127–136. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.014.

К уголовно-процессуальным полномочиям сотрудников оперативных подразделений исправительных учреждений (ИУ) территориальных органов ФСИН России, которые являются органом дознания (п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ), относится проверка сообщений о преступлениях (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Отметим, что непосредственную проверку сообщений о преступлениях осуществляют оперуполномоченные ИУ территориальных органов ФСИН России (сотрудники органа дознания), а руководит данной деятельностью и осуществляет ведомственный контроль начальник исправительного учреждения (начальник органа дознания). Стоит указать, что выносить итоговые решения о возбуждении уголовного дела и об отказе в возбуждении уголовного дела оперуполномоченные ИУ не вправе по ряду обстоятельств, к ним относятся: отсутствие предметной подследственности и наличия штатных подразделений дознания в ИУ территориальных органов ФСИН России, а также норм, закрепляющих реализацию отдельных процессуальных полномочий (например, как указано в ч. 1 и

ч. 2 п. 5 ст. 157 УПК РФ). Подробнее вышеуказанные ограничения процессуальных полномочий сотрудников ИУ территориальных органов ФСИН России описывает указание Генерального прокурора Российской Федерации от 25.10.2013 № 456/69 «Об усилении прокурорского надзора за процессуальной деятельностью учреждений и органов уголовно-исполнительной системы». В целом выполнение указаний Генерального прокурора Российской Федерации по вопросам дознания, не требующим законодательного регулирования, является обязательным для исполнения в соответствии с ч. 2 ст. 30 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [1]. Надзор за процессуальной деятельностью территориальных органов дознания в ИУ (перечень ИУ определен ст. 74 УИК РФ) осуществляют как прокуратуры по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях, так и иные специализированные и территориальные прокуратуры [2].

Также стоит понимать, что у сотрудников оперативных подразделений исправительных учреждений территориальных органов ФСИН России процессуальная деятельность является факультативной по отношению к оперативно-розыскной, в связи с этим качество первой по отношению ко второй может выполняться с какими-либо недостатками. Как правило, нарушения, допускаемые при получении явок с повинной оперативными сотрудниками ИУ территориальных органов ФСИН России, связаны со следующими обстоятельствами (причинами):

1) сотрудники привлекаются на небольшой временной отрезок к уголовно-процессуальной деятельности и не всегда знают особенности норм законодательства, регламентирующие порядок осуществления доказывания (привлекаются для доследственной проверки поступающих заявлений и сообщений о преступлениях, а также выполнения отдельных поручений), указанное усугубляется некомплектom оперуполномоченных;

2) желанием недобросовестных сотрудников с помощью деструктивных методов повысить показатели своей профессиональной деятельности (может быть выражено в угрозе или применении сотрудниками физической силы, спецсредств, подкупа, шантажа);

3) нежеланием некоторых сотрудников оперативных подразделений ИУ территориальных органов ФСИН России осуществлять сбор материалов о преступлении уголовно-процессуальными средствами, их уверенностью в позиции, что лучшее доказательство – это признание вины (явка с повинной).

Отметим, что в соответствии с ч. 1 ст. 84 УИК РФ одной из задач оперативно-розыскной деятельности в ИУ является предупреждение и раскрытие готовящихся и совершаемых в исправительном учреждении преступлений, а также содействие в выявлении и раскрытии преступлений, совершенных осужденными до прибытия в исправительное учреждение. Таким образом, на оперативные подразделения ИУ территориальных органов ФСИН России ложится совокупность обязанностей по выявлению и проверке сообщений о преступлениях.

Одним из поводов возбуждения уголовного дела, указанных в п. 2 ч. 1 ст. 140 УПК РФ, выступает явка с повинной. Реализацию указанного повода определяет факт добровольности сообщения лицом сведений о совершенных им преступлениях как самостоятельно, так и в группе лиц. Мотивацией к сообщению сведений о совершенных преступлениях на территории ИУ или преступлений, совершенных

до поступления в ИУ, выступает ряд факторов. Первый фактор – это п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, где явка с повинной определена как обстоятельство, смягчающее наказание. Также ч. 1 ст. 62 УК РФ определено, что срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ. То есть, в первом случае осужденный желает снизить уровень наказания за совершенное преступление. Вторым фактором дачи явки с повинной в ИУ может выступать смена обстановки (этапирование в другое учреждение); подавленное настроение; желание встретиться с родными после этапирования в СИЗО; получение или перспектива получения денежных средств за преступление, которое осужденный не совершал; давление со стороны других лиц, совершивших преступление (взятие вины на себя); попытка исключить квалификацию преступления, совершенную группой лиц, и др.

Стоит акцентировать внимание, что явка с повинной может быть принята и учтена в ИУ территориальных органов ФСИН России как смягчающее обстоятельство при назначении наказания в следующих случаях: если о совершенном преступлении не было известно правоохранным органам (уголовное дело не возбуждено), о преступлении было известно правоохранным органам, однако персонализация лица, его совершившего, установлена не была (уголовное дело возбуждено в отношении неустановленного лица/лиц).

Особое внимание уделяется добровольности явки с повинной. Она не учитывается, если сотрудниками задержан осужденный за совершение конкретного преступления, о котором стало известно сотрудникам правоохранных органов. Явка с повинной не зачитывается как смягчающее обстоятельство, если субъект, ее подавший, отказался от нее в ходе предварительного расследования или в судебном заседании [3].

Далее стоит остановиться на отдельных проблемных этапах деятельности сотрудников ИУ территориальных органов ФСИН России по принятию и проверки явок с повинной.

Этап принятия явки с повинной. Первое, на что еще раз следует обратить внимание, это добровольность дачи явки с повинной осужденным. Необходимо понимать, что оперуполномоченным ИУ территориальных органов ФСИН России недопустимы угрозы или применение какого-либо насилия, подкупа, шантажа и т. д. Отметим, что явка с повинной может быть подготовлена осужденным как собственноручно в письменном виде (в основном это эпизодические случаи), так и занесена в протокол явки с повинной. Во втором случае составляется протокол явки с повинной. В условиях ИУ наиболее характерно составление протокола явки с повинной. Это объясняется тем, что зачастую осужденные не указывают ряд обстоятельств, таких как дата, время, место совершения преступления, порядок произошедших событий и их участников, свое состояние в период произошедших событий и т. д. Полагаем, что беседа должна предшествовать получению явки, это исключает составление процессуального документа с минимальной информативностью, позволяет структурировать сообщаемые данные, установить интеллектуальный уровень, на котором комфортно вести общение. Особое внимание в ходе беседы стоит обратить сотрудникам УИС на данные о времени совершения преступления, так как

в соответствии со ст. 78 УК РФ большинство составов преступления имеют сроки давности. Немаловажным также будет вопрос о действиях лица по уклонению от органов предварительного расследования.

Как показывают исследования по данной тематике, оперуполномоченные УИС при получении явок с повинной «в 53 % случаев ограничиваются описанием деяния со слов лица, дающего явку, в 36 % после беседы с заявителем излагают явку своими словами, в 11 % фиксируют явку с повинной в рамках полноценного допроса» [4, с. 247–248].

Стоит согласиться с Д. Ю. Волковым, что в протоколе явки с повинной должны быть раскрыты все элементы состава преступления. Изложенный в протоколе состав преступления позволяет исключить попытки осужденного трактовать свои действия как необходимую оборону или ее превышение и т. д. [4, с. 249].

Как показывают материалы интервьюирования трех оперуполномоченных оперативных подразделений территориальных органов ФСИН России в Вологодской области в 2022 г., после составления протокола необходимо прочитать его текст осужденному, после чего на каждом листе осужденный должен поставить подпись, в том числе после фразы «С моих слов записано верно, без давления со стороны администрации. Мною (мне) прочитано». Далее указанное обращение осужденного (явка с повинной) передается дежурному помощнику начальника колонии для осуществления регистрации в книгу учета заявлений и сообщений о преступлениях, после этого осужденному выдается талон-уведомление, корешок талона уведомления остается в дежурной части учреждения [5]. На данный период времени в ведомственном приказе Минюста России от 11.07.2006 № 250 в приложении № 1 упоминается, что протокол явки с повинной составляется в соответствии с ст. 476 УПК РФ, однако данная статья на сегодняшний день утратила силу. В свою очередь, в приказе № 250 нет бланка соответствующего протокола. Указанное обстоятельство обуславливает необходимость внесения изменений в рассматриваемый приказ с последующим размещением в приложении к нему протокола явки с повинной.

Проверка явки с повинной уголовно-процессуальными средствами в ИУ территориальных органов ФСИН России оперуполномоченными ограничена. Так, указанные лица в соответствии ч. 1 ст. 144 УПК РФ с учетом специфики ИУ вправе: получить объяснения, произвести осмотр места происшествия, осуществить освидетельствование, назначить судебную экспертизу.

Рассмотрим особенности перечисленных нами процессуальных действий, осуществляемых оперуполномоченными при проведении проверки.

Получение объяснений. При получении объяснений необходимо внимательно изучить протокол явки с повинной, сформулировать по нему вопросы. Особое внимание стоит обратить на следующие аспекты: какие действия осуществляло лицо, подавшее явку с повинной, в какой последовательности, кто наблюдал или мог наблюдать осуществляемые данным лицом действия, какие события предшествовали преступлению, были ли подготовительные действия, как действовало лицо после реализации преступных действий, а также что подвигло лицо дать явку с повинной. Если преступление имело место в период отбывания наказания, то необходимо получить объяснения, от лиц, которые участвовали в совершении преступления или его наблюдали. Тактические приемы, которые целесообразно использовать при

получении объяснений, тождественны приемам, получаемым при производстве допроса [6, с. 51–69]. Важным при получении объяснения является формирование чувства безопасности, доверия, а также стимулирование дачи правдивых показаний. Акцентирую внимание на том, что если в явке с повинной какие-то факты были упущены, то они должны быть восстановлены на этапе получения объяснений. Это еще обусловлено и тем, что допрос осужденного будет осуществлять другое процессуально уполномоченное лицо (дознатель / следователь), так как материал для принятия процессуального решения будет направлен по подследственности. В целом объяснения должны максимально полно по содержательной составляющей описывать произошедшее событие.

Осмотр места происшествия. При производстве осмотра в ИУ территориальных органов ФСИН России по фактам поступления явки на территории ИУ целесообразно провести его в местах совершения противоправных действий, данные о которых должны отображаться как в протоколе явки с повинной, так и в полученных объяснениях. Такими местами, как правило, выступают жилые и производственные помещения. При производстве осмотра места происшествия необходимо удалить осужденных, в ходе производства целесообразно уделить внимание микроследам, которые трудно обнаружить и уничтожить. Отметим, что ряд ведомственных нормативных актов ФСИН России предусматривает после установления факта происшествия или преступления незамедлительное проведение режимных мероприятий (досмотр, обыск и т. д.) [7], в связи с чем к моменту выдвижения сотрудника, производящего доследственную проверку, ряд следов могут быть изъяты непроцессуальным способом (например, оружие преступления, одежда и т. д.) или уничтожены в ходе проведения режимных мероприятий. Особое внимание в учреждениях УИС уделяется следующей группе микроследов: следы крови (капли, брызги), микрочастицы ткани, следы применения различных предметов, выступающих в качестве орудия преступления, и оставшиеся на них следы. При производстве осмотра необходимо применять криминалистическую фотосъемку, особое внимание стоит уделить узловым и детальным снимкам. При осуществлении осмотра в качестве понятых допустимо привлекать лиц, прибывших на длительные свидания. В случае невозможности привлечь понятых в соответствии с ч. 3 ст. 170 УПК РФ оперуполномоченный принимает решение, что понятые в следственных действиях не участвуют. В данной ситуации вместо участия понятых применяются технические средства фиксации хода и результатов следственного действия. Проведенное интервьюирование трех оперуполномоченных оперативных подразделений территориальных органов ФСИН России в 2022 г. показало, что ими при производстве осмотра места происшествия не применялись технические средства (аудио-, видеозаписи). В связи с этим полагаю, что оперативные сотрудники территориальных органов ФСИН России не всегда имеют должный уровень навыков по использованию технических средств применительно к уголовно-процессуальным действиям, а не оперативно-розыскным мероприятиям. В данной ситуации велика вероятность допущения ошибок оперативным сотрудником ИУ территориального органа ФСИН России, производящим следственное действие, что в дальнейшем приведет к недопустимости полученных доказательств и невозможности их использования в процессе доказывания (ч. 2 п. 3 ст. 75 УПК РФ).

Освидетельствование как следственное действие в ИУ территориальных органах ФСИН России и его производство необходимо в ряде случаев подачи явки с повинной. Например, нужно учитывать, что причинение легкого вреда здоровью ч. 1 ст. 115 УК РФ относится к делам частного обвинения. В силу отсутствия специальных познаний сотрудник УИС самостоятельно не может оценить характер причиненного вреда здоровью и степень его тяжести, поэтому целесообразно во всех случаях проводить указанное следственное действие по фактам причинения вреда здоровью. В качестве специалиста, привлекаемого к следственному действию, выступает медицинский работник (врач), не входящий в состав медицинских и лечебных подразделений ФСИН России. Это обусловлено необходимостью независимости привлекаемого процессуального участника. Освидетельствованию должны быть подвергнуты как осужденный, подавший явку с повинной, так и потерпевшие. При производстве данного следственного действия необходимо учитывать следующее: до его производства целесообразно получить объяснение лица о том, как, когда, чем были нанесены повреждения, порядок их нанесения и их локализацию.

Судебная экспертиза. Производство данного действия занимает значительное время. Кроме того, предметы для исследования в ИУ территориальных органов ФСИН России отсутствуют (если преступление произошло вне ИУ), поэтому в качестве основного объекта исследования может выступать сам осужденный. Особое внимание должно уделяться изучению личности осужденного, при этом реализация, например, судебно-психиатрической экспертизы крайне затруднительна в силу сроков ее производства. В связи с этим производство указанного следственного действия сотрудниками ФСИН России в рамках имеющихся полномочий нецелесообразно. Возможно ограничиться привлечением специалистов из числа сотрудников ИУ и получения от них объяснений: психиатра – для получения данных об имеющихся у осужденного заболеваниях, психолога – для получения данных о результатах исследования личности осужденного.

Подводя итоги, стоит сделать следующие выводы:

1. При получении явки с повинной сотрудникам необходимо помнить принцип добровольности ее подачи. Недопустимо какое-либо незаконное воздействие на осужденного с целью получения явки с повинной.

2. Явка с повинной может быть составлена собственноручно, или может быть составлен протокол явки с повинной (составляется, если подается в устном порядке). Подаче явки с повинной в учреждении УИС должна предшествовать беседа с сотрудником, в ходе которой целесообразно раскрыть элементы состава преступления. При составлении протокола явки с повинной в учреждениях УИС внимание осужденного необходимо акцентировать на описании событий, произошедших с лицом: время, место, участники, порядок происходивших событий. После составления протокола явки с повинной обязательным является проставление подписи лица, подавшего явку с повинной, на каждой странице, в том числе несколько раз на последней странице, и внесение фразы в конце протокола «С моих слов записано верно, без давления со стороны администрации. Мною (мне) прочитано». После получения явки с повинной осуществляется ее регистрация, осужденному выдается талон-уведомление. В качестве совершенствования ведомственного нормативно-правового акта полагаем необходимым внести изменения в приказ Минюста Рос-

сии от 11.07.2006 № 250 (ред. от 15.08.2016) «Об утверждении Инструкции о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы сообщений о преступлениях и происшествиях», дополнив его приложением протокола явки с повинной.

3. При проверке явки с повинной сотрудник имеет ограниченный набор процессуальных действий, таких как получение объяснений, осмотр места происшествия, освидетельствование. Осуществляя проверку явки с повинной, оперуполномоченный должен уделить внимание получению объяснений. При производстве указанного процессуального действия необходимо установить контакт с осужденным, использовать набор тактических приемов по стимулированию дачи объяснений. При получении объяснений стоит обратить внимание на детали произошедшего события (время, участники, последовательность действия лиц / лица, локализация следов). Также целесообразно соотнести данные, полученные в явке с повинной, если каких-либо данных не хватает, стоит их восполнить путем получения объяснений. Проводя осмотр места происшествия в ИУ территориальных органов ФСИН России, необходимо остановиться на микроследах, оставляемых при совершении преступления, так как часть следов изымается / уничтожается в процессе производства режимных мероприятий. При осуществлении освидетельствования, в особенности в случаях причинения вреда здоровью в ИУ, важно привлечь медицинского работника (врача), не входящего в штат сотрудников ФСИН России, для объективности следственного действия. В качестве субъектов освидетельствования должны выступать как лицо, подавшее явку с повинной, так и потенциальный потерпевший.

4. Для более эффективной проверки явки с повинной имеется необходимость разрешить вопрос о разработке и внедрении курсов повышения квалификации сотрудников – оперуполномоченных ИУ территориальных органов ФСИН России по применению технических средств при производстве отдельных процессуальных действий. Данный курс включал бы в себя как процессуальные, так и тактико-криминалистические аспекты применения технических средств (аудио-, видеозаписи).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/?ysclid=liik76fj4t535992922 (дата обращения: 20.06.2022).
2. Приказ Генпрокуратуры России от 07.05.2008 № 84 (ред. от 28.02.2023) «О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_79085/?ysclid=liikjupz62320602823 (дата обращения: 10.05.2023).
3. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 2.
4. Волков Д. Ю. Получение явки с повинной сотрудниками территориальных оперативных подразделений ФСИН России по преступлениям, совершаемым осужденными до прибытия в исправительные учреждения // Пенитенциарная наука. 2020. Т. 14, № 2 (50). С. 244–250.
5. Приказ Минюста России от 11.07.2006 № 250 (ред. от 15.08.2016) «Об утверждении Инструкции о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах Уголовно-исполнительной системы сообщений о преступлениях и происшествиях» (Заре-

гистрировано в Минюсте России 27.07.2006 № 8113). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61959/2a6279b02f6010bbec0447351431bbe6d0632a6d/?ysclid=liikf6dkv8326618827 (дата обращения: 01.05.2022).

6. Особенности допроса в условиях исправительных учреждений ФСИН России : учеб. пособие / под ред. Р. М. Морозова. Вологда, 2021. 76 с.

7. Приказ Минюста России от 04.07.2022 № 110 (ред. от 03.04.2023) «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» (Зарегистрировано в Минюсте России 05.07.2022 № 69157). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421232/?ysclid=liikabujey871331249 (дата обращения: 06.08.2022).

REFERENCES

1. *Federal'nyj zakon ot 17.01.1992 No. 2202-1 «O prokurature Rossiiskoi Federatsii»* [Federal Law No. 2202-1 of January 17, 1992 «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation»]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/?ysclid=liik76fj4t535992922 (accessed June 20, 2022).

2. *Prikaz Genprokuratury Rossii ot 07.05.2008 No. 84 (red. ot 28.02.2023) «Orazgranichenii kompetentsii prokurorov territorial'nykh, voen'nykh i drugikh spetsializirovannykh prokuratur»* [Order of the Prosecutor General's Office of Russia] dated 05/07/2008 No. 84 (as amended of February 28, 2023) «On delineating the competence of prosecutors of territorial, military and other specialized prosecutor's offices». Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_79085/?ysclid=liikjupz62320602823 (accessed May 10, 2023).

3. On the practice of assigning criminal punishment by the courts of the Russian Federation: resolution of the Plenum of the Upper Echelons. The court grew. Federation No. 58 of December 22, 2015 (as amended of December 18, 2018). In: *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation]. 2016. No. 2. (In Russ.).

4. Volkov D.Yu. Obtaining confession by employees of territorial operational units of the Federal Penal Service of Russia for crimes committed by convicts prior to arrival in correctional facilities *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2020, vol. 14, no. 2 (50), pp. 244–250. (In Russ.).

5. *Prikaz Minyusta Rossii ot 11.07.2006 No. 250 (red. ot 15.08.2016) «Ob utverzhdenii Instruksii o prieme, registratsii i proverke v uchrezhdeniyakh i organakh Ugolovno-ispolnitel'noi sistemy soobshchenii o prestupleniyakh i proisshestviyakh»* (Zaregistrirovano v Minyuste Rossii 27.07.2006 No. 8113) [Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 250 of July 11, 2006 (as amended of August 15, 2016) «On approval of the Instructions on reception, registration and verification in institutions and bodies of the penal system of reports on crimes and incidents» (Registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 8,113 of July 27, 2006)]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61959/2a6279b02f6010bbec0447351431bbe6d0632a6d/?ysclid=liikf6dkv8326618827 (accessed May 1, 2022).

6. *Osobennosti doprosa v usloviyakh ispravitel'nykh uchrezhdenii FSIN Rossii: ucheb. posobie* [Features of interrogation in correctional facilities of the Federal Penitentiary Service of Russia: learning manual]. Ed. by Morozov R.M. Vologda, 2021. 76 p.

7. *Prikaz Minyusta Rossii ot 04.07.2022 No. 110 (red. ot 03.04.2023) «Ob utverzhdenii Pravil vnutrennego rasporyadka sledstvennykh izolyatorov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy, Pravil vnutrennego rasporyadka ispravitel'nykh uchrezhdenii i Pravil vnutrennego rasporyadka ispravitel'nykh tsentrov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy»* (Zaregistrirovano v Minyuste Rossii 05.07.2022 No. 69157) [Order of the Ministry of Justice of the Russian

Federation No. 110 of July 4, 2022 (as amended of April 3, 2023) «On approval of the Internal regulations of the investigative units of the penal system, the Internal regulations of correctional institutions and the Internal regulations of correctional centers of the penal system» (Registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 69,157 of July 5, 2022)]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421232/?ysclid=liikabujey871331249 (accessed August 6, 2022).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

РОМАН МИХАЙЛОВИЧ МОРОЗОВ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Северо-Западного института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия, доцент кафедры административно-правовых дисциплин факультета психологии и права Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, morozur@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5298-8941>

ROMAN M. MOROZOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the North-Western Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State University (MSAL), Vologda, Russia, associate professor at the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Faculty of Psychology and Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, morozur@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5298-8941>

Статья поступила 29.01.2023

Научная статья

УДК 343.3

doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.015

Соотношение понятия «экстремизм» в международном и российском праве

НАДЕЖДА ВАСИЛЬЕВНА МРВИЧ

Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия, nada-mrvich@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9864-3244>

МАРАТ ТРИСТАНОВИЧ ШУЛЕПОВ

Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия, marat.shulepovbo11-1@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-5439-8765>

Аннотация. В данной статье рассмотрены вопросы, возникающие при изучении и анализе законодательных материалов антиэкстремистской направленности международного права и права Российской Федерации. Выявляются и исследуются критерии разграничения понятия «экстремизм», включенные в федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» и международные договоры, регулирующие борьбу с экстремистской деятельностью. Рассмотрены и раскрыты особенности законодательства Российской Федерации в части противодействия экстремизму в отношении норм международного права.

Ключевые слова: экстремизм; экстремистские материалы; международное право; российское право.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Мрвич Н. В., Шулепов М. Т. Соотношение понятия «экстремизм» в международном и российском праве // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 2 (22). С. 137–145. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.015.

Original article

Correlation of the Concept “Extremism” in International and Russian Law

NADEZHDA V. MRVICH

North-Western Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State University (MSAL), Vologda, Russia, nada-mrvich@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9864-3244>

MARAT T. SHULEPOV

North-Western Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State University (MSAL), Vologda, Russia, marat.shulepovbo11-1@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-5439-8765>

Abstract. This article discusses the issues arisen when studying legislative materials of the anti-extremist orientation of international and domestic law. The criteria for distinguishing the concept “extremism” included in the federal law “On countering extremist activity” and international treaties regulating the fight against extremist activity are identified and studied. The specifics of the Russian legislation in terms of countering extremism in relation to the norms of international law are considered and disclosed.

Key words: extremism; extremist materials; international law; Russian law.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Mrvich N.V., Shulepov M.T. Correlation of the concept “extremism” in international and Russian law. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 2 (22), pp. 137–145. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.015.

Одной из особенностей функционирования как мирового сообщества, так и общественно-правовой жизни отдельных стран является деятельность многочисленных партий, организаций и движений, а также членов общества. К сожалению, иногда она носит ярко выраженный идеологический характер, что в результате приводит к множеству социальных конфликтов, а также угрожает целостности общества и государства. Одним из видов подобной деятельности является экстремизм. Основными его составляющими являются нетерпимость, национализм и ксенофобия. Преступления, связанные с экстремизмом, затрагивают религиозную, политическую, социальную и даже спортивную сферы нашей жизни.

Опасность действий, связанных с проявлением какой-либо нетерпимости, особенно очевидна для многонациональных стран: России, США и большинства европейских государств. Вопрос такого масштаба не может быть решен в рамках законодательства отдельных стран, поэтому проблеме экстремизма посвящены и акты международного права. Международное правовое сотрудничество необходимо, чтобы не допустить эскалации идей, носящих экстремистский характер. Эта проблема стала довольно часто упоминаться в современных СМИ многих стран мира, межправительственных дискуссиях, судебных спорах и уголовных процессах. В настоящее время наблюдается рост числа правонарушений подобного рода. Например, количество экстремистских преступлений в России за период с 2019 по 2022 г. увеличилось на 31,7 % [1].

В юридической практике судов и органов власти очень важно отличать проявления экстремизма от любого другого негативного общественного поведения. Они представляют большую опасность как для гражданина, так и для общества не только по самой своей сущности, но и по сложности разграничения их от иных правонарушений. Для эффективной работы по противодействию экстремизму необходимо сопоставить эти понятия в международном праве и в российском уголовном праве, а также выяснить, какие действия могут быть расценены как экстремистские только

в России, а какие могут быть признаны таковыми согласно нормам международного права.

Прежде чем дать характеристику российским концепциям экстремистских действий, необходимо рассмотреть позиции международных организаций и получить международно-правовое определение.

В соответствии с п. 3 Резолюции Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 1344 экстремизм – это форма политической деятельности, которая открыто или завуалированно отвергает принципы парламентской демократии и основывает свою идеологию, политическую практику и поведение на нетерпимости, ксенофобии, антисемитизме и ультра национализме [2].

В Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, подписанной шестью странами, в том числе и Российской Федерацией, экстремизм определяется как деяния, совершаемые в целях захвата и удержания государственной власти, изменения конституционного строя государства, посягательства на общественную безопасность, организация незаконных формирований, в том числе участия в них, при том что действия совершаются с применением насильственных методов [3].

В качестве важной точки зрения следует привести позицию, изложенную в статье ЮНЕСКО «Предотвращение насильственного экстремизма посредством образования: руководство для политиков», в которой говорится, что на международном уровне все еще не существует единого мнения относительно понятия экстремизма как совокупности убеждений и действий, совершаемых с применением насилия, преследующих политические, идеологические и религиозные цели [4, с. 18–19].

Тем не менее понятие экстремизма на международном уровне имеет определенные черты, позволяющие квалифицировать некоторые публичные действия как экстремистские:

1. Эти действия должны быть направлены против демократии и основных прав человека.
2. Их основной целью может быть взятие и удержание под контролем государственной власти.
3. В основе экстремизма лежит ксенофобия, национализм и нетерпимость.
4. Действия лиц, занимающихся подобной деятельностью, всегда связаны с насилием и радикальным поведением.
5. Данные акции, как правило, не направлены на одного конкретного человека, их целью является причинение вреда в первую очередь обществу, определенной социальной группе или государству.

В законодательстве Российской Федерации базовое понятие экстремизма дано в Федеральном законе от 25.07.2002 № 114 «О противодействии экстремистской деятельности» [5]. Согласно этому закону оно охватывает достаточно широкий круг действий:

- 1) насильственное изменение основ конституционного строя и (или) нарушение территориальной целостности Российской Федерации (в том числе отчуждение части территории Российской Федерации), за исключением делимитации, демаркации, редемаркации Государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами;

- 2) публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- 3) возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- 4) пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- 5) нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- 6) воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;
- 7) воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;
- 8) совершение преступлений по мотивам, указанным в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ;
- 9) использование нацистской или похожей на нее атрибутики и символики в целях пропаганды соответствующей идеологии;
- 10) публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;
- 11) публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;
- 12) организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;
- 13) финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.

Как можно понять, перечень действий, подпадающих под определение экстремистской деятельности в Российской Федерации, достаточно широк. Он обладает некоторыми критериями, которые не представлены ни в международном праве, ни в законодательстве большинства европейских стран.

Воспрепятствование реализации гражданами своих избирательных прав входит в список деяний, признанных в Российской Федерации экстремистскими. Включение данного пункта в федеральный закон произошло спустя четыре года после его принятия. Однако еще в указе Президента России от 23.03.1995 [6] утверждалось, что экстремизм опасен срывом последующих выборов путем воспрепятствования свободному волеизъявлению граждан или оказания давления на государственные органы. Также стоит упомянуть, что за подобного рода деяния в России предусмотрено отдельное наказание по ст. 141 УК РФ, но не каждое из них будет признано экстремистским. В указанном пункте федерального закона мы видим, что призна-

ком этих деяний как экстремистских является именно насилие или угроза его применения.

Законодателем не конкретизированы виды прав, которые могут быть нарушены. Следовательно, можно сделать вывод, что любой способ ущемления избирательных прав граждан путем насилия будет признаваться экстремизмом.

Следующей правовой нормой является воспрепятствование деятельности государственных органов с применением насильственных методов. Надлежащее функционирование государственных органов является неотъемлемым элементом деятельности государства, поэтому попытки его пресечения отнесены к числу экстремистских действий. Стоит сказать, что законодатель в данном случае не различает мотивы, по которым было совершено правонарушение. Следовательно, можно сделать вывод, что любое деяние аналогичного характера может быть квалифицировано российским законодательством как экстремизм, что является не совсем верным решением, так как в данном вопросе идеология, мотивы и мировоззрение правонарушителей играют немаловажную роль в квалификации подобных деяний как экстремистских.

В настоящее время в законодательной сфере уделяется большое внимание противодействию таким деяниям, как демонстрация нацистской символики и атрибутики. В Российской Федерации борьба с подобными проявлениями экстремизма началась в 1990-е гг. с подписанием Федерального закона от 19.05.1995 № 80-ФЗ «Об увековечивании Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», провозгласившего борьбу с проявлениями нацизма как одну из обязанностей страны. Более того, с того времени и до 2014 г. демонстрация нацистской символики практически в любом виде была запрещена. Данное положение закона причиняло массу неудобств некоторым религиозным организациям, использовавшим подобную символику без цели пропаганды нацистских идей, и людям, пытавшимся ее демонстрировать лишь с целью осуждения. С тех пор законодательство изменилось, и на данный момент экстремизмом будет считаться использование нацистской символики с целью пропаганды или оправдания нацистской или экстремистской идеологии.

Одно из достаточно противоречивых положений закона гласит, что публичное заведомо ложное обвинение государственного лица в Российской Федерации признается экстремизмом. Важно добавить, что обвинение должно быть связано с преступлениями экстремистского характера. Этот абзац является спорным в связи с тем, что речь идет только о клевете на представителей власти, соответственно простых граждан он не касается. То есть ложное обвинение гражданина не будет признано экстремистским деянием. Следует также отметить, что к экстремистской деятельности могут быть отнесены обвинения этих лиц только при исполнении ими своих служебных обязанностей. Также важно иметь в виду, что обращение гражданина или организации в правоохранительные органы с заявлением о совершении преступления не будет признано публичным и заведомо ложным обвинением.

Очевидно, что организация вышеуказанных действий также относится к экстремистской деятельности. Большое внимание законодатель уделил вопросу ответственности инициаторов массовых мероприятий. Совершение действий экстремистского характера в ходе массовых акций несет в себе повышенную опасность

как в связи с возможной многочисленностью причастных лиц, так и в связи с большим количеством потенциальных жертв. Ведь поведение толпы может увлечь за собой самого разумного и законопослушного человека. Поэтому описываемый закон помимо закрепления общего запрета на экстремистскую деятельность во время массовых мероприятий возлагает на организаторов массовых митингов, демонстраций, пикетов и иных действий ответственность за нарушение порядка во время этих мероприятий. Они обязаны не только предотвращать посягательства экстремистского характера, но и пресекать уже начавшиеся [5]. За нарушение таких обязанностей они будут нести ответственность как за экстремистскую деятельность.

Конкретизируя некоторые действия экстремистской направленности, законодательство Российской Федерации в том же законе дает определение понятия экстремистской организации и экстремистских материалов.

Экстремистская организация – общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых по основаниям, предусмотренным настоящим федеральным законом, судом принято окончательное решение о ликвидации или запрещении деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

Экстремистские материалы – документы или информация на иных носителях, предназначенные для распространения или публичного показа, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие необходимость такой деятельности. Все они включены в федеральный список экстремистских материалов. Международное право не содержит в себе равнозначного определения, поэтому существование этого списка можно назвать достаточно уникальным решением по борьбе с экстремизмом.

Функции этого списка следующие: ограничение доступа в библиотеке к литературе, признанной экстремистской; координация деятельности правоохранительных органов по выявлению фактов массового распространения экстремистских материалов (например, проверки библиотек органами прокуратуры); информирование населения о признании материалов экстремистскими по решению суда [7, с. 27].

Документы, включенные в этот список, не являются полностью запрещенными к рассмотрению, однако для них предусмотрен специальный режим ознакомления. Они не могут быть скопированы, выданы на абонемент и перевезены из одной библиотеки в другую. Единственный способ ознакомиться с этими документами – написать заведующему библиотекой либо получить специальное разрешение. При этом необходимо наличие определенных оснований, в частности проведение исследовательской работы или антиэкстремистских акций [8].

На основе вышеизложенного можно отметить важнейшие различия между понятиями экстремизма в российском и международном праве. В первом значительно расширено понятие экстремизма: добавлен ряд новых деяний, таких как нарушение избирательных прав и ложное обвинение государственного лица в описанных преступных действиях; некоторые действия рассматриваются гораздо шире (например, использование нацистской символики в любых целях, кроме контрпропаганды, тогда когда в международном праве оно может быть запрещено, но не квалифицируется как экстремизм; воспрепятствование деятельности государственных органов по любым мотивам, прямо не связанным с ксенофобией, национализмом и т. п.,

тогда когда международное право всегда связывает эти действия с определенными целями и убеждениями). Кроме того, российское законодательство допускает совершение экстремистских преступлений не только в отношении группы лиц или значительной части граждан, но и в отношении одного человека. В качестве примера можно привести ложное обвинение лица, замещающего государственную должность.

Однако есть также и много общих черт, таких как связь с насилием и различными радикальными движениями, их направленность против прав и свобод человека и демократических ценностей.

В связи с этим предлагается внести в действующее законодательство дефиницию экстремизма как деятельности, удовлетворяющей интересы антиобщественно настроенных социальных групп, сознательно направленной на дестабилизацию общества или государства, совершаемой в форме насилия или распространения информации или информационных материалов, способных возбудить конфликты между представителями определенных конфессий, национальностей и рас, дискредитировать граждан, замещающих государственную должность Российской Федерации или субъекта Российской Федерации.

Помимо этого, необходимо законодательно закрепить мотивы и убеждения лиц, совершающих экстремистские действия, как квалифицирующий фактор экстремистских преступлений. В качестве примера можно привести абз. 6 и 7 ст. 1 федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», в которых не обращается должного внимания на идеологическую составляющую правонарушения, что делает невозможным отграничить их от преступлений с иными побуждениями, например корыстными и т. п.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Показатели преступности России. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 09.03.2023).
2. Резолюция 1344 (2003) «Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе» // Совет Европы : сайт. URL: https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/%5Brussian_documents%5D/%5B2003%5D/%5BSept_2003%5D/Res%201344%20Rus.asp (дата обращения: 09.03.2023).
3. Шанхайская конвенция от 15.06.2001 «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом». URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=10927&ysclid=libh8mcomd24511444> (дата обращения: 09.03.2023).
4. Preventing violent extremism through education : a guide for policy-makers / ed. by Qian Tang. URL: <https://en.unesco.org/sites/default/files/policymakr.pdf> (дата обращения: 09.03.2023).
5. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114 (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/?ysclid=libh4vbk7w868389628 (дата обращения: 09.03.2023).
6. Указ Президента Российской Федерации от 23.03.1995 г. № 310 «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации». URL: www.kremlin.ru/acts/bank/7670 (дата обращения: 09.03.2023).
7. Бодров Н. Ф., Бимбинов А. А., Воронин В. Н. Материалы экстремистского характера, распространяемые в сети Интернет: проблемы судебно-экспертного исследования и вопросы квалификации преступлений : моногр. М., 2020. 160 с.

8. Рекомендации по работе библиотек с документами, включенными в федеральный список экстремистских материалов (утв. Минкультуры России 12.09.2017). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_279962/?ysclid=libg60z5xw277843358 (дата обращения: 09.03.2023).

REFERENCES

1. *Pokazateli prestupnosti Rossii* [Indicators of crime in Russia]. Available at: http://crimestat.ru/offenses_chart (accessed March 9, 2023).
2. Resolution 1344 (2003) "On the threat to democracy from extremist parties and movements in Europe". *Sovet Evropy: sait* [Council of Europe: website]. Available at: https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/%5Brussian_documents%5D/%5B2003%5D/%5BSept_2003%5D/Res%201344%20Rus.asp (accessed March 9, 2023).
3. *Shankhaiskaya konventsia ot 15.06.2001 "O bor'be s terrorizmom, separatizmom i ekstremizmom"* [Shanghai Convention of June 15, 2001 "On combating terrorism, separatism and extremism"]. Available at: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=10927&ysclid=libh8mcomd24511444> (accessed March 9, 2023).
4. *Preventing violent extremism through education: a guide for policy-makers*. Ed. by Qian Tang. Available at: <https://en.unesco.org/sites/default/files/policymakr.pdf> (accessed March 9, 2023).
5. *Federal'nyi zakon "O protivodeistvii ekstremistskoi deyatel'nosti" ot 25.07.2002 No. 114 (poslednyaya redaktsiya)* [Federal Law "On countering extremist activity" No. 114 of July 25, 2002 (latest edition)]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/?ysclid=libh4vbk7w868389628 (accessed March 9, 2023).
6. *Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 23.03.1995 g. No. 310 "O merakh po obespecheniyu soglasovannykh deistvii organov gosudarstvennoi vlasti v bor'be s proyavleniyami fashizma i inykh form politicheskogo ekstremizma v Rossiiskoi Federatsii"* [Decree of the President of the Russian Federation No. 310 of March 23, 1995 "On measures to ensure coordinated actions of state authorities in the fight against manifestations of fascism and other forms of political extremism in the Russian Federation"]. Available at: www.kremlin.ru/acts/bank/7670 (accessed March 9, 2023).
7. Bodrov N.F., Bimbinov A.A., Voronin V.N. *Materialy ekstremistskogo kharaktera, rasprostranyaemye v seti Internet: problemy sudebno-ekspertnogo issledovaniya i voprosy kvalifikatsii prestuplenii: monogr.* [Extremist materials distributed on the Internet: problems of forensic research and issues of crime qualification: monograph]. Moscow, 2020. 160 p.
8. *Rekomendatsii po rabote bibliotek s dokumentami, vklyuchennymi v federal'nyi spisok ekstremistskikh materialov (utv. Minkul'tury Rossii 12.09.2017)*. [Recommendations on the work of libraries with documents included in the federal list of extremist materials (approved by the Ministry of Culture of Russia on September 12, 2017)]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_279962/?ysclid=libg60z5xw277843358 (accessed March 9, 2023).

СВЕДЕНИЕ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

НАДЕЖДА ВАСИЛЬЕВНА МРВИЧ – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин и правовой информатики Северо-Западного института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Рос-

NADEZHDA V. MRVICH – Candidate of Sciences (Philosophy), associate professor at the Department of Social and Humanitarian Disciplines and Legal Informatics of the North-Western Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State University (MSAL), Vologda,

сия, nada-mrvich@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9864-3244>

МАРАТ ТРИСТАНОВИЧ ШУЛЕПОВ – студент 2 курса Северо-Западного института (филиала) Университета имени Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия, marat.shulepovbo11-1@yandex.ru, [https://orcid.org.0009-0006-5439-8765](https://orcid.org/0009-0006-5439-8765)

Russia, nada-mrvich@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9864-3244>

MARAT T. SHULEPOV – 2nd year student of the North-Western Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State University (MSAL), Vologda, Russia, marat.shulepovbo11-1@yandex.ru, <https://orcid.org.0009-0006-5439-8765>

Статья поступила 13.03.2023

Научная статья

УДК 343.7

doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.016

Противодействие преступлениям педофилов

ГЕННАДИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ НАЗАРЕНКО

Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия,
nazarenkogen@gmail.com

Аннотация. Настоящая статья посвящена наиболее сложным проблемам толкования и применения норм уголовного законодательства, направленных на противодействие преступлениям педофилов. В этой связи автором рассмотрены недостатки доктринальной интерпретации соответствующих уголовно-правовых норм, в том числе касающихся юридических и медицинских признаков ограниченно вменяемых педофилов. Показаны трудности, которые вызывает практика применения статей Особенной части и примечания к ст. 131 УК РФ, в которых закреплены признаки насильственных и ненасильственных педофильных преступлений. Сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования норм, касающихся педофилов, и принятия нового постановления Верховного Суда Российской Федерации в целях разъяснения уголовно-правовых предписаний, затрудняющих квалификацию преступлений сексуального характера в отношении малолетних.

Ключевые слова: ограниченно вменяемые педофилы; педофильные преступления; противодействие криминальному поведению педофилов.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Назаренко Г. В. Противодействие преступлениям педофилов // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 2 (22). С. 146–151. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.016.

Original article

Countering Pedophilia

GENNADII V. NAZARENKO

Southwest State University, Kursk, Russia, nazarenkogen@gmail.com

Abstract. This article is devoted to the most difficult problems of interpretation and application of the norms of criminal legislation aimed at countering pedophilia. In this regard, the article studies shortcomings of the doctrinal interpretation of relevant criminal law norms, including those concerning legal and medical signs of partially sane pedophiles. The difficulties caused by the practice of applying articles of the Special Part and the notes to Article 131 of the Criminal Code of the Russian Federation, in which signs of violent and non-violent pedophile crimes are fixed, are shown. The conclusion is made about the need for further improvement of the norms concerning pedophiles and the adoption of a new resolution of the Supreme

Court of the Russian Federation in order to clarify criminal law prescriptions that complicate the qualification of sexual crimes against minors.

Key words: partially sane pedophiles; pedophilia; countering criminal behavior of pedophiles.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Nazarenko G.V. Countering pedophilia. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 2 (22), pp. 146–151. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.016.

С конца XX в. ускоренная динамика социальных процессов в российском обществе сопровождается ростом числа психических расстройств, в том числе среди лиц, признанных судом ограниченно вменяемыми в соответствии со ст. 22 УК РФ. В этой связи в ряде научных исследований отмечается, что в последние годы происходит стремительное увеличение преступлений, совершаемых педофилами. Тем не менее достоверных статистических сведений о распространенности педофильных посягательств в Российской Федерации не существует, а данные, имеющиеся в различных источниках, весьма противоречивы и неоднозначны [1, с. 4].

С полной уверенностью можно лишь утверждать, что преступления, совершаемые педофилами, имеют высокую степень латентности и порождают острую негативную реакцию общества в случае их выявления. Повышенная общественная опасность криминального поведения педофилов заключается в том, что эти лица способны длительное время совершать убийства малолетних с целью скрытия насильственных действий сексуального характера в отношении детей. Так, 29 декабря 2022 г. в г. Орле вынесен приговор подсудимому Ш., проживавшему в поселке Залегощь, который в течение длительного времени совершил серию убийств изнасилованных им девочек и ряд преступлений против половой неприкосновенности детей. Орловский областной суд приговорил виновного к пожизненному лишению свободы. 12 января 2023 г. в Иркутской области объявлен в розыск педофил, подвергший сексуальному насилию трех детей. Такого рода многочисленные сообщения регулярно публикуются в Интернете на местных форумах.

В связи с повышенной общественной опасностью преступлений педофилов федеральным законом от 29.02.2012 № 14-ФЗ [2] в гл. 18 введен ряд норм, предусматривающих усиление противодействия преступным проявлениям полового характера в отношении несовершеннолетних субъектами с педофильными наклонностями. Одновременно в гл. 15 о принудительных мерах психиатрического характера введены уголовно-правовые предписания, касающиеся принудительного лечения педофилов (ст. 97, 99, 102 УК РФ).

Вместе с тем педофилия в рамках ограниченной вменяемости и уголовно-правовые нормы, направленные на борьбу с преступлениями педофилов, недостаточно точно трактуются в юридической литературе, что вызывает определенные трудности в правоприменительной практике. Ряд авторов высказывает ошибочное мнение, что увеличение количества педофилов в последнее десятилетие якобы связано с падением общественных нравов [3, с. 12]. Это умозрительное представление ничего общего не имеет с действительностью, так как педофилия не имеет связи с падением нравственности, поскольку представляет собой психическое заболевание,

которое заключается в расстройстве сексуального предпочтения, в силу которого педофилы испытывают половую тягу к детям раннего пубертатного (до 8–9 лет) и пубертатного возраста (10–14 лет). В Международной классификации болезней 10 пересмотра (МКБ-10), утвержденной приказом Минздрава России от 27.05.97 № 170, педофилия фигурирует под кодом F.65.4 в блоке F65 – расстройство сексуального предпочтения, который находится в рубрике «Расстройства личности и поведения в зрелом возрасте» (F60–F69) [4, с. 148–149].

Законодатель вполне обоснованно ввел в ч. 1 ст. 97 УК РФ пункт «д», которым включил в число лиц, подлежащих принудительному лечению, педофилов, совершивших посягательства на половую неприкосновенность малолетних, а также предусмотрел в отношении ограниченно вменяемых педофилов назначение наказания наряду с применением принудительной меры медицинского характера в амбулаторных условиях (ч. 2 ст. 99 УК РФ). Законодательная формулировка довольно точно отражает медицинские признаки лиц, совершающих сексуальные посягательства в отношении детей: в ней указано соотношение возрастных показателей педофилов (старше 18 лет) и потерпевших (моложе 14 лет), а также наличие психического расстройства в виде педофилии, которая представляет собой паталогическую направленность сексуального предпочтения на детей указанного возраста.

Обращает на себя внимание, что в законодательной формуле широкое понятие «расстройство сексуального предпочтения» фактически отождествляется с более узким понятием «педофилия», так как последнее указано в скобках в качестве уточнения обозначенного психического расстройства. В результате юристы-практики нередко полагают, что педофилия представляет собой единственное расстройство сексуального предпочтения. Между тем МКБ-10 в блоке F65 содержит перечень расстройств, который наряду с педофилией включает в себя фетишизм, трансвестизм, эксгибиционизм, вуайеризм, садомазохизм, множественные расстройства сексуального предпочтения, другие и неуточненные расстройства подобного предпочтения. При упрощенном подходе, сориентированном лишь на половые контакты взрослых с несовершеннолетними, упускается из виду соотношение возрастных показателей взрослых педофилов и малолетних потерпевших, которое должно быть не менее пяти лет в случае недостижения потерпевшими детьми возраста 14 лет либо может значительно превышать указанную в законе разницу в возрасте.

Уголовный закон (ч. 1 ст. 97 УК РФ) признает педофилами только взрослых, то есть лиц старше 18 лет. Однако педофилия может проявиться в более раннем, несовершеннолетнем, возрасте. Очевидно, законодатель, указав в качестве возрастной границы совершеннолетие педофилов, исходил из диагностического критерия, в соответствии с которым педофилами признаются лица, имеющие разницу в возрасте с потерпевшими пять лет и более. Закрепив в уголовном законе конкретные возрастные показатели, уголовный закон тем самым ограничил возможность назначения и применения к несовершеннолетним педофилам принудительных мер медицинского характера. Это правовое ограничение отражено в обзоре Верховного Суда Российской Федерации, где отмечено, что нормы действующего Уголовного кодекса не предусматривают применения принудительного лечения в отношении несовершеннолетних, страдающих расстройством сексуального предпочтения [5, с. 25].

В уголовно-правовых публикациях высказывается ошибочное мнение, что законодатель, обозначив возрастные границы посягающих лиц и потерпевших в п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ, вторгся в сферу судебной психиатрии и тем самым необоснованно ограничил круг педофилов за счет исключения из их числа несовершеннолетних и якобы произвольно указал границу пубертатного возраста малолетних [6, с. 178]. Однако психиатры и сексологи отмечают, что четких возрастных границ полового созревания не существует [7]. Это означает, что границы пубертатного возраста индивидуальны и могут существенно отличаться не только у мальчиков и девочек, но и среди малолетних одного и того же пола.

Законодатель вынужден устанавливать формально определенные показатели возраста, особенно в тех уголовно-правовых нормах, где речь идет о половых посягательствах, так как возраст субъекта преступления и потерпевшего влияет на общественную опасность содеянного, его квалификацию и назначение мер уголовного-правового и судебно-психиатрического характера. С позиций законодательной текстологии, содержащей правила формулирования качественных уголовно-правовых предписаний, возрастные критерии участников уголовно-правовых отношений являются наиболее четкими правоприменительными ориентирами [8, с. 177]. В рассматриваемых нормах возрастной показатель субъекта сексуального посягательства, соотносимый с возрастом малолетних потерпевших, обязывает правоохранительные органы направить такое лицо на психиатрическую экспертизу в целях выявления не только расстройства сексуального предпочтения, но и иных сопутствующих педофилии психических расстройств. Законодатель, используя формализованные показатели возраста в ряде статей (ст. 97, 131–135 УК РФ), достаточно удачно перевел диагностические критерии педофилии на язык уголовного законодательства и тем самым дал четкие ориентиры, которые в настоящее время используются в правоприменительной практике.

В ряде публикаций высказывается ошибочное суждение, что вменяемость педофилов в отношении половых преступлений не вызывает сомнений [9, с. 69]. Очевидно, что в таких случаях сторонники категорического подхода к вменяемости педофилов ориентируются на юридический признак лиц, совершивших преступления сексуального характера (наличие педофилии, не исключающей вменяемости), который дает возможность суду назначать таким лицам наказание наряду с принудительным лечением (ч. 2 ст. 99 УК РФ). Вышеприведенный подход к вменяемости педофилов трудно назвать системным, так как законодатель не случайно в ряде статей (ст. 97, 99 УК РФ) указал на ограниченную вменяемость педофилов, поскольку наличие микстов (сочетание педофилии с другими более тяжелыми психическими расстройствами) влечет признание лиц, совершивших педофильные посягательства, невменяемыми. Экспертная практика ГНЦ судебной психиатрии им. Сербского подтверждает, что далеко не все педофилы отдают отчет в своих действиях и способны руководить ими, то есть подэкспертные лица в ряде случаев не обладают признаками ограниченной вменяемости в силу тяжелых поражений психики, поэтому суд признает их невменяемыми в соответствии с критериями, указанными в ст. 21 УК РФ.

Анализ норм Особенной части УК РФ, которые закрепляют уголовную ответственность лиц, посягающих на половую неприкосновенность детей моложе 12 лет, показывает, что в соответствии с предписаниями ст. 134 и 135 УК РФ несовершеннолетние 16–17 лет не подлежат наказанию за совершение ненасильственных половых

сношений и (или) иных действий полового характера, поскольку в качестве субъектов соответствующих преступлений обозначены взрослые лица. Указанный возрастной признак посягающих лиц в полной мере соответствует п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ, который предусматривает возможность признания педофилами только лиц старше 18 лет и тем самым исключает из их числа несовершеннолетних посягателей.

Примечание к ст. 131 УК РФ, введенное тем же федеральным законом, в первую очередь направлено на усиление уголовно-правовой защиты детей от сексуальных посягательств взрослых педофилов. Указанное примечание предусматривает обязательную квалификацию любых развратных проявлений в отношении детей моложе 12 лет в качестве насильственных действий, поскольку дети в силу малолетнего возраста не способны понимать характер и содержание совершаемых с ними действий, то есть находятся в беспомощном состоянии. Соответственно, содеянное в таких случаях надлежит квалифицировать как изнасилование малолетних и назначать педофилам наказание в виде лишения свободы на срок от 12 до 20 лет, сопряженное с принудительными мерами медицинского характера в соответствии с принципом двухколейности, фактически закрепленным в ст. 22 УК РФ.

К сожалению, примечание к ст. 131 УК РФ в законодательно-техническом отношении имеет невысокое качество, так как носит комбинированный характер, поскольку включает в себя два объемных предписания: в первом содержатся многочисленные ссылки на пункты и части ст. 132, 134, 135 УК РФ, во втором дано рассмотренное правило квалификации. Комбинированный характер примечания не только вызывает у правоприменителя трудности в процессе его толкования, но и порождает многочисленные ошибки во время применения норм, на которые даны ссылки в примечании.

Результаты настоящего исследования свидетельствуют о том, что уголовно-правовые нормы, введенные в действующий УК РФ в целях активизации противодействия преступлениям педофилов, имеющих психические отклонениями в рамках вменяемости, нуждаются в дальнейшей законодательной коррекции и разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, направленных на решение проблем, затрудняющих и осложняющих не только квалификацию преступлений сексуального характера в отношении малолетних, но и обоснованное назначение и применение принудительных мер психиатрического характера к педофилам, совершающим посягательства на половую неприкосновенность детей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Готчина Л. В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних : моногр. М., 2015. 190 с.
2. Федеральный закон от 29.02.2012 № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126735/?ysclid=lile5ox7ey555633732 (дата обращения: 22.12.23).
3. Левченко А. О. Дети онлайн: опасности в сети. М., 2015. 315 с.
4. Клиническое руководство / под ред. В. Н. Краснова. М., 2000. 224 с.
5. Обзор судебной практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2014. № 8. С. 25–35.

6. Кононов А. Д. Актуальные проблемы уголовной ответственности лиц с психическим расстройством. М., 2018. 240 с.
7. Дьяченко А. П., Цымбал Е. И. Специфика девиантного поведения педофилов // Социологические исследования. 2012. № 9 (341). С. 115–121.
8. Ситникова А. И. Уголовно-правовая текстология : моногр. М., 2016. 304 с.
9. Кузнецов В. И. Уголовно-правовая борьба с педофилией // Сибирский юридический вестник. 2010. № 3 (50). С. 69–78.

REFERENCES

1. Gotchina L.V. *Ugolovno-pravovaya i kriminologicheskaya kharakteristika prestuplenii protiv polovoi neprikosnovennosti nesovershennoletnikh: monogr.* [Criminal-legal and criminological characteristics of crimes against sexual inviolability of minors: monograph]. Moscow, 2015. 190 p.
2. *Federal'nyi zakon ot 29.02.2012 No. 14-FZ "O vnesenii izmenenii v Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii v tselyakh usileniya otvetstvennosti za prestupleniya seksual'nogo kharaktera, sovershennyye v otnoshenii nesovershennoletnikh"* [Federal Law No. 14-FZ of February 29, 2012 "On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation in order to strengthen responsibility for sexual crimes committed against minors"]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126735/?ysclid=lile5ox7ey555633732 (accessed December 22, 23).
3. Levchenko A.O. *Deti onlain: opasnosti v seti* [Children online: dangers on the net]. Moscow, 2015. 315 p.
4. *Klinicheskoe rukovodstvo* [Clinical guidelines]. Ed. by Krasnov V.N. Moscow, 2000. 224 p.
5. Review of judicial practice of conditional early release from serving a sentence. In: *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation]. 2014. No. 8. Pp. 25–35. (In Russ.).
6. Kononov A.D. *Aktual'nye problemy ugolovnoi otvetstvennosti lits s psikhicheskim rasstroistvom* [Actual problems of criminal liability of persons with a mental disorder]. Moscow, 2018. 240 p.
7. D'yachenko A.P., Tsymbal E.I. Specificity of deviant behavior of pedophiles. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2012, no. 9 (341), pp. 115–121. (In Russ.).
8. Sitnikova A. I. *Ugolovno-pravovaya tekstologiya: monogr.* [Criminal-legal textology: monograph]. Moscow, 2016. 304 p.
9. Kuznetsov V.I. Criminal legal struggle against pedophilia. *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian Legal Bulletin*, 2010, no. 3 (50), pp. 69–78. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ГЕННАДИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ НАЗАРЕНКО – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета, Курск, Россия, nazarenkogen@gmail.com

GENNADII V. NAZARENKO – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Criminal Law of the Southwest State University, Kursk, Russia, nazarenkogen@gmail.com

Статья поступила 23.01.2023

Научная статья

УДК 343.81

doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.017

Особенности организации режима в лечебно-профилактических учреждениях уголовно-исполнительной системы

ЛЮДМИЛА ЛЕОНИДОВНА САНТАШОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, grachevaluda2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5416-1745>

АНДРЕЙ СТАНИСЛАВОВИЧ АЛЕКСАНДРОВ

Кузбасский институт ФСИН России, Новокузнецк, Россия, aleksandrov_ac@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9714-7225>

Аннотация. В статье исследуются особенности организации режима в лечебно-профилактических учреждениях уголовно-исполнительной системы. Обозначены специфика применения основных средств обеспечения режима, проблемы применения мер взыскания к нарушителям режима отбывания наказания, внесены предложения в действующее уголовно-исполнительное законодательство. Анализируются статистические данные в этой сфере, приводятся примеры из правоприменительной практики деятельности лечебно-профилактических учреждений.

Ключевые слова: режим отбывания наказания; лечебно-профилактические учреждения; отдел безопасности; обыски и досмотры; меры взыскания; злостные нарушители режима содержания; перевод в строгие условия отбывания наказания.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Санташова Л. Л., Александров А. С. Особенности организации режима в лечебно-профилактических учреждениях уголовно-исполнительной системы // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 2 (22). С. 152–159. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.017.

Original article

On the Organization of Regime in Medical Treatment and Preventive Care Facilities

LYUDMILA L. SANTASHOVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, grachevaluda2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5416-1745>

© Санташова Л. Л., Александров А. С., 2023

ANDREI S. ALEKSANDROV

Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia, Novokuznetsk, Russia, aleksandrov_ac@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9714-7225>

Abstract. The article considers organization of regime in medical treatment and preventive care facilities. It outlines the specifics of applying key means of ensuring the regime and problems of applying penalties to regime violators, as well as proposes amendment to the current penal legislation. Statistical data in this area are analyzed and examples from the law enforcement practice of the activities of medical treatment and preventive care facilities are given.

Keywords: regime of serving a sentence; medical treatment and preventive care facilities; security department; searches and inspections; penalties; malicious violators of the detention regime; transfer to strict conditions of serving a sentence.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Santashova L.L., Aleksandrov A.S. On the organization of regime in medical treatment and preventive care facilities. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 2 (22), pp. 152–159. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.017.

Лечебно-профилактические учреждения уголовно-исполнительной системы являются одним из видов исправительных учреждений и предназначены для медицинского обслуживания осужденных. По данным ФСИН России, по состоянию на 1 января 2023 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 433 006 чел., функционирует 51 лечебное исправительное учреждение, 23 лечебно-профилактических учреждения, при этом в лечебно-исправительных учреждениях содержалось 9152 чел., в лечебно-профилактических – 9154 [1].

Согласно Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 г. отмечается снижение смертности осужденных, подозреваемых и обвиняемых в два раза (в 2010 г. – 4774 чел., в 2020 г. – 2400 чел.), количества заболевших инфекционными заболеваниями (туберкулез, ВИЧ-инфекция). Так, в 2010 г. выявлено 10 124 случая заболевания ВИЧ-инфекцией, в 2020 г. – 4942, в 2010 г. выявлен 8681 случай заболевания туберкулезом, в 2020 г. – 1516).

Особенностям организации режима в лечебно-профилактических учреждениях уголовно-исполнительной системы (ЛПУ УИС) посвящены труды таких ученых-пенитенциаристов, как С. П. Мишустин, Е. В. Нечаева, С. М. Савушкин, В. И. Селиверстов, А. П. Скиба.

Значительный вклад в изучение правового статуса осужденных, содержащихся в ЛПУ УИС, социальной адаптации больных социально значимыми заболеваниями внес А. П. Скиба. В диссертационном исследовании он отмечал, что необходимо учитывать отношение осужденного к прохождению курса лечения как критерий исправления в связи с тем, что многие осужденные симулируют болезнь или затягивают курс лечения, не выполняя рекомендации врача [2, с. 5]. В данном случае полагаем будет эффективным учитывать процесс лечения при изменении условий отбывания наказания и вида режима осужденному.

Нормативно-правовое регулирование деятельности лечебно-профилактических учреждений осуществляется на основании УИК РФ, Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и новых единых правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы и исправительных центров, утвержденных приказом Минюста России от 04.07.2022 № 110 (далее – ПВР № 110).

Следует отметить, что С. П. Мишустин ввиду недостаточного правового регулирования особенностей деятельности лечебно-профилактических учреждений считает необходимым принятие отдельных правил внутреннего распорядка для лечебно-профилактических учреждений [3]. Полагаем, что в настоящее время принятие такого акта не требуется, но определенные корректирующие нормы необходимо внести в ПВР № 110.

В ст. 82 УИК РФ дается правовая дефиниция режима: «режим – это установленный законом и соответствующими закону нормативными актами порядок исполнения и отбывания лишения свободы, обеспечивающий охрану и изоляцию осужденных, постоянный надзор за ними, исполнение возложенных на них обязанностей, реализацию их прав и законных интересов, личную безопасность осужденных и персонала, раздельное содержание разных категорий осужденных, различные условия содержания в зависимости от вида исправительного учреждения, назначенного судом, изменение условий отбывания наказания».

Организация режима на территории лечебно-профилактического учреждения возложена на отдел безопасности исправительного учреждения. В соответствии с приложением № 6 приказа Минюста России от 17.03.2008 № 154 «Об утверждении примерных структур и расчетов штатной численности начальствующего состава, рабочих и служащих исправительных учреждений, лечебно-профилактических учреждений, следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы и методических рекомендаций по разработке их штатных расписаний» в штатную численность отдела (группы) безопасности входят начальник отдела безопасности, заместитель начальника отдела безопасности, старший инспектор отдела безопасности, инспектор отдела безопасности. При этом должность заместителя начальника отдела безопасности вводится только в том случае, если лимит наполняемости учреждения составляет 701 чел. и более. В отдел безопасности также включается группа надзора, в состав которой входят младшие инспекторы. В состав отдела безопасности также входит дежурная часть, в составе которой введена должность дежурного помощника начальника колонии и помощника дежурного.

Должностные обязанности сотрудников отдела безопасности содержатся в ведомственных актах с грифом «для служебного пользования». Основными задачами отдела безопасности исправительного учреждения являются профилактика проникновения запрещенных предметов на режимную территорию исправительного учреждения, работа с осужденными, состоящими на профилактическом учете, проведение режимных мероприятий.

Основными средствами обеспечения режима в исправительных учреждениях, согласно гл. 12 УИК РФ, являются: технические средства надзора и контроля,

обыски и досмотры, оперативно-розыскная деятельность, режим особых условий, меры безопасности.

Обратимся к анализу статистических данных отчетности о результатах деятельности лечебно-профилактических учреждений уголовно-исполнительной системы по состоянию на 1 января 2023 г.: зарегистрировано 12 преступлений (все были совершены в жилой зоне), из них одно умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ), приобретение, сбыт наркотических средств (ст. 228, 228.1, 228.2, 228.3, 228.4 УК РФ), десять иных преступлений [4, с. 46]; численность лиц, привлеченных за совершенные уголовные преступления, составила 5 чел., из них 4 состояли на профилактическом учете; было предотвращено 3 преступления; в раскрытии 528 преступлений оказано содействие правоохранительным органам.

Достаточно высокой остается численность лиц, состоящих на профилактическом учете, – 1080 чел., из них лидеры или активные участники группировок отрицательной направленности – 23 чел., склонные к побегу – 21 чел. Численность лиц за преступления экстремистской направленности составила 7 чел., за преступления террористического характера – 4 чел., осужденных за бандитизм, организацию преступного сообщества (ст. 209, 210 УК РФ) – 26 чел. Оперативными аппаратами и отделами безопасности ЛПУ УИС всего было изъято 92 средства мобильной связи, в том числе 86 изъято оперативными аппаратами или по их информации; в том числе 39 средств изъято на режимной территории; в том числе 53 средства при попытке доставки; из них 0 – у защитников (адвокатов); из них 0 – у следователей, дознавателей; из них 0 – у сотрудников учреждений; из них 58 средств – у иных лиц.

Количество злостных нарушений режима содержания составило 683, из них употребление спиртных напитков или наркотических средств – 12; мелкое хулиганство – 3; угроза, неповиновение представителю администрации – 47; изготовление, хранение или передача запрещенных предметов – 326; уклонение от исполнения принудительных мер медицинского характера или обязательного лечения – 10; отказ от работы или прекращение работы без уважительных причин – 50; признанные злостными иные нарушения, совершенные повторно, – 235 [4, с. 377].

В то же время следует отметить, что 12 положительно характеризующимся осужденным, отбывающим наказание в ЛПУ УИС, были предоставлены выезды за пределы исправительного учреждения в качестве стимулирования, причем все осужденные вернулись из отпусков в установленный срок. В этой связи предлагаем расширять практику применения выездов за пределы ЛПУ в целях успешной социальной адаптации.

В целях сохранения социально полезных связей осужденным, отбывающим наказание на стационаре, добросовестно выполняющим назначения лечащего врача, полагаем необходимым предоставлять дополнительные платные телефонные разговоры, в том числе путем использования систем видео-конференц-связи и прочих технических возможностей, без специального разрешения и под контролем администрации с супругой, супругом, другими близкими родственниками, так как длительные свидания данной категории лиц не предоставляются.

Организация режима в лечебно-профилактических учреждениях имеет определенную специфику. В данном учреждении отбывают наказание осужденные всех видов режима отбывания наказания, в том числе осужденные к пожизненному ли-

шению свободы, а также осужденные, оставленные для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию. Администрация ЛПУ обязана обеспечить изолированное содержание осужденных по требованиям ст. 80 УИК РФ. Особенности размещения осужденных и условия отбывания наказания регламентированы гл. XXXI ПБП № 110. Согласно требованиям ПБП № 110 для осужденных при особо опасном рецидиве и осужденным, отбывающим пожизненное лишение свободы, устанавливается по камерное содержание. Также изолированно должны содержаться осужденные женщины, несовершеннолетние, больные осужденные. Прокуратурой по надзору за исправительными учреждениями осуществляется контроль за соблюдением администрацией ЛПУ требований изолированного содержания подозреваемых, обвиняемых и осужденных. В случае несоблюдения требований об изолированном содержании прокуратура выносит акты прокурорского реагирования. Так, по фактам нарушения законности в деятельности сотрудников ЛПУ УИС прокуратурой было вынесено 389 актов прокурорского реагирования (постановлений, представлений, протестов, предостережений). По итогам прокурорской проверки 315 сотрудников привлечены к ответственности.

Следует отметить, что внесены существенные изменения в порядок проведения режимных мероприятий сотрудниками отдела безопасности исправительных учреждений. В настоящее время в ПБП № 110 введена отдельная гл. XX «Проведение обысков и досмотров в исправительном учреждении». Отметим, что в ранее действовавших ПБП № 295 процедура проведения полного личного обыска не была регламентирована. В соответствии с п. 342 ПБП № 110 личный полный обыск должен проводиться в отдельном помещении исправительного учреждения, оснащенном ковриком, должен соблюдаться температурный режим по санитарным нормам, также при фото- и видеофиксации обязательно должна использоваться ширма в целях обеспечения приватности. Более детально порядок проведения и виды обысков и досмотров на территории исправительного учреждения регламентированы ведомственным приказом с грифом «для служебного пользования».

Кроме того, законодателем внесены изменения в процесс изъятия запрещенных предметов в исправительных учреждениях. Изменились перечень лиц, обладающих правом изъятия, и сроки изъятия запрещенных предметов. Расширен перечень лиц, имеющих право на изъятие запрещенных предметов. В настоящее время правом изъятия обладают все сотрудники уголовно-исполнительной системы, а не только администрация исправительного учреждения. Кроме того, изменился срок сдачи изъятых денежных средств в бухгалтерию исправительного учреждения: с 12-часового на суточный срок (исключая выходные и праздничные дни), что, безусловно, можно отметить с положительной стороны.

Спецификой организации режима также является учет социально значимых заболеваний осужденных, планирование режимных мероприятий с учетом заключений врачей, применение мер взыскания к больным осужденным с учетом заключения лечащего врача. При отсутствии медицинского заключения врача осужденный в штрафной изолятор не водворяется. В лечебно-профилактических учреждениях для нарушителей режима отбывания наказания оборудованы штрафной изолятор и карцер. В этой связи на практике возникают определенные сложности с осужденными, являющимися злостными нарушителями режима отбывания наказания, так как

по медицинским показаниям отсутствует возможность их водворения в штрафной изолятор. Перевод в другое учреждение возможен только по заключению лечащего врача при отсутствии медицинских противопоказаний. В то же время в соответствии с постановлением Конституционного Суда Российской Федерации «По делу о проверке конституционности ч. 1 ч. 8 ст. 74, ч. 2 ст. 101 и п. "в" ч. 2 ст. 115 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой Яковлева» дано разъяснение, что к осужденному, являющемуся нарушителем режима содержания, водворение в штрафной изолятор по медицинским показаниям не применяется, однако это не лишает права администрацию признать его злостным нарушителем режима содержания в соответствии со ст. 116 УИК РФ и перевести в строгие условия отбывания наказания. В дальнейшем злостные нарушители могут быть переведены в единые помещения камерного типа или в тюрьму.

С. М. Савушкиным даны практические рекомендации о порядке перевода осужденных, являющихся злостными нарушителями режима содержания, в единые помещения камерного типа или тюрьму [5]. В частности, указано, что оперативные подразделения исправительных учреждений готовят справку, где обосновывают необходимость принятия такого решения. Решение о переводе в единое помещение камерного типа принимает руководитель территориального органа уголовно-исполнительной системы. В данном случае перевод больных осужденных будет возможен при отсутствии противопоказаний лечащего врача.

Кроме того, в соответствии с приказом Минюста России от 28.12.2017 № 285 «Об утверждении Порядка организации оказания медицинской помощи лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы» дежурный помощник начальника колонии в случае невозможности оказания помощи обязан обеспечить транспортировку осужденного в медицинскую организацию государственной системы здравоохранения. Определенные трудности в организации надзора возникают с лицами, которые транспортируются в городские больницы и медицинские учреждения, ввиду некомплекта подразделений сотрудников отделов безопасности. Сотрудники отдела безопасности обязаны осуществлять контроль за их поведением и лечением, в этой связи начальник отдела безопасности должен выставить на пост младшего инспектора отдела безопасности.

Следует сказать о том, что организация надзора за осужденными в ЛПУ, состав дежурной смены, порядок проведения обысков и досмотров, алгоритм действий дежурной смены при чрезвычайных обстоятельствах предусмотрены ведомственными приказами с грифом «для служебного пользования» и нами в контексте данной статьи не анализируются.

Таким образом, к особенностям организации режима в ЛПУ относится изолированное, покамерное содержание различных категорий спецконтингента: подозреваемых, обвиняемых; осужденных, впервые совершивших преступления; осужденных при рецидиве преступлений; осужденных к пожизненному лишению свободы; несовершеннолетних осужденных, осужденных женщин. В ЛПУ также содержатся осужденные, оставленные для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию.

При организации режимных мероприятий сотрудникам отдела безопасности необходимо учитывать медицинское состояние больных осужденных и согласовывать

время их проведения с лечащим врачом. Кроме того, спецификой организации режима в ЛПУ является применение мер взыскания к нарушителям режима отбывания наказания. Если по медицинским показаниям содержание в штрафном изоляторе может привести к ухудшению здоровья осужденного, то такая мера взыскания не может быть применена, однако осужденный может быть признан злостным нарушителем режима содержания.

Проблемными и сложными являются вопросы организации надзора за осужденными, которые направляются в государственные медицинские учреждения для оказания медицинской помощи, если такая помощь не может быть оказана в учреждении ввиду некомплекта сотрудников отдела безопасности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 20.02.2023).
2. Скиба А. П. Исполнение наказания в лечебно-профилактических учреждениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003. 27 с.
3. Мишустин С. П. Проблемы правового регулирования исполнения наказания в лечебно-исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 3 (21). С. 83–86.
4. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы. Январь–декабрь 2022 г. Тверь, 2023. 538 с.
5. Савушкин С. М. Порядок перевода в единые помещения камерного типа или в тюрьму осужденных, являющихся злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания : метод. рекомендации. Новокузнецк, 2018. 16 с.

REFERENCES

1. *Kratkaya kharakteristika ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii* [Brief description of the penal system of the Russian Federation]. Available at: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (accessed February 20, 2023).
2. Skiba A.P. *Ispolnenie nakazaniya v lechebno-profilakticheskikh uchrezhdeniyakh: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Execution of punishment in medical and preventive institutions: Candidate of Sciences (Law)]. Rostov on Don, 2003. 27 p.
3. Mishustin S.P. Problems of legal regulation of execution punishments in medical correctional facilities. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2015, no. 3 (21), pp. 83–86. (In Russ.).
4. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy. Yanvar'–dekabr' 2022 g.* [Key indicators of the activity of the penal system. January–December 2022]. Tver, 2023. 538 p.
5. Savushkin S.M. *Poryadok perevoda v edinye pomeshcheniya kamernogo tipa ili v tyur'mu osuzhdennykh, yavlyayushchikhsya zlostnymi narushitelyami ustanovlennogo poryadka otbyvaniya nakazaniya: metod. rekomendatsii* [The procedure for transferring convicts who are malicious violators of the established order of serving a sentence to a single cell-type premises or to a prison: methodological recommendations]. Novokuznetsk, 2018. 16 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

САНТАШОВА ЛЮДМИЛА ЛЕОНИДОВНА – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, grachevaluda2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5416-1745>

АНДРЕЙ СТАНИСЛАВОВИЧ АЛЕКСАНДРОВ – кандидат юридических наук, начальник кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Кузбасского института ФСИН России, Новокузнецк, Россия, aleksandrov_ac@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9714-7225>

LYUDMILA L. SANTASHOVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, grachevaluda2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5416-1745>

ANDREI S. ALEKSANDROV – Candidate of Sciences (Law), Head of the Department of Penal Law and Criminology of the Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia, Novokuznetsk, Russia, aleksandrov_ac@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9714-7225>

Статья поступила 02.03.2023

Научная статья

УДК 343.98

doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.018

Криминалистическая деятельность в структуре криминалистического знания: проблемы терминологии

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ СВЕТЛИЧНЫЙ

Тульский государственный университет, Тула, Россия, alexandrsvetl@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5611-9914>

Аннотация. В статье затрагиваются проблемы терминологического аппарата криминалистики как важнейшей составляющей ее методологии. Обозначены некоторые проблемные аспекты терминологической устойчивости криминалистики, отражены особенности ее влияния на развитие науки. Утверждается позиция о том, что в случае необоснованных введений новых терминов в криминалистику утрачивается преемственность в науке и практике. Рассмотрены вопросы целесообразности использования термина «криминалистическая деятельность» как в теории науки, так и в сфере практической деятельности. Проанализирован содержательный компонент данного термина, сделан вывод о соотношении криминалистической деятельности с процессуальной. Аргументирована авторская позиция относительно некорректности замены термина «деятельность по расследованию преступлений» термином «криминалистическая деятельность».

Ключевые слова: криминалистика; криминалистическая деятельность; термины; терминологический аппарат; терминология; следователь; расследование преступлений.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Светличный А. А. Криминалистическая деятельность в структуре криминалистического знания: проблемы терминологии // *Ius publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2023. № 2 (22). С. 160–167. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.018.

Original article

Criminalistic Activity in the Structure of Forensic Knowledge: Problems of Terminology

ALEKSANDR A. SVETLICHNYI

Tula State University, Tula, Russia, alexandrsvetl@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5611-9914>

Abstract. The article touches upon problems of the research vocabulary of criminology as the most important component of its methodology. Some problematic

aspects of terminological stability of criminalistics are highlighted and the specifics of its influence on the development of science is reflected. It is substantiated that in case of unjustified introduction of new terms into criminology, continuity in science and practice is lost. The issues of expediency of using the term "criminalistic activity" both in the theory of science and in the field of practical activity are considered. The content component of this term is analyzed, the conclusion is made about correlation between criminalistic and process activities. The author's position on the inaccuracy of replacing the term "crime investigation activity" with the term "criminalistic activity" is argued.

Keywords: criminalistics; criminalistic activity; terms; terminological apparatus; terminology; investigator; investigation of crimes.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Svetlichnyi A.A. Criminalistic activity in the structure of forensic knowledge: problems of terminology. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 2 (22), pp. 160–167. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.018.

Уровень развития терминологического аппарата любой науки как важной составляющей ее методологии является ярким показателем разработанности науки, свидетельством ее системности и сформированности.

Проведенный нами анализ показывает, что терминологический аппарат криминалистики развивался и совершенствовался параллельно со всей наукой в целом, подвергаясь при этом постоянному влиянию не только тех наук, в рамках которых она изначально развивалась (уголовный сыск, уголовный процесс и уголовный розыск), но и большого количества естественных, технических, экономических и общественных наук, достижения которых криминалистика в настоящее время весьма успешно в себе сочетает.

Современный терминологический аппарат криминалистики образует сложную, многоуровневую, целостную систему, а обозначенные особенности его формирования обуславливают необходимость стремления к системности, единообразию и однозначности восприятия всех используемых терминов как в теории, так и на практике всеми субъектами, что, безусловно, будет способствовать взаимопониманию и повышению эффективности их взаимодействия.

Как справедливо отмечают ученые, одним из важных признаков языка науки является терминологическая устойчивость [1, с. 302], это свидетельствует о высоком уровне развития методологии науки. Если термины были введены в оборот не стихийно, а в соответствии с реальными потребностями науки и практики, прошли предварительно необходимое обсуждение в научном сообществе, то они долгое время успешно выполняют присущие им функции и не нуждаются в замене и усовершенствовании.

Мы разделяем точку зрения, что в угоду времени и модным тенденциям «без особо веских причин отказаться от ранее используемой терминологии и вводить наряду с принятыми другие, по мнению некоторых, более удачные термины» [1, с. 304] недопустимо. На наш взгляд, необоснованное введение новых терминов в криминалистику без теоретической и практической потребности приводит к утрате преемственности в науке, что весьма негативно отражается на правоприменитель-

ной практике, ведет к нарушению стабильности при регулировании общественных отношений, а иногда даже требует значительных материальных и организационных издержек.

Это можно сказать, например, про такие термины, как «компьютерная криминалистика», «электронная криминалистика», «цифровая криминалистика», «киберкриминалистика», «лингвокриминалистика» и др., введенные в оборот без должного научного обсуждения и справедливо вызывающие критику среди ученых относительно целесообразности их использования [2, с. 196; 3, с. 28; 4, с. 190; 5, с. 211].

С другой стороны, некоторые термины употребляются учеными-криминалистами в их исследованиях достаточно давно, не являются стихийно образованными, однако отношение к их использованию до сих пор в научной сфере весьма неоднозначно. К числу подобных можно отнести термин «криминалистическая деятельность».

Одни криминалисты рассуждают о некорректности его употребления, другие, напротив, активно предлагают разрабатывать теоретические основы криминалистической деятельности. Принимая во внимания указанные позиции исследователей, а также содержание объекта криминалистики, ее методологии в целом, попытаемся разобраться в сущности и содержании термина «криминалистическая деятельность», ответить на вопрос о целесообразности его использования как в теории, так и на практике.

Под деятельностью понимают «работу, занятие в какой-либо области» [6, с. 31], «процесс, включающий цель, средства и результат» [7, с. 27], «человеческую форму активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение и преобразование» [8, с. 32].

Впервые упоминание термина «криминалистическая деятельность» можно найти в работах Р. Г. Домбровского. Согласно позиции данного автора, понятием «криминалистика» «обозначается не только определенная область знания, наука, но и определенная практическая деятельность... Вполне логично рассматриваемую деятельность именовать криминалистической...» [9, с. 118]. Чуть позже он предложил рассматривать криминалистическую деятельность как в практическом, так и в научном ракурсе. В первом случае предлагалось понимать под ней совокупность приемов и методов практического действия (практического познания), а во втором – совокупность методов научного познания [10, с. 11].

С резкой критикой использования данного термина выступил Р. С. Белкин. Ученый полагал, что нет и не может быть никакой криминалистической деятельности «в процессе расследования, помимо деятельности процессуальной, оперативно-розыскной или административно-правовой» [11, с. 236–237].

Иная позиция обосновывается в трудах В. Я. Колдина. В соответствии с его точкой зрения, «система криминалистической деятельности как особая область профессиональной деятельности государственных органов, имеющая специфические задачи, в работах Р. С. Белкина не определена. Мы не находим самого понятия криминалистической деятельности, которая растворяется в деятельности по борьбе с преступностью, раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений... Со всей определенностью утверждаем, что без выделения криминалистической деятельности как объекта криминалистики и анализа ее структуры, внутрисистемных

связей и закономерностей, т. е. без праксеологического анализа криминалистической деятельности, вообще нет возможности выработать какие-либо оптимизирующие эту деятельность методы и средства» [12, с. 14–15].

Согласно позиции М. В. Жижиной, криминалистическую деятельность необходимо рассматривать в двух аспектах. В широком смысле под криминалистической деятельностью автор понимает «разработку, адаптацию и применение на практике средств криминалистического обеспечения доказательственного процесса; в узком смысле это непосредственное применение криминалистических (тактических, технико-тактических, методических) средств в процессе доказывания» [13, с. 1071].

Употребляется указанный термин и в трудах Н. П. Яблокова, причем автор отводит ему достаточно важное значение, полагая, что в самом объекте криминалистики необходимо выделять преступную и криминалистическую деятельность. При этом под последней предлагается понимать «деятельность по расследованию и раскрытию преступлений, антагонистичную по отношению к преступной деятельности и порожденную ею, осуществляемую криминалистическими приемами средствами и методами» [14, с. 46]. Поддерживает указанную позицию и С. В. Швец [15, с. 236; 16, с. 141].

Но здесь возникает несколько вопросов: насколько корректно подменять термин «деятельность по расследованию преступлений» термином «криминалистическая деятельность», разве это не более объемное понятие? и как в таком случае криминалистическая деятельность соотносится с процессуальной?

Нет сомнений, что основным субъектом деятельности по раскрытию и расследованию преступлений как организатор и исполнитель выступает следователь.

Применяя системный подход, А. Ю. Головин справедливо предлагает рассматривать деятельность по раскрытию и расследованию преступлений как «сложную динамическую управляемую социальную систему, включающую в себя следующие элементы: объект деятельности; цель и задачи деятельности; субъекты деятельности; действия, приемы, способы деятельности; место, время и обстановка деятельности; результаты деятельности» [17, с. 175–176].

Как отмечается в научной литературе, любой вид деятельности характеризуется «определенным набором действий и последовательностью их осуществления, то есть структурой» [18, с. 107]. Набор действий и последовательность могут стать деятельностью только в случае их подчинения общей цели. Если же такой нет, то нельзя говорить и о деятельности. При этом для каждого вида деятельности характерен специфический набор средств и способов их применения. Существенную роль в деятельности по расследованию преступления, в том числе и в криминалистической деятельности, играет организационная функция, осуществляемая следователем и обуславливающая эффективность расследования в целом. Однако если рассматривать практическую деятельность по раскрытию и расследованию преступлений как систему действий, направленных на достижение определенной цели, то в ее структуре вполне уместно среди прочих видов деятельности (процессуальной, оперативно-розыскной и др.) назвать и деятельность иных, например сведущих, лиц.

Согласимся с рассуждениями В. П. Бахина о том, что «к организационным аспектам расследования преступлений относят те положения, которые способствуют его рациональному проведению: организация взаимодействия при расследовании,

планирование, подготовка к проведению следственных действий и их организация в целях обеспечения их результативности и качества, обеспечение применения научно-технических средств и т. п.» [19, с. 116]. Их реализация возможна только при использовании общих организационных начал деятельности.

С другой стороны, организационные основы криминалистической деятельности как системы научных положений, с точки зрения И. П. Можяевой, нельзя отождествлять с обязательным порядком уголовного судопроизводства, установленным УПК РФ, в рамках которого надлежит действовать всем участникам [20, с. 12].

При этом справедливо замечание ученых о том, что содержание понятия «криминалистическая деятельность» не должно ограничиваться деятельностью следователя. Это собирательное понятие, оно включает в себя несколько компонентов: следственную деятельность (поисковую деятельность, розыскную деятельность, систему следственных действий); деятельность сведущих лиц; профилактическую деятельность следователя [21, с. 46; 22, с. 172], добавим сюда еще деятельность оперативных сотрудников, прокурора, переводчика, педагога и других участников уголовного судопроизводства.

Следует ли из этого, что процессуальная деятельность входит в криминалистическую? Исходя из предмета и задач криминалистики, цель ее заключается в выяснении обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию, перечень которых обозначен в ст. 73 УПК РФ, в собирании фактических данных виновности или невиновности лица, что должно послужить для установления истины по уголовному делу. Но и осуществление процессуальной деятельности должно приводить к этой же цели, никаких сомнений в этом быть не должно. И здесь мы не можем поддержать позицию Р. С. Белкина о том, что расследование преступления осуществляется в уголовно-процессуальных рамках, следовательно, процессуальная следственная деятельность не может входить в структуру криминалистической.

Таким образом, на основании вышеизложенного полагаем, что термин «криминалистическая деятельность» имеет право на существование, хотя бы только потому, что есть наука – криминалистика, обладающая своими предметами и объектами исследования, решающая только ей присущие задачи средствами, тактическими приемами и рекомендациями, отличными, например, от процессуальных или оперативно-розыскных, использование которых позволяет получать криминалистически значимую информацию, выдвигать версии, планировать ход расследования с учетом следственных ситуаций, разрабатывать методические рекомендации по расследованию отдельных видов преступлений и т. д. Поэтому, когда мы рассматриваем структуру действий следователя, осуществляемых им в процессе расследования преступлений на основе разработанных в криминалистике методов и приемов, вполне можно использовать термин «криминалистическая деятельность».

Вместе с тем, на наш взгляд, позиция некоторых авторов относительно того, что термин «деятельность по расследованию преступлений» идентичен термину «криминалистическая деятельность», не совсем правильная. Подменять деятельность по расследованию преступлений криминалистической деятельностью некорректно хотя бы потому, что последняя, наряду с другими видами деятельности и являясь структурным элементом, составляет некое системное образование, которое включает в себя деятельность дознавателя, следователя (процессуальную, криминали-

стическую, розыскную, поисковую, профилактическую), оперативно-розыскную, деятельность участников со стороны защиты (например, адвоката), прокурора, деятельность иных участников уголовного судопроизводства (переводчика, сведущих лиц). И вот к этой комплексной системе уже вполне логично и справедливо применять термин «деятельность по расследованию преступлений».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Толстик В. А. Требования, предъявляемые к юридической терминологии: формально-логическое и социокультурное обоснование // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 302–307.
2. Кучин О. С. К вопросу о дефиниции «цифровая криминалистика» // Современные технологии и подходы в юридической науке и образовании. Калининград, 2021. С. 173–181.
3. Светличный А. А. Новации в терминологическом аппарате криминалистики: потребность науки и практики или дань моде? // Юридическое образование и наука. 2022. № 5. С. 24–29.
4. Светличный А. А. Эволюционные процессы терминологического аппарата криминалистики: всегда ли все закономерно? // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2022. Т. 1, № 3 (102). С. 184–191.
5. Гарифуллин И. Р. Некоторые проблемы цифровой криминалистики // Современные технологии и подходы в юридической науке и образовании. Калининград, 2021. С. 205–212.
6. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Л. И. Скворцова. М., 2012. 894 с.
7. Социология : энцикл. Минск, 2003. 1312 с.
8. Большая советская энциклопедия : в 30 т. (комплект из 31 книги). М., 1970. 960 с.
9. Домбровский Р. Г. Криминалистическая деятельность и криминалистические отношения. Рига, 1973. С. 114–136.
10. Домбровский Р. Г. Предмет криминалистики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1974. 22 с.
11. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М., 2001. 240 с.
12. Колдин В. Я. Криминалистика: теоретическая наука или прикладная методология // Вестник Московского университета. 2000. № 4. Сер. 11: Право. С. 3–19.
13. Жижина М. В. Доказывание в гражданском (арбитражном) судопроизводстве и криминалистическая деятельность // Lex Russica. 2014. Т. XCIV. № 9. С. 1070–1077.
14. Яблоков Н. П. Криминалистика в вопросах и ответах. М., 2000. С. 224.
15. Швец С. В. Информационные особенности криминалистической деятельности в условиях перевода // Теория и практика общественного развития. 2014. № 5. С. 235–237.
16. Швец С. В. Криминалистическая тактика следственных и судебных действий в условиях использования перевода : моногр. М., 2016. 264 с.
17. Головин А. Ю. Криминалистическая систематика. М., 2002. 305 с.
18. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. 304 с.
19. Бахин В. П. Криминалистика. Проблемы и мнения (1962–2002 гг.). Киев, 2002. 268 с.
20. Можаяева И. П., Степанов В. В. Организационные основы деятельности следователя по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений. М., 2007. 147 с.
21. Яблоков Н. П. Криминалистика. М., 1999. 371 с.
22. Коновалов С. И. Теоретико-методологические проблемы криминалистики. Ростов н/Д., 2001. 207 с.

REFERENCES

1. Tolstik V.A. Requirements for legal terminology: formal-logical and socio-cultural justification. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal Technique*, 2016, no. 10, pp. 302–307. (In Russ.).
2. Kuchin O.S. On the question of the definition of “digital criminalistics”. In: *Sovremennye tekhnologii i podkhody v yuridicheskoi nauke i obrazovanii* [Modern technologies and approaches in legal science and education]. Kaliningrad, 2021. Pp. 173–181.
3. Svetlichnyi A.A. Innovations in the terminological apparatus of criminology: the need of science and practice or a tribute to fashion? *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka = Juridical Education and Science*, 2022, no. 5, pp. 24–29. (In Russ.).
4. Svetlichnyi A.A. Evolutionary processes of the terminological apparatus of criminology: is everything always natural? *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva = Vestnik of Volzhsky University named after V.N. Tatishchev*, 2022, vol. 1, no. 3 (102), pp. 184–191. (In Russ.).
5. Garifullin I.R. Some problems of digital criminology. In: *Sovremennye tekhnologii i podkhody v yuridicheskoi nauke i obrazovanii* [Modern technologies and approaches in legal science and education]. Kaliningrad, 2021. Pp. 205–212. (In Russ.).
6. Ozhegov S.I. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Ed. by Skvortsov L.I. Moscow, 2012. 894 p.
7. *Sotsiologiya: entsikl.* [Sociology: encyclopedia]. Minsk, 2003. 1,312 p.
8. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya: v 30 t. (komplekt iz 31 knigi)* [The Great Soviet Encyclopedia: in 30 volumes (set of 31 books)]. Moscow, 1970. 960 p.
9. Dombrovskii R.G. *Kriminalisticheskaya deyatel'nost' i kriminalisticheskie otnosheniya* [Criminalistic activity and criminalistic relations]. Riga, 1973. Pp. 114–136.
10. Dombrovskii R.G. *Predmet kriminalistiki: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [The subject of criminology: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Leningrad, 1974. 22 p.
11. Belkin R.S. *Kriminalistika: problemy segodnyashnego dnya* [Criminalistics: problems of today]. Moscow, 2001. 240 p.
12. Koldin V.Ya. Criminalistics: theoretical science or applied methodology. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 11: Pravo = Bulletin of the Moscow University. Series 11: Law*, 2000, no. 4, pp. 3–19. (In Russ.).
13. Zhizhina M.V. Providing evidence in civil (arbitration) legal proceeding and forensic science activities. *Lex Russica = Russian Law*, 2014, no. 9, vol. 94, pp. 1,070–1,077. (In Russ.).
14. Yablokov N.P. *Kriminalistika v voprosakh i otvetakh* [Criminalistics in questions and answers]. Moscow, 2000. P. 224.
15. Shvets S.V. Informational features of criminal activities under the conditions of forensic interpretation. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, 2014, no. 5, pp. 235–237. (In Russ.).
16. Shvets S.V. *Kriminalisticheskaya taktika sledstvennykh i sudebnykh deistvii v usloviyakh ispol'zovaniya perevoda: monogr.* [Criminalistic tactics of investigative and judicial actions in the conditions of using translation: monograph]. Moscow, 2016. 264 p.
17. Golovin A.Yu. *Kriminalisticheskaya sistematika* [Criminalistic systematics]. Moscow, 2002. 305 p.
18. Leont'ev A.N. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Conscience. Personality]. Moscow, 1975. 304 p.
19. Bakhin V.P. *Kriminalistika. Problemy i mneniya (1962–2002 gg.)* [Criminalistics. Problems and opinions (1962–2002)]. Kiev, 2002. 268 p.
20. Mozhaeva I.P., Stepanov V.V. *Organizatsionnye osnovy deyatel'nosti sledovatelya po raskrytiyu, rassledovaniyu i preduprezhdeniyu prestuplenii* [Organizational bases of the investigator's activity on disclosure, investigation and prevention of crimes]. Moscow, 2007. 147 p.

21. Yablokov N.P. *Kriminalistika* [Criminalistics]. Moscow, 1999. 371 p.

22. Konovalov S.I. *Teoretiko-metodologicheskie problemy kriminalistiki* [Theoretical and methodological problems of criminalistics]. Rostov on Don, 2001. 207 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ СВЕТЛИЧНЫЙ – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой судебной экспертизы и таможенного дела Тульского государственного университета, Тула, Россия, alexandrsvetl@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5611-9914>

ALEKSANDR A. SVETLICHNYI – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Forensic Examination and Customs Affairs of the Tula State University, Tula, Russia, alexan-drsvetl@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5611-9914>

Статья поступила 25.02.2023

Научная статья

УДК 343.2

doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.019

Неотвратимость уголовной ответственности в законе, теории и правоприменительной практике

ВЯЧЕСЛАВ ПЕТРОВИЧ СИЛКИН

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, silkin.viacheslaw@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены проблемные аспекты принципа неотвратимости уголовной ответственности. Приведена научная дискуссия по вопросу содержания данного принципа и отражения его в законе. Подчеркнута исключительная роль принципа неотвратимости не только при назначении уголовного наказания, но и при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности. Констатированы и обоснованы выводы о нарушении рассматриваемого принципа при регистрации и расследовании преступлений. Приведены примеры нарушения судами принципа неотвратимости ответственности при рассмотрении уголовных дел, назначении несправедливых уголовных наказаний. Приведен пример положительного зарубежного опыта отражения в уголовном законе рассматриваемого принципа. Сделан и обоснован вывод о необходимости включения в отечественный уголовный закон принципа неотвратимости уголовной ответственности в редакции, выработанной уголовно-правовой наукой: «Всякое лицо, в действиях или бездействии которого содержится состав преступления, подлежит наказанию или иным мерам воздействия, предусмотренным уголовным законом».

Ключевые слова: принципы уголовного права; неотвратимость уголовной ответственности.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Силкин В. П. Неотвратимость уголовной ответственности в законе, теории и правоприменительной практике // *Ius publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2023. № 2 (22). С. 168–176. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.019.

Original article

Inevitability of Criminal Liability in Law, Theory and Law Enforcement Practice

VYACHESLAV P. SILKIN

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, silkin.viacheslaw@yandex.ru

Abstract. The article discusses problematic aspects of the principle of the inevitability of criminal liability. A scientific discussion is given on the content of this

principle and its reflection in the law. The exceptional role of the inevitability principle is emphasized not only in the imposition of criminal punishment, but also in resolving the issue of exemption from criminal liability. Conclusions about the violation of the principle under consideration during the registration and investigation of crimes are stated and substantiated. Examples of the courts' violation of this principle when considering criminal cases and imposing unfair criminal penalties are given. Positive foreign experience of the reflection of the principle under consideration in the criminal law is described. It is concluded and substantiated that the domestic criminal law should include the principle of the criminal liability inevitability in the wording developed by criminal law science: "Any person whose actions or inaction contain the corpus delicti is subject to punishment or other measures of influence provided for by criminal law".

Key words: principles of criminal law; inevitability of criminal liability.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Silkin V.P. Inevitability of criminal liability in law, theory and law enforcement practice. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 2 (22), pp. 168–176. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.019.

Неотвратимость уголовной ответственности не закреплена законодателем в качестве принципа уголовного права в гл. 1 УК РФ, где перечислены другие принципы. Из этого можно сделать вывод, что законодатель либо вовсе не считает неотвратимость уголовной ответственности принципом уголовного права, либо не придает ему важного значения.

В то же время представляется, что рассматриваемый принцип – главный среди всех принципов уголовного права, без него уголовное право теряет всякий смысл. Такую роль отводил данному принципу, например, еще советский исследователь П. А. Фефелов, правда, именуя его «неотвратимостью наказания» [1]. Профессор Э. Ф. Побегайло называет неотвратимость уголовной ответственности принципом-идеалом, руководящим ориентиром, которого должна придерживаться правоприменительная деятельность, направленная на борьбу с преступностью [2, с. 115].

Профессор С. Г. Келина и академик В. Н. Кудрявцев неотвратимость уголовной ответственности относили к числу принципов уголовного права, понимая под ним следующее: «всякое лицо, в действиях или бездействии которого содержится состав преступления, подлежит наказанию или иным мерам воздействия, предусмотренным уголовным законом» [3, с. 128–129].

Такого же мнения (неотвратимость ответственности включает не только применение наказания, но и иных мер воздействия) придерживается ряд современных авторов. Например, профессор А. А. Нечепуренко в связи с этим оперирует термином «принцип неотвратимости уголовно-правового принуждения» [4, с. 114]. Доцент Н. Н. Апостолова институт освобождения от уголовной ответственности с применением альтернативных мер воздействия, связанных с заглаживанием вреда, причиненного преступлением, также считает (и вполне обоснованно, когда речь идет о преступлениях небольшой и средней тяжести) реализацией принципа неотвратимости уголовной ответственности [5].

Автор настоящей статьи по этому поводу писал, что ч. 2 ст. 43 о целях наказания следует из УК РФ исключить, одновременно дополнив кодекс ст. 8.1 «Цели уголов-

ной ответственности», имея в виду, что одинаковые цели должны преследоваться законодателем и правоприменителем не только при назначении наказания, но и при освобождении от уголовной ответственности [6, с. 175].

Профессор Н. С. Артемьев [7], а также профессор Н. А. Исаев совместно с М. В. Баранчиковой [8] предлагают дополнить гл. 1 УК РФ принципом неотвратимости уголовной ответственности. Профессор В. Б. Малинин, предлагая новую редакцию гл. 1 УК РФ и назвав ее «Общие положения», ст. 2 посвятил неотвратимости уголовной ответственности [9].

Таким образом, в работах многих отечественных ученых принципу неотвратимости уголовной ответственности обоснованно отводится существенная роль. В то же время не лишен данный вопрос и дискуссионности, по нашему мнению, подчеркивающей его значимость.

Так, профессор А. И. Коробеев неотвратимость ответственности относит к числу принципов уголовно-правовой политики, а не уголовного права [10, с. 35, 38–42]. По мнению профессора Н. А. Беляева, рассматриваемый принцип применительно к уголовному праву правильно следует именовать все же «неотвратимость наказания», так как «неотвратимость ответственности» – общеправовой, а не уголовно-правовой принцип [11, с. 229]. Доцент Т. Р. Сабитов писал, что «в настоящее время принцип неотвратимости ответственности не является принципом российского уголовного права, а его существование запечатлено только в истории» [12, с. 65], затем отнес неотвратимость ответственности не к принципам уголовного права, а к принципам юридической ответственности [13, с. 26].

Не углубляясь далее в терминологическую дискуссию, отметим существенные проблемы реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности на практике.

Первая проблема реализации данного принципа в современной российской правоприменительной практике заключается, на наш взгляд, в чрезвычайной латентности преступности. При этом, по официальным статистическим данным, число зарегистрированных преступлений в России в целом устойчиво снижается с небольшими колебаниями.

Так, по данным МВД России, снижение числа зарегистрированных преступлений отмечалось на территории страны в 2016 г. на 9,6 %, в 2017 г. на 4,7 %, в 2018 г. на 3,3 %. В 2019 г. преступлений зарегистрировано на 1,6 % больше, чем в предыдущем году, в 2020 г. рост составил 1 %. Однако далее, в 2021 г., в 58 субъектах Российской Федерации вновь отмечается снижение преступности: зарегистрировано 2004,4 тыс. преступлений, или на 1,9 % меньше, чем в 2020 г.; в январе–сентябре 2022 г. зарегистрировано 1498 тыс. преступлений, что на 1,5 % меньше, чем в аналогичном периоде 2021 г. [14].

Можно ли полностью доверять приведенным статистическим показателям? Представляется, что вряд ли. По нашему мнению, для столь последовательного снижения преступности отсутствуют серьезные объективные основания: экономические, социальные, политические, правовые и иные факторы, которые, как правило, влияют на состояние преступности.

В действительности, по оценке профессора В. В. Меркурьева (в интервью журналу), реальная цифра преступлений в год колеблется в промежутке от 10 до 12 млн,

то есть на учет ставится не более 20 % совершаемых преступлений. Об этом говорит тот факт, что по поступившим, например, в 2017 г. в органы внутренних дел 30,6 млн сообщений о преступлениях зарегистрировано только 2,1 млн преступлений – имеется расхождение в 14,9 раз, и оно ежегодно увеличивается, что косвенно свидетельствует о росте числа незарегистрированных преступлений [15].

Примерно к таким же выводам, используя схожие методы исследований, приходят профессор Б. Я. Гаврилов [16], доцент О. Ю. Комарова [17] и другие исследователи.

Профессор Э. Ф. Побегайло со ссылкой на данные Генеральной прокуратуры Российской Федерации также указывает, что, по экспертным оценкам, в России ежегодно регистрируется не более 20–30 % фактически совершаемых преступлений, из числа зарегистрированных криминальных деяний раскрывается немногим более 50–60 % [2, с. 114]. Профессор Н. С. Артемьев приводит данные о более чем 20 млн ежегодно совершаемых в стране преступлений, регистрации не более 5 % фактов коррупции, снижении раскрываемости даже по зарегистрированным преступлениям [7].

Таким образом, вторая проблема реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности – низкая раскрываемость преступлений. Согласно официальным данным МВД России, показатель раскрываемости преступлений составляет около 52 % [14].

Исходя из этого следует констатировать нарушение принципа неотвратимости уголовной ответственности: поскольку регистрируется и ставится на учет только меньшая часть совершенных преступлений, а из числа зарегистрированных раскрывается в лучшем случае каждое второе, не приходится говорить о том, что всякое лицо, совершившее преступление, привлекается к уголовной ответственности.

Следующая проблема реализации рассматриваемого принципа – явление, которое в криминологии принято называть селективностью (избирательностью) уголовной юстиции. Речь идет о таких случаях, когда к уголовной ответственности на практике привлекаются в основном лица, доступные правосудию. Причины данного явления различны: это и излишняя криминализация, когда правоохранительные органы просто не успевают «переварить» всех лиц, совершивших малозначительные деяния [18, с. 309], и избирательное применение уголовного закона в силу нарушения принципа равенства граждан перед законом, и неправильное применение уголовного закона при решении вопросов об освобождении от уголовной ответственности, а также при назначении наказания.

Не приводя в рамках данной статьи примеры избирательного применения (а точнее неприменения) уголовного закона, которые, вероятно, известны каждому юристу, обратим внимание на несколько ситуаций, на наш взгляд, неправильного применения уголовного закона, выразившегося в несправедливых процессуальных решениях.

Так, можно напомнить факты осуждения бывшего министра юстиции России Ковалева В., которому за взятки и хищения бюджетных средств Московский городской суд в 2001 г. назначил наказание в виде 9 лет лишения свободы условно с испытательным сроком 5 лет, а также бывшего министра России по атомной энергии Адамова Е., которому в 2008 г. Замоскворецкий суд г. Москвы за хищения бюджетных

средств, измеряющиеся в миллионах долларов, назначил 5,5 лет лишения свободы с отбыванием в ИК общего режима, однако суд второй инстанции – Мосгорсуд, руководствуясь непонятно какими соображениями, заменил наказание на условное осуждение [19].

Приведем менее известные (но, по всей видимости, типичные для страны) примеры.

В 2015 г. Вологодским городским судом рассмотрено уголовное дело в отношении бывшего руководителя бюро № 8 – филиала ФКУ «Главное бюро медико-социальной экспертизы Вологодской области» Г. В судебном заседании установлено, что Г. за взятки в размере от 3 до 100 тыс. руб. обеспечивала назначение инвалидности гражданам без прохождения необходимой по закону процедуры. Лже-инвалиды после этого не только получали пенсии, но и использовали свою мнимую нетрудоспособность для оформления льгот по оплате услуг ЖКХ и налогов. В общей сложности Г. судом признана виновной в совершении 135 преступлений: 49 эпизодов злоупотребления полномочиями, 49 – служебного подлога и 37 фактов получения взяток – всего на сумму свыше полутора миллионов рублей. Подсудимой назначено наказание только в виде штрафа в размере 10 млн руб. с лишением права занимать ответственные должности на срок два года. При этом во время обыска у Г. дома оперативники обнаружили лежащими на видных местах конверты с деньгами на общую сумму около 14 млн руб., не считая изъятых дорогостоящих ювелирных изделий [20].

В октябре 2019 г. Вологодский городской суд и вовсе прекратил уголовное дело в отношении М., которая обвинялась в пяти эпизодах коррупционных преступлений. В частности, М. в период работы в должности руководителя регионального управления Фонда соцстраха, злоупотребляя должностными полномочиями, в нарушение законодательства о государственных закупках способствовала своей близкой подруге заключить пять государственных контрактов на обеспечение средствами гигиены инвалидов на общую сумму более 35 млн руб. Несмотря на столь крупный ущерб, причиненный государству ограничением конкуренции (не считая падения авторитета органов государственной власти, так называемых имиджевых потерь), суд освободил М. от уголовной ответственности, ограничившись назначением судебного штрафа в 40 тыс. руб. [21].

Подобных примеров можно приводить много. В связи с этим справедливо, на наш взгляд, указывает действующий судья С. В. Калинин, что за совершением преступления, как правило, должно следовать наказание [22]. Другими словами, представляется, что случаи освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, примирением с потерпевшим или вследствие применения недавно изобретенного института (так называемого назначения судебного штрафа) должны быть все же исключением из правила, равно как и условное осуждение. Если такие факты становятся правилом, значит либо имеется дефект закона (излишняя криминализация или пенализация), либо искажение воли законодателя в процессе правоприменительной практики.

Кроме того, по нашему мнению, следует согласиться с доцентом А. В. Комарницким в том, что неотвратимость ответственности означает, что каждый правонарушитель несет ответственность за содеянное с учетом степени общественной

опасности и вредности деликта, формы вины и иных факторов, индивидуализирующих меры ответственности [23].

Приведенные примеры судебной практики, к сожалению, свидетельствуют: во-первых, об избирательности уголовной юстиции, поскольку обычные должностные лица за коррупционные преступления (например, сотрудник ГИБДД, не составивший протокол, или преподаватель, поставивший студенту отметку за незаконное вознаграждение) в случае выявления, как правило, наказываются лишением свободы в реальном либо условном его вариантах; во-вторых, о нарушении принципов справедливости и равенства граждан перед законом по признакам должностного и имущественного положения; в-третьих, о том, что принцип неотвратимости уголовной ответственности (справедливой уголовной ответственности) в настоящее время в России не только не закреплён в законе, но и не всегда реализуется на практике.

Подводя итог, отметим, что принцип неотвратимости уголовной ответственности в настоящее время нарушается как фактами нерегистрации преступлений по разным причинам, так и недостаточной раскрываемостью зарегистрированных преступлений и принятием несправедливых (не соответствующих характеру и степени общественной опасности деяния и иным обстоятельствам) правоприменительных решений по раскрытым преступлениям.

В связи с этим представляется, что в целях реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности этот принцип должен быть закреплён в уголовном законе, например в редакции, предложенной С. Г. Келиной и В. Н. Кудрявцевым: «Всякое лицо, в действиях или бездействии которого содержится состав преступления, подлежит наказанию или иным мерам воздействия, предусмотренным уголовным законом».

Дополнительным аргументом в пользу предлагаемого дополнения уголовного закона являются результаты сравнительно-правового анализа. Так, если мы обратимся к зарубежному законодательному опыту, то увидим, что принцип неотвратимости ответственности в настоящее время закреплён, например, в ст. 3 Уголовного кодекса Республики Беларусь в следующей редакции: «Каждое лицо, признанное виновным в совершении преступления, подлежит наказанию или иным мерам уголовной ответственности. Освобождение от уголовной ответственности или наказания допускается лишь в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом» [24].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фефелов П. А. Неотвратимость наказания – важнейший принцип советского уголовного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1965. 22 с.
2. Побегайло Э. Ф. Специальные принципы уголовного судопроизводства // Публичное и частное право. 2013. № 2 (18). С. 114–126.
3. Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. М., 1988. 173 с.
4. Нечепуренко А. А. Уголовная ответственность: эволюция понятия и перспективы законодательного регулирования : моногр. Омск, 2014. 175 с.
5. Апостолова Н. Н. Неотвратимость уголовной ответственности и дискреционные начала уголовного судопроизводства // Государство и право. 2011. № 4. С. 107–110.
6. Силкин В. П. Уголовно-правовые санкции за преступления против собственности : моногр. М., 2021. 208 с.

7. Артемьев Н. С. Неотвратимость уголовной ответственности – важный фактор, влияющий на состояние и предупреждение рецидивной (пенитенциарной) преступности // Международный пенитенциарный журнал. 2015. № 4 (4). С. 12–15.
8. Исаев Н. А., Баранчикова М. В. Реализация принципов справедливости и неотвратимости уголовной ответственности в процессе правоприменительной деятельности органов внутренних дел // Юридическая мысль. 2008. № 1 (45). С. 87–95.
9. Малинин В. Б. Первая глава проекта нового Уголовного кодекса Российской Федерации – «Общие положения» // Научные достижения и открытия 2018 : сб. ст. VI Междунар. науч.-исследоват. конкурса. Пенза, 2018. С. 76–81.
10. Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса : моногр. М., 2019. 352 с.
11. Беляев Н. А. Принципы уголовного законодательства // Избранные труды. СПб., 2003. С. 209–237.
12. Сабитов Т. Р. О принципе неотвратимости ответственности в российском уголовном законодательстве // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 11 (62). С. 63–65.
13. Сабитов Т. Р. Уголовно-правовые принципы: понятие, система и виды : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 54 с.
14. Состояние преступности. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 20.01.2023).
15. Трифонов И. Преступления без наказания // Еженедельный журнал «Профиль». 2018. № 45 (60). 26 нояб. С. 16–23.
16. Гаврилов Б. Я. Латентная преступность и «административный» фактор ее регулирования: современное состояние и пути преодоления // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2015. № 3. С. 2–7.
17. Комарова О. Ю. О состоянии преступности в России: общие тенденции и закономерности // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 2 (52). С. 66–71.
18. Гилинский Я. И. Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Курс лекций. СПб., 2002. 384 с.
19. Самые громкие уголовные дела против российских министров. URL: http://rapsinews.ru/incident_publication/20131128/269889863.html (дата обращения: 20.01.2023).
20. В Вологодской области осуждена бывший руководитель бюро № 8 – филиала ФКУ «Главное бюро медико-социальной экспертизы Вологодской области» за злоупотребление должностным положением, служебные подлоги и взяточничество. URL: <https://vologda.sledcom.ru/news/item/926263> (дата обращения: 20.01.2023).
21. Суд прекратил уголовное преследование в отношении бывшего начальника Вологодского фонда. URL: <http://www.severinform.ru/index.php?page=newsfull&date=15-10-2019&newsid=263400> (дата обращения: 20.01.2023).
22. Калинин С. В. Обратная сила уголовного закона и принцип неотвратимости уголовной ответственности // Журнал российского права. 2008. № 1 (133). С. 70–75.
23. Комарницкий А. В. Неотвратимость и целесообразность уголовной ответственности несовершеннолетних: сравнительный анализ // Юридическая мысль. 2018. № 2 (106). С. 84–92.
24. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 13.05.2022). URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> (дата обращения: 20.01.2023).

REFERENCES

1. Fefelov P.A. *Neotvratimost' nakazaniya – vazhneishii printsip sovetskogo ugovnogo prava: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [The inevitability of punishment – the most

- important principle of Soviet criminal law: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Sverdlovsk, 1965. 22 p.
2. Pobegailo E.F. Special principles of criminal court proceedings. *Publichnoe i chastnoe pravo = Public and Private Law*, 2013, no. 2 (18), pp. 114–126. (In Russ.).
 3. Kelina S.G., Kudryavtsev V.N. *Printsipy sovetskogo ugolovnogo prava* [Principles of Soviet criminal law]. Moscow, 1988. 173 p.
 4. Nechepurenko A.A. *Ugolovnaya otvetstvennost': evolyutsiya ponyatiya i perspektivy zakonodatel'nogo regulirovaniya: monogr.* [Criminal liability: the evolution of the concept and prospects of legislative regulation: monograph]. Omsk, 2014. 175 p.
 5. Apostolova N.N. The inevitability of criminal liability and discretionary beginnings of criminal proceedings. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2011, no. 4, pp. 107–110. (In Russ.).
 6. Silkin V.P. *Ugolovno-pravovye sanktsii za prestupleniya protiv sobstvennosti: monogr.* [Criminal sanctions for crimes against property: monograph]. Moscow, 2021. 208 p.
 7. Artem'ev N.S. The inevitability of criminal responsibility is an important factor affecting the condition and prevention of recurrent (prison) crime. *Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi zhurnal = International Penitentiary Journal*, 2015, no. 4 (4), pp. 12–15. (In Russ.).
 8. Isaev N.A., Baranchikova M.V. Implementation of the principles of justice and inevitability of criminal responsibility in the process of law enforcement activity of internal affairs bodies. *Yuridicheskaya mysl' = Legal Thought*, 2008, no. 1 (45), pp. 87–95. (In Russ.).
 9. Malinin V.B. The first chapter of the draft of the new Criminal Code of the Russian Federation – “General provisions”. In: *Nauchnye dostizheniya i otkrytiya 2018: sb. st. 6 Mezhdunar. nauch.-issledovat. konkursa* [Scientific achievements and discoveries of 2018: collection of articles of the 6th International scientific contest]. Penza, 2018. Pp. 76–81. (In Russ.).
 10. Korobeev A.I. *Ugolovno-pravovaya politika Rossii: ot genezisa do krizisa: monogr.* [Criminal law policy of Russia: from genesis to crisis: monograph]. Moscow, 2019. 352 p.
 11. Belyaev N.A. Principles of criminal law. In: *Izbrannye Trudy* [Selected works]. Saint Petersburg, 2003. Pp. 209–237. (In Russ.).
 12. Sabitov T.R. On the principle of the inevitability of responsibility in Russian criminal legislation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2006, no. 11 (62), pp. 63–65. (In Russ.).
 13. Sabitov T.R. *Ugolovno-pravovye printsipy: ponyatie, sistema i vidy: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Criminal law principles: concept, system and types: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Ekaterinburg, 2019. 54 p.
 14. *Sostoyanie prestupnosti* [The state of crime]. Available at: <https://mvd.rf/folder/101762> (accessed January 20, 2023).
 15. Trifonov I. Crimes without punishment. *Ezhenedel'nyi zhurnal "Profil" = Weekly Journal "Profile"*, 2018, no. 45 (60), pp. 16–23. (In Russ.).
 16. Gavrilov B.Ya. Latent crime and “administrative” factor of its regulation: current state and ways of overcoming. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the of the Interior of the Russian Federation*, 2015, no. 3, pp. 2–7. (In Russ.).
 17. Komarova O.Yu. On the state of crime in Russia: general trends and patterns. *Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. Seriya: Gumanitarnye nauki = Bulletin of P.G. Demidov Yaroslavl State University*, 2020, no. 2 (52), pp. 66–71. (In Russ.).
 18. Gilinskii Ya.I. *Kriminologiya. Teoriya, istoriya, empiricheskaya baza, sotsial'nyi kontrol'. Kurs lektsii* [Criminology. Theory, history, empirical base, social control. Course of lectures]. Saint Petersburg, 2002. 384 p.
 19. *Samye gromkie ugovnyye dela protiv rossiiskikh ministrov* [The most high-profile criminal cases against Russian ministers]. Available at: http://rapsinews.ru/incident_publication/20131128/269889863.html (accessed January 20, 2023).

20. *V Vologodskoi oblasti osuzhdena byvshii rukovoditel' byuro No. 8 – filiala FKU "Glavnoe byuro mediko-sotsial'noi ekspertizy Vologodskoi oblasti" za zloupotreblenie dolzhnostnym polozheniem, sluzhebnye podlogi i vzyatochnichestvo* [In the Vologda Oblast, the former head of Bureau No. 8 – branch of the Federal State Institution "Main Bureau of Medical and Social Expertise of the Vologda Oblast" was convicted for abuse of official position, official forgery and bribery]. Available at: <https://vologda.sledcom.ru/news/item/926263> (accessed January 20, 2023).
21. *Sud prekratil ugovnoe presledovanie v otnoshenii byvshego nachal'nika Vologodskogo fonda* [The court terminated the criminal prosecution against the former head of the Vologda Foundation]. Available at: <http://www.severinform.ru/index.php?page=newsfull&date=15-10-2019&newsid=263400> (accessed January 20, 2023).
22. Kalinkin S.V. The retroactive force of the criminal law and the principle of the inevitability of criminal responsibility. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2008, no. 1 (133), pp. 70–75. (In Russ.).
23. Komarnitskii A.V. The inevitability and expediency of the corner responsibility of minors: comparative analysis. *Yuridicheskaya mysl' = Legal Thought*, 2018, no. 2 (106), pp. 84–92. (In Russ.).
24. *Ugolovnyi kodeks Respubliki Belarus' ot 09.07.1999 No. 275-Z (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 13.05.2022)* [Criminal Code of the Republic of Belarus No. 275-Z of July 9, 1999 (with amendments and additions as of May 13, 2022)]. Available at: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> (accessed January 20, 2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВЯЧЕСЛАВ ПЕТРОВИЧ СИЛКИН – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, silkin.viacheslaw@yandex.ru

VYACHESLAV P. SILKIN – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, silkin.viacheslaw@yandex.ru

Статья поступила 03.02.2023

Научная статья

УДК 343.8

doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.020

Возвращаясь к вопросу о дефинициях

ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ СТРОГОВИЧ

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия, ustrogovich@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1345-3220>

СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА БЕЛОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, sveta_1610@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7168-9747>

Аннотация. В статье приведены результаты анализа законодательных и иных нормативных правовых актов, решений высших судов Российской Федерации по вопросам, касающимся законодательного определения понятий и терминов уголовно-исполнительного законодательства; поднят вопрос о важности закрепления в законе норм-дефиниций как юридико-технического приема. Особенно это касается тех сфер правового регулирования, которые затрагивают права и свободы граждан. Вопросы деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, включая и ее работников, исполнения уголовных наказаний, содержания под стражей лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, относятся к одной из таких сфер регулирования. Для устранения имеющейся неопределенности в законодательстве предложены дефиниции таких понятий, как уголовно-исполнительная система, объекты уголовно-исполнительной системы, органы, исполняющие наказания.

Ключевые слова: дефиниция; норма; правоприменение; закон; уголовно-исполнительное право.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Строгович Ю. Н., Белова С. Н. Возвращаясь к вопросу о дефинициях // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 2 (22). С. 177–185. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.020.

Original article

Reviving a Question of Definitions

YURII N. STROGOVICH

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, ustrogovich@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1345-3220>

SVETLANA N. BELOVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, sveta_1610@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7168-9747>

Abstract. The article presents results of the analysis of legislative and other regulatory legal acts, as well as decisions of the supreme courts of the Russian Federation on issues related to the legislative definition of concepts and terms of penal legislation, and raises the question of the importance of fixing norms-definitions as a legal and technical technique. This is especially true of those areas of legal regulation that affect the rights and freedoms of citizens. The issues of the activity of the Russian penal system, including its employees, execution of criminal penalties, detention of persons suspected and accused of committing crimes, belong to these areas of regulation. To eliminate the existing uncertainty in the legislation, definitions of concepts, such as a penal system, objects of the penal system, and bodies executing punishments, are proposed.

Key words: definition; norm; law enforcement; law; penal law.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Strogovich Yu.N., Belova S.N. Reviving a question of definitions. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 2 (22), pp. 177–185. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.020.

Анализ законодательных и иных нормативных правовых актов, решений высших судов Российской Федерации позволил констатировать, что понятие «лицо, пропавшее без вести» достаточно широко используется в действующем законодательстве. В частности, это касается таких сфер регулирования, как деятельность правоохранительных органов и социальная защита граждан, включая членов семей военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов.

Вместе с тем законодательное закрепление дефиниции понятия «лицо, пропавшее без вести» отсутствует.

Вопрос об объявлении гражданина, пропавшего без вести, умершим разрешается судом в соответствии с положениями ст. 45 ГК РФ и ст. 276–279 ГПК РФ.

Данные законоположения не несут в себе какой-либо неопределенности (это следует из их содержания), которая делала бы не только невозможной, но даже затрудняющей их единообразное понимание и, соответственно, применение судами. Это видно и из судебной практики. В этой связи отсутствуют основания говорить о необходимости легального (законодательного) закреплении дефиниции понятия «лицо, пропавшее без вести» в связи с его неполнотой или противоречивостью либо неоднозначным применением судами.

Данный вывод вполне согласуется с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой «отсутствие легальной дефиниции того или иного понятия само по себе не может рассматриваться как вносящее в правовое регулирование неопределенность, не позволяющую субъектам соответствующих правоотношений и правоприменительным органам осознавать и единообразно применять правила поведения, установленные нормами, в которых данное понятие используется» [1].

Если же говорить в общем о целесообразности закрепления в законе норм-дефиниций как юридико-технического приема, то следует отметить, что их роль крайне важна. Особенно это касается тех сфер правового регулирования, которые затрагивают права и свободы граждан. Очевидно, что вопросы деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, включая и ее работников, исполнения уголовных наказаний, содержания под стражей лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, относятся к одной из таких сфер регулирования.

В рамках ранее изданного цикла статей, посвященных понятиям и терминам уголовно-исполнительного права, были рассмотрены вопросы об общем подходе к включению в уголовно-исполнительное законодательство определений терминов и понятий [2] и принципам этой отрасли права, уже содержащимся в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации или требующим своего законодательного закрепления [3].

В предлагаемой статье (будем считать ее возобновлением указанного цикла) внимание уделено нескольким закрепленным в уголовно-исполнительном законодательстве понятиям. При этом содержащие их законоположения (иногда это одновременно два или более федеральных законов), как правило, не дают возможности исчерпывающе и точно определить, что следует понимать под этими понятиями, хотя в большей или меньшей степени позволяют получить ответ на этот вопрос частично.

В качестве иллюстрации тезиса о том, что далеко не все термины и понятия требуют законодательного закрепления, обратим внимание на два близких понятия – «гарантии социальной защиты работников УИС» и «социальные гарантии персоналу», которые содержатся в ст. 9, 10.1, 14.1, 33.1 и 36 Закона Российской Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 (ред. от 29.12.2022) «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы».

Несмотря на широкое применение этих понятий в нормативных актах различного уровня, на что уже обращали внимание исследователи [4; 5], их обобщенных дефиниций законодательство не содержит. В отдельных нормативных актах встречаются лишь перечни социальных гарантий (гарантий социальной защиты), предоставляемых отдельным категориям граждан, которые при этом и сформулированы по-разному: в виде социальных прав и правомочий, направленных на обеспечение наиболее общего (конституционного) права; в виде льгот, то есть преимуществ, дополнительных прав, предоставленных отдельным категориям граждан; в виде мер социальной поддержки, перечень которых определен для конкретных категорий получателей, и т. п. [6]. В юридической литературе также не выработано единого понимания социальных гарантий и гарантий социальной защиты.

Вместе с тем нормы, в которых содержатся эти понятия, не несут в себе какой-либо неопределенности и, следовательно, не содержат предпосылок для различного их толкования в процессе правоприменения. То есть разработка дефиниций этих и смежных с ними понятий («социальная поддержка», «меры социальной поддержки», «меры социальной помощи», «гарантии социальной поддержки») представляется необязательной. Кроме того, указанные понятия относятся к другой отрасли права (права социального обеспечения); их применение в уголовно-испол-

нительном законодательстве не требует учета специфики этой сферы правового регулирования.

Теперь перейдем к предлагаемым ниже дефинициям с пояснением того, почему предложены именно такие формулировки.

Понятие «уголовно-исполнительная система» содержится в законе Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (преамбула, ст. 5, 11, 24 и др.); УИК РФ (ст. 15 и др.); федеральных законах от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (ст. 7, 16 и др.) и от 10.06.2008 № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» (ст. 2 и др.).

Уголовно-исполнительная система – единая централизованная система, возглавляемая федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции в сфере исполнения уголовных наказаний и в других установленных уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации сферах деятельности, а также иные установленные федеральными законами функции (в частности, функция в сфере образования), включающая также в свой состав:

- создаваемые по решению руководителя федерального органа уголовно-исполнительной системы подчиненные территориальные органы, осуществляющие часть его функций в соответствии с установленной компетенцией;

- создаваемые по решению Правительства Российской Федерации учреждения, исполняющие уголовные наказания (за исключением учреждений, предназначенных для исполнения уголовных наказаний в отношении военнослужащих), осуществляющие функции в сфере исполнения уголовных наказаний в соответствии с установленной компетенцией и подчиненные федеральному органу уголовно-исполнительной системы или его территориальным органам;

- создаваемые по решению руководителя федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний, следственные изоляторы – учреждения, предназначенные для содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, осуществляющие свои функции в соответствии с установленной компетенцией и подчиненные федеральному органу уголовно-исполнительной системы или его территориальным органам;

- создаваемые по решению Правительства Российской Федерации специальные подразделения – учреждения, предназначенные для осуществления медико-санитарного обеспечения осужденных и лиц, содержащихся под стражей, охраны, розыска, конвоирования, оперативно-технических и поисковых мероприятий, обеспечения безопасности, выполнения задач специального назначения, осуществляющие указанные функции согласно установленной компетенции и подчиненные федеральному органу уголовно-исполнительной системы или его территориальным органам;

- иные организации, созданные для обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы в различных организационно-правовых формах (образова-

тельные организации высшего образования, научно-исследовательские организации, государственные унитарные предприятия и др.), осуществляющие функции в соответствующей сфере деятельности согласно установленной компетенции и подчиненные федеральному органу уголовно-исполнительной системы или его территориальным органам;

- имущество, закрепленное за федеральным органом уголовно-исполнительной системы и его территориальными органами, учреждениями, исполняющими уголовные наказания, следственными изоляторами, специальными подразделениями и иными организациями на праве хозяйственного ведения или оперативного управления;

- лиц, проходящих федеральную государственную службу на должностях в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы либо находящихся в их распоряжении (сотрудники уголовно-исполнительной системы и федеральные гражданские государственные служащие);

- лиц, работающих по трудовому договору в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы (рабочие и служащие).

В качестве обоснования предложенной дефиниции отметим, что определения одного из важнейших понятий уголовно-исполнительного законодательства «уголовно-исполнительная система» не содержится ни в одном из федеральных законов. Положения преамбулы, ст. 5 и других статей закона «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» даже во взаимосвязи друг с другом не могут считаться таковым.

В предлагаемой достаточно пространной дефиниции отражены наиболее существенные признаки, характеризующие уголовно-исполнительную систему:

- централизованный иерархический характер построения ее организационной структуры с подчиненностью нижестоящих территориальных органов вышестоящему федеральному органу уголовно-исполнительной системы, а учреждений – соответствующему органу (территориальному или федеральному);

- единство составляющих ее организационную структуру элементов, обусловленное общностью целей и решаемых задач. Федеральный орган уголовно-исполнительной системы, его территориальные органы, учреждения осуществляют свою деятельность не разрозненно и, находясь во взаимодействии и взаимозависимости, составляют единую систему;

- включение в состав уголовно-исполнительной системы обеспечивающих ее деятельность ресурсов – имущества, то есть совокупности материальных объектов (зданий, сооружений, технических средств и т. п.), финансовых средств и имущественных прав, а также работающих в ней (проходящих службу) людей.

Это позволяет рассматривать уголовно-исполнительную систему в качестве государственного института, ведающего исполнением уголовных наказаний. По форме подобные государственные институты представляют собой совокупность лиц и учреждений, снабженных определенными материальными средствами, осуществляющих определенные законодательством государственные функции.

В дефиниции учтено некорректно сформулированное положение ч. 1 ст. 11 вышеуказанного закона об имуществе уголовно-исполнительной системы и его использовании, так как по смыслу ст. 2, 124 и 125 ГК РФ уголовно-исполнительная система,

не являющаяся юридическим лицом или органом государственной власти, не может быть участником имущественных отношений. Кроме этого, в числе составляющих организационную структуру элементов указаны специальные подразделения, не названные в ст. 5 закона «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы».

Содержащиеся в дефиниции формулировки основаны на нормах действующего законодательства и по возможности унифицированы. Так, в частности, использовано понятие «иные организации», созданные для обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы в различных организационно-правовых формах, а не «иные учреждения», поскольку по смыслу ст. 48 ГК РФ именно организация является родовым понятием для организаций, учреждений и предприятий. Учреждения (в том числе федеральные бюджетные или федеральные казенные) и государственные унитарные предприятия (в том числе казенные) являются организациями, созданными в соответствующих организационно-правовых формах.

Обратимся к понятию «объекты уголовно-исполнительной системы», которые содержатся в ст. 12 закона «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы».

Объекты уголовно-исполнительной системы – материальные объекты, используемые органами и учреждениями уголовно-исполнительной системы для осуществления своих полномочий и включающие:

- здания, строения, сооружения, в том числе объекты незавершенного строительства, инженерно-технические коммуникации, транспортные средства, закрепленные на праве хозяйственного ведения или оперативного управления за органами и учреждениями уголовно-исполнительной системы, а также земельные участки, находящиеся в постоянном (бессрочном) пользовании указанных органов и учреждений;

- здания, строения, сооружения, транспортные средства, земельные участки, в том числе лесные участки, акватории рек, предоставленные учреждениям уголовно-исполнительной системы в пользование на определенный срок;

- принадлежащие организациям, не входящим в уголовно-исполнительную систему, производственные объекты (производственные участки, мастерские, иные помещения, участки местности и др.), на которых работают привлекаемые к труду осужденные.

Статья 12, иные положения закона «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» не дают исчерпывающего ответа на вопрос, что именно следует понимать под объектами уголовно-исполнительной системы, хотя и содержат ряд признаков, позволяющих получить ответ частично.

Во-первых, в их число входят объекты, предназначенные для содержания и труда осужденных, которые подлежат охране специальными подразделениями ФСИН России.

Во-вторых, безопасность объектов обеспечивается специально создаваемыми для этих целей подразделениями.

Между тем, если ориентироваться только на положения ст. 12 и истолковывать их буквально, то принадлежащие уголовно-исполнительным инспекциям служебные здания (помещения) не могут считаться объектами уголовно-исполнительной

системы, так как закон, как следует из его преамбулы, определяет основы деятельности только органов и учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы.

Однако целый ряд статей УИК РФ (ст. 25, 26, 85, 129 и др.) и ст. 16 федерального закона «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» содержат термин «объекты», подразумевающий места трудоустройства и содержания осужденных, в том числе приговоренных к наказаниям, не связанным с лишением свободы.

Эти и другие моменты, в частности особенности привлечения к труду осужденных, содержащихся в лесных исправительных учреждениях, перевозки осужденных автомобильным и железнодорожным транспортом, привлечения их к труду на объектах организаций, не входящих в уголовно-исполнительную систему, послужили основой для предложенной дефиниции.

При этом в определение данного понятия не включены материальные объекты, временно не используемые учреждениями уголовно-исполнительной системы, но находящиеся под их надзором и контролем. В частности, речь идет об организациях, арендующих земельные участки у учреждений уголовно-исполнительной системы, здания, сооружения, помещения, находящиеся на балансе этих учреждений, являющихся при этом объектами ведомственного санитарно-эпидемиологического надзора.

Рассмотрим понятие «органы, исполняющие наказания», которое содержится в законе «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (преамбула ст. 2, 11, 12, 16 и др.) и УИК РФ.

Органы, исполняющие наказания, – федеральные органы государственной власти, а также органы военного управления, к компетенции которых федеральными законами отнесено исполнение уголовных наказаний соответствующих видов. К их числу в соответствии с УИК РФ относятся:

- федеральный и территориальные органы принудительного исполнения, судебные приставы-исполнители структурных подразделений которых исполняют уголовное наказание в виде штрафа (ст. 6.1 Федерального закона от 21.07.1997 № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации», ст. 5 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»);
- федеральные суды, исполняющие уголовное наказание в виде лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград;
- органы военного управления в лице командования гарнизонов и воинских частей, исполняющие уголовные наказания в отношении военнослужащих в виде ареста и ограничения по военной службе соответственно (федеральный и территориальный органы принудительного исполнения, федеральные суды и органы военного управления в состав уголовно-исполнительной системы Российской Федерации не входят);
- федеральный орган уголовно-исполнительной системы, осуществляющий непосредственно или через свои территориальные органы закрепленные за ним полномочия по реализации задачи исполнения остальных видов уголовных наказаний.

Анализ преамбулы закона «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», ст. 16 УИК РФ показывает наличие некоторой неопределенности в вопросе о том, что следует понимать под органами, исполняющими наказания.

Так, преамбула определяет основы деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы и составляющих единую уголовно-исполнительную систему. Исходя из ее буквального толкования во взаимосвязи с положениями ст. 5, 7 и 8 данного закона, а также изданного во исполнение ст. 8 Указа Президента Российской Федерации от 13.10.2004 № 1314 (ред. от 11.04.2022) «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» к числу органов, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, относятся федеральный и территориальные органы уголовно-исполнительной системы.

Однако в ст. 16 УИК РФ «Учреждения и органы, исполняющие наказания» ни федеральный, ни территориальные органы уголовно-исполнительной системы вообще не названы, а к числу органов, исполняющих наказание, отнесены только суд, вынесший приговор о наказании в виде лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, а также органы принудительного исполнения, должностные лица которых исполняют наказание в виде штрафа. Остальные виды наказаний исполняются учреждениями уголовно-исполнительной системы, дисциплинарными воинскими частями и командованием гарнизонов и воинских частей (то есть уполномоченными должностными лицами органов военного управления гарнизонов и воинских частей).

Поэтому предложенная дефиниция служит для устранения имеющейся неопределенности. Содержащиеся в ней формулировки основаны на соответствующих нормах УИК РФ, закона «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», Положения о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 13.10.2004 № 1314, федеральных законов «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации», «Об исполнительном производстве», «Об обороне».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Г. Ахмадеевой, С. И. Лысяка и А. Н. Сергеева : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 08.12.2017 № 39-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2018. № 2.
2. Антипов А. Н., Первозванский В. Б., Строгович Ю. Н. К вопросу об основных понятиях и терминах уголовно-исполнительного права // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2014. № 6. С. 3–6.
3. Антипов А. Н., Первозванский В. Б., Строгович Ю. Н. К вопросу о принципах уголовно-исполнительного законодательства // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2015. № 5. С. 22–25.
4. Королева Я. Ю. Договор с руководителем. Что с кого спрашивать? // Руководитель бюджетной организации. 2013. № 7. С. 32–41.

5. Алексеев С. В., Мирошина М. Ю. Понятие и источники социальных гарантий лицам, завершившим профессиональную спортивную деятельность // Юридический мир. 2016. № 10. С. 58–62.
6. Серегина Л. В. Социальные гарантии в сфере занятости населения: понятие, признаки и классификация // Журнал российского права. 2011. № 2. С. 73–81.

REFERENCES

1. In the case of checking the constitutionality of the provisions of articles 15, 1 064 and 1 068 of the Civil Code of the Russian Federation, Subparagraph 14 of Paragraph 1 of Article 31 of the Tax Code of the Russian Federation, Article 199.2 of the Criminal Code of the Russian Federation and Part 1 of Article 54 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation in connection with the complaints of citizens of G.G. Akhmadeeva, S.I. Lysyak and A.N. Sergeev: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 39-P of December 8, 2017. In: *Vestnik Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation]. 2018. No. 2. (In Russ.).
2. Antipov A.N., Pervozvanskii V.B., Strogovich Yu.N. On the issue of fundamental concepts and terms of criminal-executory law. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie = Criminal-Executory System: law, economy, management*, 2014, no. 6, pp. 3–6. (In Russ.).
3. Antipov A.N., Pervozvanskii V.B., Strogovich Yu.N. Revisiting principles of the criminal and penal legislation. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie = Criminal-Executory System: law, economy, management*, 2015, no. 5, pp. 22–25. (In Russ.).
4. Koroleva Ya.Yu. Contract with the head. What to ask from whom? *Rukovoditel' byudzhetnoi organizatsii = Head of a Budget Organization*, 2013, no. 7, pp. 32–41. (In Russ.).
5. Alekseev S.V., Miroshina M.Yu. The concept and sources of social protection for persons who finished professional sporting activity. *Yuridicheskii mir = Legal World*, 2016, no. 10, pp. 58–62. (In Russ.).
6. Seregina L.V. Social guarantees in the field of employment: concept, signs and classification. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2011, no. 2, pp. 73–81. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ СТРОГОВИЧ – государственный советник юстиции 3 класса, старший научный сотрудник НИЦ-1 Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, ustrogovich@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1345-3220>

СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА БЕЛОВА – кандидат юридических наук, начальник организационно-научного отдела Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, sveta_1610@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7168-9747>

YURII N. STROGOVICH – State Counselor of Justice of the 3rd class, Senior Researcher at the Research Center-1 of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, ustrogovich@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1345-3220>

SVETLANA N. BELOVA – Candidate of Sciences (Law), Head of the Organizational and Research Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, sveta_1610@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7168-9747>

Статья поступила 04.05.2023

Научная статья

УДК 343.8

doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.021

Проблемные аспекты исполнения наказания в виде обязательных работ

ЮЛИЯ ВИТАЛЬЕВНА ЮРОВА

Владимирский юридический институт ФСИН России, Владимир,
Россия

Владимирский государственный университет имени
А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия
yurovayulua@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4495-213X>

АСИЯ РАДМИРОВНА ПАТРИКЕЕВА

Владимирский юридический институт ФСИН России, Владимир,
Россия, wonder222@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемным вопросам организации исполнения наказания в виде обязательных работ. Предметом здесь выступают теоретические, правовые и организационные аспекты исполнения уголовного наказания в виде обязательных работ. Объектом рассмотрения являются общественные отношения, возникающие в процессе исполнения обязательных работ. Авторы останавливаются на проблемных аспектах служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительных инспекций при исполнении наказания в виде обязательных работ. Делается попытка выявить существующие организационно-правовые проблемы исполнения наказания в виде обязательных работ и сформулировать пути их решения. Авторами сформулированы конкретные предложения по внесению изменений в действующее уголовно-исполнительное законодательство по исполнению наказания в виде обязательных работ.

Ключевые слова: обязательные работы; уголовно-исполнительная инспекция; привлечение к труду; органы местного самоуправления.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Юрова Ю. В., Патрикеева А. Р. Проблемные аспекты исполнения наказания в виде обязательных работ // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 2 (22). С. 186–194. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.021.

Original article

Problematic Aspects of the Execution of Punishment in the Form of Compulsory Labor

YULIYA V. YUROVA

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Vladimir, Russia

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs,
Vladimir, Russia

yurovayulua@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4495-213X>

ASIYA R. PATRIKEEVA

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Vladimir, Russia, wonder222@yandex.ru

Abstract. The article considers problematic issues of organizing execution of punishment in the form of compulsory labor. Its subject is theoretical, legal and organizational aspects of the execution of criminal punishment in the form of compulsory labor. The object of consideration is social relations arising in the process of performing mandatory work. The authors dwell on problematic aspects of official activities of employees of criminal executive inspections in the execution of punishment in the form of compulsory labor. An attempt is made to identify current organizational and legal problems of punishment in the form of compulsory work and to develop ways for their solution. The authors formulate proposals to amend current penal legislation in terms of execution of punishment in the form of compulsory labor.

Key words: compulsory work; criminal executive inspection; involvement in labor; local self-government bodies.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Yurova Yu.V., Patrikeeva A.R. Problematic aspects of the execution of punishment in the form of compulsory labor. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 2 (22), pp. 186–194. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.021.

На современном этапе развития гражданского общества уголовно-исполнительная политика направлена на гуманизацию. Цель законодательства заключается не в «запугивании» жестокими наказаниями, а в проведении с осужденными эффективной воспитательной и профилактической работы. Важным блоком реализации данного гуманистического направления является наличие в действующем уголовном законодательстве значительного количества уголовных наказаний, альтернативных лишению свободы. При исполнении наказаний, не связанных с изоляцией от общества, осужденным предоставляется возможность показать суду и обществу свое исправление в типичных для него условиях социальной среды, без отрыва от семьи и работы.

Согласно официальной статистике ФСИН России на конец 2008 г. на учете уголовно-исполнительных инспекций (далее – УИИ, инспекция) состояло 12 867 осуж-

денных к обязательным работам, по состоянию на конец 2021 г. – 29 910, то есть в течение последних двенадцати лет количество осужденных к обязательным работам возросло фактически в два с половиной раза (см. рис.). Если рассмотреть удельное количество осужденных к обязательным работам от общего числа подучетных лиц УИИ на конец 2021 г., то оно составляет 6,11 % [1].

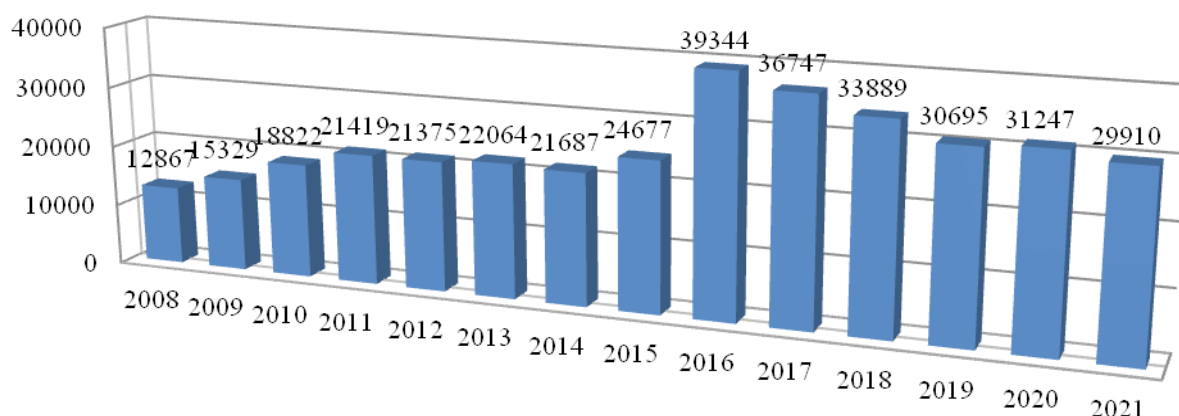

Рис. Количество осужденных к обязательным работам, состоящих на учете УИИ, на конец отчетного периода

Важно обратить внимание на тот факт, что увеличение количества осужденных к обязательным работам существенно возросло в 2016 г. Данный факт обусловлен принятием Федерального закона от 31.12.2014 № 528-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения», на основании которого в Уголовный кодекс Российской Федерации добавлена ст. 264.1 «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутому административному наказанию», предусматривающая уголовную ответственность за повторное управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения лицами, ранее привлекаемыми к административной ответственности за аналогичные действия. Согласно официальным данным ФСИН России на декабрь 2016 г. на учете в УИИ состояло 39 344 осужденных к обязательным работам, за аналогичный период 2015 г. – 24 677, то есть за один год количество осужденных к обязательным работам значительно увеличилось [1].

Приоритетными направлениями Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. являются совершенствование уголовно-исполнительной политики в целях ее гуманизации путем развития сети исправительных центров и создание системы пробации. Современным прототипом будущей службы пробации являются подразделения УИИ.

Тему исполнения наказания в виде обязательных работ изучали П. Н. Красоткин, А. П. Кузнецов, А. В. Новиков, С. И. Паканич, Д. Н. Слабкая, Р. М. Усманова, А. А. Устинов, В. Ф. Филиппова и др.

Доктор юридических наук Российской Федерации, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федера-

ции А. П. Кузнецов, изучая уголовно-правовую природу наказания, выделил основные признаки и обозначил эффективность обязательных работ [2, с. 522]. Кандидат юридических наук С. И. Паканич и В. Ф. Филиппова в своем исследовании рассматривали проблемы привлечения к труду осужденных к обязательным работам ввиду нежелания работодателя сотрудничать с лицами, отбывающими уголовные наказания, а также перспективы развития службы пробации в Российской Федерации [3, с. 71]. Кандидат юридических наук А. А. Устинов рассматривал вопросы по расширению круга лиц, в отношении которых могло бы применяться наказание в виде обязательных работ, а также обратил внимание на территориальные аспекты при направлении осужденных на обязательные работы [4, с. 342]. П. Н. Красоткин рассматривал вопросы организации воспитательной работы с осужденными к обязательным работам [5, с. 56–60]. Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор А. В. Новиков и Д. Н. Слабая в своем исследовании указывают на необходимость применения наказаний, альтернативных лишению свободы, с учетом современных тенденций развития общества [6, с. 130]. Доктор юридических наук Р. М. Усманова рассматривала проблемные вопросы определения органами местного самоуправления объектов и мест для отбывания наказаний в виде исправительных и обязательных работ на основе анализа актов прокурорского реагирования [7, с. 163].

Авторами статьи проводилось исследование путем включенного наблюдения на базе нескольких филиалов УИИ разных территориальных органов. Также нами был проведен опрос 20 сотрудников УИИ различных территориальных органов ФСИН России по проблемным аспектам исполнения наказания в виде обязательных работ.

Обязательные работы – это вид уголовного наказания, при котором осужденный выполняет бесплатные, общественно полезные работы на объектах, определенных органами местного самоуправления, в свободное от основной работы или учебы время. К основным источникам, регламентирующим порядок исполнения обязательных работ, относятся: Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, приказ Минюста России от 20.05.2009 № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» (далее – Инструкция № 142).

В настоящее время обязательные работы являются одним из самых эффективных видов уголовного наказания. Данное утверждение можно подтвердить следующими фактами. Во-первых, труд выступает одним из основных средств исправления осужденных. Во-вторых, исполнение наказания не препятствует иной трудовой или учебной деятельности осужденного. В-третьих, осужденный, совершивший преступление, приносит пользу обществу, при этом государство не расходует денежные средства на его содержание. Вместе с тем при очевидных плюсах исполнения наказания в виде обязательных работ сотрудники УИИ сталкиваются с рядом проблем.

Основная задача сотрудников инспекций – своевременно привлечь к труду осужденных к обязательным работам. Согласно нормам УИК РФ администрация муниципалитета, в котором проживает осужденный, обязана определить виды работ и объекты, на которых он будет отбывать свое наказание. Согласно мнению опрошенных сотрудников УИИ, к основным проблемам привлечения осужденных к труду на

начальном этапе можно отнести следующие обстоятельства. В ряде населенных пунктов, где проживают осужденные к обязательным работам, вообще отсутствуют какие-либо организации, где осужденный мог бы отбывать наказание. В таких случаях сотрудники вынуждены направлять осужденного в организацию, ближайшую к его постоянному месту жительства. При этом вероятность того, что осужденный будет ежедневно тратить денежные средства на проезд для выполнения бесплатных работ, существенно сокращается. Также на практике встречаются случаи, когда график работы осужденного по основному месту работы совпадает с графиком работы наиболее оптимальной по удаленности организации для отбывания наказания. Немаловажен и вопрос отсутствия у муниципальных органов предприятий, на которых могут трудоустраиваться осужденные к обязательным работам.

Аналогичную проблему отсутствия объектов отбывания наказания в населенных пунктах рассматривала доктор юридических наук Р. М. Усманова [7, с. 162]. В своем исследовании она указала на факт отсутствия прямого законодательного закрепления полномочий органов местного самоуправления по определению объектов и мест для отбывания наказаний в виде обязательных и исправительных работ в нормах Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – федерального закона № 131-ФЗ). Отсутствие понимания между органами местного самоуправления и инспекциями по вопросу определения объектов для отбывания обязательных работ отрицательно сказывается на исполнении осужденными назначенного наказания. Один из вариантов решения указанной проблемы мы видим во внесении изменения в ч. 1 ст. 14, 15, 16 федерального закона № 131-ФЗ, дополнив их подпунктом, который следует изложить в следующей редакции: «определение мест, видов и объектов для отбывания уголовных наказаний в виде обязательных и исправительных работ и решение иных вопросов в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством» [8, с. 37]. Однако при исполнении наказания в виде обязательных работ данное предложение необходимо конкретизировать.

Законодательно не определено, какие работы можно считать общественно полезными. В связи с чем органы местного самоуправления могут включать в перечень объектов для отбывания обязательных работ любые организации, отбывая наказание в которых осужденный будет приносить пользу не обществу, а конкретному лицу (руководителю организации). В обязанности районных администраций входит: поддержание в надлежащем состоянии скверов, парков, прибрежных территорий, а также остановок общественного транспорта, тротуаров, пешеходных дорожек, проезжей части. На основании вышеизложенного положения ч. 1 ст. 25 УИК РФ и предложенные изменения в федеральный закон № 131-ФЗ необходимо конкретизировать, указав, что деятельность осужденного должна быть связана с благоустройством муниципальных образований, обслуживанием улично-дорожных сетей городов или районов. Данная конкретизация поможет органам местного самоуправления определиться с объектами для отбывания обязательных работ, при этом результаты труда принесут пользу обществу.

При исполнении наказания в виде обязательных работ сложно реализовать принцип рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения. Важным проблемным

аспектом является факт отсутствия меры стимулирования осужденных, отбывающих наказание без нарушений. Данную проблему мы уже рассматривали и предлагали в качестве меры поощрения предоставлять осужденным отпуск в период отбывания наказания в случае предоставления отпуска по основному месту работы [9, с. 33]. Вместе с тем в ходе настоящего исследования сформулирована еще одна мера поощрения, которая могла бы повысить эффективность данного вида наказания. В отношении осужденных, добросовестно исполняющих уголовное наказание, можно предусмотреть разрешение на отработку обязательных работ до 6 часов в день. Данная мера могла бы положительно отразиться на осужденных, которые работают сменами, сутками, так как у них есть свободные дни, когда они ничем не заняты, и, соответственно, есть рабочие дни, когда они просто не могут покинуть рабочее место без потери заработка. Такая мера поощрения станет мощным стимулом добропорядочного и ответственного подхода к отбыванию обязательных работ.

Кроме того, согласно действующему уголовно-исполнительному законодательству УИИ обязана провести с осужденным беседу, в ходе которой необходимо предупредить о недопущении нарушений. Такая беседа проводится в случаях нарушения осужденным порядка и условий отбывания наказания, выразившегося в недобросовестном отношении к труду, уклонении от работы на определенном для него объекте либо если он не сообщил об изменении места жительства, а также не явился в инспекцию по вызову без уважительных причин [10, с. 110]. Важно отметить, что нормы УИК РФ не определяют исчерпывающий перечень нарушений, за допущение которых осужденного необходимо предупреждать в письменном виде согласно п. 56 Инструкции № 142.

По мнению опрошенных сотрудников, определение исчерпывающего перечня нарушений, за которые осужденные к обязательным работам будут предупреждаться в письменном виде, способствовало бы существенному облегчению принятия решения по предупреждению осужденных к обязательным работам. Исходя из норм уголовно-исполнительного законодательства, осужденных к обязательным работам надо предупреждать и за неявку в УИИ по вызову, и за смену места жительства без уведомления сотрудников УИИ, так как указанные факты являются обязанностью осужденных. При этом, если обратиться к нормам УИК РФ и рассмотреть тех лиц, которых можно признать злостно уклоняющимися, напрашивается вывод, что, сколько бы осужденный к обязательным работам не являлся в инспекции, сколько бы он не менял место жительства без уведомления сотрудников УИИ, заменить ему наказание не представляется возможным. При этом на вынесение предупреждения осужденному сотрудникам УИИ необходимо потратить значительное количество рабочего времени, которого всегда не хватает.

Таким образом, несмотря на все объективные преимущества наказания в виде обязательных работ, сотрудники УИИ сталкиваются с рядом сложностей при его исполнении.

Рассмотренные проблемы можно попытаться решить путем внесения следующих изменений в национальное уголовно-исполнительное законодательство.

Во-первых, внести изменения в ч. 1 ст. 25 УИК РФ, конкретизировав, что «вид обязательных работ по благоустройству территории муниципальных образований

и объекты, на которых они отбываются, определяются органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями».

Также, дополнить ч. 1 ст. 14, 15, 16 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» подпунктом, который следует изложить в следующей редакции: «определение объектов и видов работ по благоустройству территории муниципальных образований для отбывания уголовного наказания в виде обязательных работ».

Во-вторых, необходимо определить перечень нарушений, за которые осужденные к обязательным работам предупреждались бы в письменном виде, дополнив ч. 1 ст. 29 УИК РФ, следующим содержанием:

«Нарушением порядка и условий отбывания осужденным обязательных работ являются:

- 1) невыход на объект отбывания наказания без уважительных причин;
- 2) нарушение трудовой дисциплины».

В-третьих, включить в УИК РФ ст. 28.1 «Меры поощрения, применяемые к осужденным, отбывающим наказание в виде обязательных работ», которую следует изложить в следующей редакции:

«Статья 28.1. Меры поощрения, применяемые к осужденным к наказанию в виде обязательных работ:

За хорошее поведение и добросовестное отношение к труду уголовно-исполнительная инспекция может применять к осужденным следующие меры поощрения:

- а) разрешение на отработку до шести часов в выходной, праздничный или рабочий день;
- б) разрешение на невыход на объект отбывания наказания в период отпуска по основному месту работы или учебы».

Таким образом, важно отметить, что наказание в виде обязательных работ в настоящее время является именно тем видом уголовного наказания, которое отвечает требованиям как российского законодательства, так и международного права, и, как следствие, перспективно для развития и дальнейшего использования в судебной практике Российской Федерации. В то же время необходимо указать на то, что существующее законодательство, регулирующее вопросы исполнения наказания в виде обязательных работ, нуждается в совершенствовании.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Характеристика лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20Yil/> (дата обращения: 25.06.2022).
2. Кузнецов А. П. Обязательные работы – уголовно-правовая инновация в системе наказаний // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 516–523.
3. Паканич С. И., Филиппова В. Ф. Некоторые проблемы исполнения наказания в виде обязательных работ // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2022. № 2 (12). С. 65–73.
4. Устинов А. А. Наказания в виде обязательных работ и исправительных работ: проблемы правовой регламентации // IV Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» : материалы междунар. науч.-практ. конф. и круглых столов, к 140-летию уголов.-исполн. системы России и 85-летию Акад. ФСИН России : в 10 т. Рязань, 2019. Т. 3. С. 338–343.

5. Красоткин П. Н. Применение мер воспитательного воздействия при реализации обязательных работ и исправительных работ : моногр. Новокузнецк, 2018. 128 с.
6. Новиков А. В., Слабкая Д. Н. Альтернативные лишению свободы наказания. Исправительные и обязательные работы // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11, № 6-1. С. 127–132.
7. Усманова Р. М. Роль органов местного самоуправления в исполнении обязательных и исправительных работ // Территория науки. 2018. № 1. С. 160–164.
8. Горина Е. Е., Юрова Ю. В. Проблемы исполнения уголовного наказания в виде исправительных работ // Вестник Кузбасского института. 2021. № 4 (49). С. 31–40.
9. Егиньязова А. Р. Правовые и организационные аспекты исполнения уголовного наказания в виде обязательных работ // Актуальные проблемы пенитенциарной науки и практики. 2021. № 2 (16). С. 31–34.
10. Сторожев С. А. Определение понятия уголовного наказания в виде обязательных работ // Вестник молодого ученого Кузбасского института : сб. ст. Новокузнецк, 2017. С. 107–115.

REFERENCES

1. *Kharakteristika lits, sostoyashchikh na uchete v ugolovno-ispolnitel'nykh inspektsiyakh* [Characteristics of persons registered with criminal executive inspections]. Available at: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20YII/> (accessed June 25, 2022).
2. Kuznetsov A.P. Mandatory work – criminal law innovation in the system of punishments. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal Technique*, 2021, no. 15, pp. 516–523. (In Russ.).
3. Pakanich S.I., Filippova V.F. Some problems of execution of punishment in the form of compulsory labor. *Vestnik Tomskogo instituta povysheniya kvalifikatsii rabotnikov FSIN Rossii = Bulletin the Tomsk institute of advanced training of employees the FPS of Russia*, 2022, no. 2 (12), pp. 65–73. (In Russ.).
4. Ustinov A.A. Punishments in the form of compulsory labor and correctional labor: problems of legal regulation. In: *IV Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi forum "Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie": materialy mezhdunarod. nauch.-prakt. konf. i kruglykh stolov, k 140-letiyu ugo-lov.-ispoln. sistemy Rossii i 85-letiyu Akad. FSIN Rossii: v 10 t. T. 3* [IV International Penitentiary Forum "Crime, punishment, correction": materials of international scientific and practice conferences and round tables, dedicated to the 140th anniversary of the penal system of Russia and the 85th anniversary of the Academy of the FPS of Russia: in 10 volumes. Volume 3]. Ryazan, 2019. Pp. 338–343.
5. Krasotkin P.N. *Primenenie mer vospitatel'nogo vozdeistviya pri realizatsii obyazatel'nykh rabot i ispravitel'nykh rabot: monogr.* [Application of measures of educational influence in the implementation of compulsory works and correctional works: monograph]. Novokuznetsk, 2018. 128 p.
6. Novikov A.V., Slabkaya D.N. Penalties alternative to imprisonment. Correctional and compulsory labor. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava = Matters of Russian and International Law*, 2021, vol. 11, no. 6-1, pp. 127–132. (In Russ.).
7. Usmanova R.M. Role of local self-government bodies in the performance of compulsory and correctional labor. *Territoriya nauki = Territory of Science*, 2018, no. 1, pp. 160–164. (In Russ.).
8. Gorina E.E., Yurova Yu.V. Problems in the execution of criminal punishment in the form of correctional labour. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2021, no. 4 (49), pp. 31–40. (In Russ.).
9. Egin'yazova A.R. Legal and organizational aspects of the execution of criminal punishment in the form of compulsory labor. *Aktual'nye problemy penitentsiarnoi nauki i praktiki = Topical Problems of Penitentiary Science and Practice*, 2021, no. 2 (16), pp. 31–34. (In Russ.).

10. Storozhev S.A. Storozhev S. A. Definition of the concept of criminal punishment in the form of compulsory labor. In: *Vestnik mladogo uchenogo Kuzbasskogo instituta: sb. st.* [Bulletin of the young scientist of the Kuzbass Institute: collection of articles]. Novokuznetsk, 2017. Pp. 107–115. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЮЛИЯ ВИТАЛЬЕВНА ЮРОВА – старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, Владимир, Россия, аспирант кафедры психологии личности и специальной педагогики Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия, yurovayulua@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4495-213X>

АСИЯ РАДМИРОВНА ПАТРИКЕЕВА – курсант 5-го курса Владимирского юридического института ФСИН России, Владимир, Россия, wonder222@yandex.ru

YULIYA V. YUROVA – Senior Lecturer at the Department of Criminal and Executive Law of the Law Faculty of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia, Postgraduate Student of the Department of Personality Psychology and Special Pedagogy of the Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia, yurovayulua@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4495-213X>

ASIYA R. PATRIKEEVA – 5th year cadet of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia, wonder222@yandex.ru

Статья поступила 13.09.2022

Научная статья

УДК 340

doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.022

Защита конституционного права на жилое помещение лиц, находящихся в местах принудительного содержания или освободившихся из них

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА ШЕЛЕПИНА

Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия, shelepina@yandex.ru

Аннотация. Лица, находящиеся в местах принудительного содержания или освободившиеся из них, являются социально не защищенной категорией граждан, в том числе в сфере жилищных правоотношений. Конституция Российской Федерации гарантирует каждому право на жилище. Тем не менее в силу разных причин возникает необходимость защиты прав данной категории лиц, в частности при приватизации жилья, при неправомерном снятии с регистрационного учета и (или) выселении, при вступлении в наследство или при неправомерном отчуждении жилого помещения, как в силу правовой неграмотности самих пострадавших, так и в силу недобросовестных действий третьих лиц. На основе анализа законодательства и правоприменительной практики в статье анализируются способы защиты права на жилище в ситуации типичных нарушений для рассматриваемой категории лиц. Автором проведена историческая ретроспектива и определены тенденции развития жилищного законодательства в рассматриваемой сфере общественных отношений. В статье указаны юридически значимые обстоятельства, которые должен учесть суд при рассмотрении подобных споров, что обуславливает практическую значимость работы.

Ключевые слова: приватизация; жилые помещения; осужденные; защита; конституционное право; собственность.

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Шелепина Е. А. Защита конституционного права на жилое помещение лиц, находящихся в местах принудительного содержания или освободившихся из них // *lus publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 2 (22). С. 195–205. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.022.

Protection of the Constitutional Right to Housing of Persons in Places of Forced Detention or Released from Them

ELENA A. SHELEPINA

North-Western Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Vologda, Russia, shelepina@yandex.ru

Abstract. Persons who are in places of forced detention or have been released from them are a socially unprotected category of citizens, including in the sphere of housing legal relations. The Constitution of the Russian Federation guarantees everyone the right to housing. Nevertheless, due to various reasons, there is a need to protect the rights of this category of persons, in particular during privatization of housing, in case of illegal removal from registration and (or) eviction, when entering into inheritance or in case of illegal alienation of residential premises – both due to legal illiteracy of the victims themselves and unfair actions of third parties. Based on the analysis of legislation and law enforcement practice, the article analyzes ways of protecting the right to housing in a situation of typical violations for the considered category of persons. The author conducts a historical retrospective and identifies trends in the development of housing legislation in the sphere of public relations under consideration. The article describes legally significant circumstances that the court should take into account when considering such disputes, which determines practical significance of the work.

Key words: privatization; residential premises; convicts; protection; constitutional law; property.

5.1.3. Private law (civil law) sciences.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Shelepina E.A. Protection of the constitutional right to housing of persons in places of forced detention or released from them. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 2 (22), pp. 195–205. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.022.

Согласно ст. 40 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на жилище, никто не может быть произвольно лишен жилища. В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством при исполнении наказаний осужденным гарантируются права и свободы граждан Российской Федерации с изъятиями и ограничениями, установленными законом.

Соответственно, в жилищной сфере осужденные имеют те же права и обязанности, что и все иные граждане Российской Федерации и по своему усмотрению, в своих интересах осуществляют принадлежащие им жилищные права, в том числе распоряжаются ими. Как и гражданские права, жилищные права осужденных могут быть ограничены только на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ст. 1 ЖК РФ).

Действительно, ни гражданское, ни жилищное законодательство не предусматривают специального правового регулирования для лиц, находящихся в местах

принудительного содержания. Тем не менее, как показывает практика, данная категория лиц зачастую становится социально не защищенной, в том числе и в сфере жилищных прав. Наиболее частыми нарушениями жилищных прав здесь являются: незаконное снятие с регистрационного учета данной категории лиц, препятствие им в пользовании жилым помещением при освобождении из мест принудительного содержания, приватизация жилого помещения в отсутствие их согласия, незаконное отчуждение жилого помещения третьим лицам, отказ в приватизации по причине наличия задолженности по коммунальным услугам, подделка документов (доверенностей, договоров) и т. п.

Снятие гражданина с регистрационного учета по месту жительства производится органами регистрационного учета только по основаниям, указанным в ст. 7 Закона Российской Федерации от 25.06.1993 № 5242-1 «О праве граждан на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» [1] и в п. 31 постановления Правительства Российской Федерации от 17.07.1995 № 713 [2]. Таковыми основаниями являются: признание гражданина безвестно отсутствующим, объявление его умершим, смерть гражданина, изменение места жительства, выселение из занимаемого жилого помещения или признание утратившим право пользования жилым помещением (на основании вступившего в законную силу решения суда); выявление фактов фиктивной регистрации, а равно регистрации в жилом помещении по подложным документам или регистрации в результате неправомερных действий должностных лиц; изменение маршрутов кочевий или прекращение кочевого (полукочевого) образа жизни. Указанный перечень является исчерпывающим.

Таким образом, для лиц, отбывающих наказание, регистрация по месту жительства не прекращается и не взаимодействует с приобретением и реализацией права на жилище, поэтому, несмотря на временное отсутствие осужденного по месту жительства по причине лишения свободы, за ним сохраняется право пользования жилым помещением, в котором осужденный был зарегистрирован до отбывания наказания. Однако такая ситуация в национальном законодательстве и правоприменительной практике была далеко не всегда.

Ранее п. 8 ст. 60 ЖК РСФСР (в редакции, действовавшей до 23 июня 1995 г.) содержал иное правило, в силу которого при временном отсутствии нанимателя или членов его семьи за ними сохранялось жилое помещение в течение шести месяцев. Жилое помещение сохранялось за временно отсутствующими гражданами на более длительный срок в случаях осуждения к лишению свободы на срок свыше шести месяцев, ссылки или высылки – до приведения приговора в исполнение. По истечении этого срока они в судебном порядке могли быть признаны утратившими право пользования жилым помещением на основании с. 61 ЖК РСФСР. Основанием к снятию с регистрационного учета осужденных к лишению свободы являлся вступивший в законную силу приговор суда.

Однако в 1995 г. эта ситуация изменилась с принятием постановления Конституционного Суда Российской Федерации № 8-П, а именно: указанные выше нормы ЖК РСФСР были признаны не соответствующими ч. 1 ст. 40 и ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации. Конституционный Суд указал, что временное отсутствие гражданина (нанимателя жилого помещения или членов его семьи), в том числе в

связи с осуждением к лишению свободы, само по себе не может служить самостоятельным основанием лишения права пользования жилым помещением [3]. В дальнейшем в п. 8 ч. 2 ст. 60 ЖК РСФСР были внесены изменения, согласно которым в случае осуждения к лишению свободы право на жилую площадь сохраняется в течение всего срока отбывания наказания [4]. Однако лица, которые были осуждены до признания нормы неконституционной (по ранее действовавшему законодательству), не могут быть восстановлены в своих правах на жилое помещение, как свидетельствует практика. В случае освобождения таких лиц восстановление их в правах на ранее занимаемое жилое помещение весьма проблематично, особенно если помещение было отчуждено третьим лицам.

Так, в одном из дел при попытке вселения лица, освободившегося из мест лишения свободы, судом было установлено, что Т. не является членом семьи нанимателя спорного жилого помещения, ими в спорное жилое помещение не вселялся, не зарегистрирован в указанной квартире, наниматели возражают против пользования ответчиком спорной жилой площадью и иных законных оснований для его проживания и пользования жилыми помещениями, занимаемыми ответчиками, истец не имеет. Т. в силу п. 8 ст. 60 ЖК РСФСР утратил право пользования спорным жилым помещением, поскольку осуждение истца за уголовное преступление к лишению свободы, снятие его в связи с этим с регистрационного учета произведены в период действия закона в приведенной редакции [5].

Таким образом, при разрешении вопроса о восстановлении за гражданином права пользования квартирой, в которой он проживал до осуждения, имеет значение прежде всего время его осуждения.

Сегодня нахождение лица в местах лишения свободы не является основанием для его автоматического выселения, снятия с регистрационного учета или для признания утратившим право пользования жилым помещением. Такое непроживание и законодатель, и правоприменительные органы рассматривают как временное. Соответственно, при временном отсутствии нанимателя жилого помещения и (или) членов его семьи, включая бывших членов семьи, за ними сохраняются все права и обязанности по договору социального найма жилого помещения (ст. 71 ЖК РФ), в частности право участвовать в приватизации жилого помещения, право давать согласие на регистрацию иных лиц в данном жилом помещении, обязанность нести бремя его содержания и др. Если по освобождении лицо продолжает не проживать в жилом помещении, то такое длительное непроживание уже не может быть рассмотрено как временное и заинтересованные лица (наймодатель, наниматель, члены семьи нанимателя) вправе в судебном порядке признать лицо утратившим право на жилое помещение на основании ч. 3 ст. 83 ЖК РФ в связи с выездом в другое место жительства и расторжения с ним тем самым договора социального найма.

На этот счет Верховный Суд Российской Федерации указал, что при разрешении споров о признании нанимателя, члена семьи нанимателя или бывшего члена семьи нанимателя жилого помещения утратившими право пользования жилым помещением по договору социального найма вследствие их постоянного отсутствия в жилом помещении по причине выезда из него судам обязательно надлежит выяснять следующие обстоятельства: по какой причине и как долго ответчик отсутствует в жилом помещении, носит ли его выезд из жилого помещения вынужденный харак-

тер (конфликтные отношения в семье, расторжение брака) или добровольный, временный (работа, обучение, лечение и т. п.) или постоянный (вывез свои вещи, переехал в другой населенный пункт, вступил в новый брак и проживает с новой семьей в другом жилом помещении и т. п.), не чинились ли ему препятствия в пользовании жилым помещением со стороны других лиц, проживающих в нем, приобрел ли отклик право пользования другим жилым помещением в новом месте жительства, исполняет ли он обязанности по договору по оплате жилого помещения и коммунальных услуг и др. [6].

В случае неправомерного воспрепятствования лицу, освободившемуся из мест лишения свободы, в пользовании жилым помещением, в том числе если его сняли с регистрационного учета, гражданин вправе обратиться в суд с иском об устранении (нечинении) препятствий в пользовании жилым помещением, о признании права пользования жилым помещением и (или) о вселении в него и возмещении убытков. В такой ситуации целесообразно обратиться сразу с заявлением в полицию, чтобы зафиксировать факт воспрепятствования и обеспечить доказательства для будущего рассмотрения дела в суде. Без обращения в суд гражданин может зарегистрироваться по прежнему месту жительства только при наличии согласия всех зарегистрированных лиц, постоянно проживающих по данному адресу (ст. 70 ЖК РФ). Что касается срока обращения в суд, то данный иск следует рассматривать как негаторный, следовательно, срок исковой давности на него не распространяется (ст. 208 ГК РФ).

Нередки ситуации, когда осужденный освобождается из мест лишения свободы, но не может вселиться в ранее занимаемую квартиру, так как жилое помещение с его согласия приватизировано членами его семьи, которые препятствуют ему во вселении. Между тем, согласно ст. 19 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации», бывшие члены семьи собственника приватизированного жилого помещения сохраняют право пожизненного пользования данным жилым помещением при условии, что в момент приватизации данного жилого помещения указанные лица имели равные права пользования этим помещением с лицом, его приватизировавшим [7]. Однако договором можно предусмотреть иное (например, условие о выплате соответствующей компенсации).

Даже если произошла цепочка сделок с жилым помещением, то требование лица, освободившегося из мест принудительного содержания и имеющего право пользования жилым помещением, о вселении в это жилое помещение подлежит удовлетворению, несмотря на наличие нового собственника жилья, поскольку его право пользования не прекратилось (не считая лиц, осужденных по ранее действовавшему законодательству РСФСР). Что же касается признания таких сделок недействительными, то это как раз может быть осложнено пропуском истцом срока исковой давности по тем или иным обстоятельствам. Срок исковой давности о вселении начинает течь по общему правилу – с момента, когда лицо узнало о нарушении своего права, а не с момента освобождения из мест принудительного содержания.

Если лицо выехало из спорной квартиры добровольно, до момента заключения под стражу и/или лишения свободы, препятствий в пользовании жилым помещением со стороны других лиц ему не чинилось, обязанности по оплате жилого помещения и коммунальных услуг не исполнялись, суд придет к выводу об утрате им

права пользования квартирой по причине добровольного отказа в одностороннем порядке от исполнения договора социального найма [8]. Аналогичной будет ситуация, если, освободившись из мест лишения свободы, лицо не проживало по месту регистрации длительное время, вселиться не пыталось, обязанности по содержанию жилого помещения не исполняло.

Так, в одном из дел суд указал, что нахождение М.А.А. в местах лишения свободы не свидетельствует о вынужденном выезде ответчика из спорного жилого помещения, поскольку к моменту помещения его в места лишения свободы ответчик в спорном жилом помещении уже длительное время не проживал. Факт нахождения М.А.А. в местах лишения свободы не говорит об отсутствии возможности отстаивать свои интересы в отношении спорной квартиры, поскольку законом не ограничивается право указанных лиц на обращение за юридической помощью, а также на подачу заявлений, жалоб в органы государственной власти, суды. Иск заинтересованного лица о признании утратившим право пользования жилым помещением был удовлетворен [9].

Не могут быть произвольно лишены права пользования жилым помещением и лица, осужденные к пожизненному лишению свободы. Так, гражданин П. был осужден к пожизненному лишению свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии особого режима. В связи с этим Администрация г. Вологды 24 мая 2017 г. обратилась в суд с иском к П. о признании его утратившим право пользования жилым помещением. Суд, отказывая в удовлетворении требований администрации, исходил из того, что лицо, осужденное к лишению свободы, не утрачивает право пользования жилым помещением в течение всего периода отбывания наказания, поскольку его отсутствие в спорном жилом помещении в течение длительного времени носит вынужденный характер и не зависит от его волеизъявления, и пришел к выводу об отсутствии оснований для признания П. утратившим право пользования жилым помещением. Также судом было учтено, что ч. 3 ст. 50 Конституции Российской Федерации закрепляет право каждого осужденного за преступление обращаться с просьбой о помиловании или о смягчении наказания [10].

Если гражданин являлся членом семьи предыдущего собственника и его жилищные права в период отбывания наказания были нарушены, то смена собственника не влияет на защиту его жилищных прав. Так, осужденный (истец) был зарегистрирован в спорной квартире, собственником является супруга его умершего брата (ответчика). На момент заключения договора приватизации квартиры истец постоянно проживал в ней, участвовал в приватизации, являлся членом семьи предыдущего собственника (своей матери, которая на момент освобождения умерла). Однако ответчик выселила его из спорной квартиры, сменила замки, его личное имущество до настоящего времени находится в квартире. Истец оплачивает коммунальные платежи, что подтверждается квитанциями, освобожден условно-досрочно, желает вселиться в спорную квартиру, поскольку иного жилого помещения он не имеет. Учитывая изложенные обстоятельства, суд удовлетворил иск лица о вселении в данную квартиру и возмещении судебных расходов по оплате услуг адвоката в размере 20 тыс. руб. [11].

Возможны ситуации, когда за период отсутствия лица, находящегося в местах лишения свободы, его жилой дом признан непригодным для проживания и снесен,

а регистрация у лица в несуществующем доме сохранена. В таком случае в соответствии со ст. 86 ЖК РФ выселяемым гражданам органом государственной власти или органом местного самоуправления, принявшим решение о сносе такого дома, предоставляются другие благоустроенные жилые помещения по договорам социального найма. Соответственно, лицо имеет право требовать предоставления другого жилого помещения взамен утраченного вне очереди. Предоставление жилого помещения в связи с расселением из аварийного жилья регулируется специальными нормами, поэтому нет необходимости признания такого гражданина малоимущим и постановки на учет нуждающихся в предоставлении жилых помещений в порядке общей очереди [12; 13].

Часть судебных споров с участием лиц, находящихся в местах принудительного содержания, связана с выдачей ими доверенностей иным лицам на совершение сделок с жилыми помещениями. В одном из таких дел, находясь в местах лишения свободы, истец выдал на имя ответчика (своей матери) две доверенности, которыми уполномочил оформить на себя право на наследство (доля в праве собственности на квартиру), а также продать указанную квартиру и приобрести на имя истца иную квартиру в г. Екатеринбурге. По отбытии наказания истец узнал, что указанная квартира продана по заниженной цене – за 83 тыс. руб., денежные средства от продажи квартиры ему не передавались, квартира на его имя не приобретена. Истец обратился с иском о взыскании неосновательного обогащения, процентов за пользование чужими денежными средствами, убытков, судебных расходов. Но, поскольку в доверенности истец дал право ответчику продать долю в квартире за цену и на условиях по своему усмотрению, суд вынес решение о возмещении убытков только от указанной в договоре цены квартиры, без учета ее рыночной стоимости [14].

Еще один способ защиты – признание сделки недействительной и применение последствий ее недействительности – применяется, к примеру, в случае подделки доверенности от имени лица, находящегося в местах принудительного содержания, или его подписи на договоре. В таком случае следует признать недействительной сделкой как саму доверенность, так и совершенные на ее основании сделки в отношении жилья [15].

На практике встречаются ситуации, когда лицо необдуманно переоформляет квартиру на другое лицо на период своего нахождения в местах лишения свободы. Однако в дальнейшем вернуть жилье обратно будет практически нереально, во-первых, по причине возникновения добросовестного приобретателя, а во-вторых, по причине наличия эстоппеля (п. 5 ст. 166 ГК РФ).

Нахождение лица в местах принудительного содержания не освобождает его от исполнения гражданско-правовых, жилищных и иных обязательств и не относится к обстоятельствам непреодолимой силы, поскольку носит субъективный характер (ст. 401 ГК РФ). Соответственно, гражданин не может требовать перерасчета платы за коммунальные услуги, списания (аннулирования) задолженности, приостановления начисления платежей за коммунальные услуги в связи с неиспользованием жилого помещения и (или) нахождением в местах лишения свободы. Такие требования не основаны на законе, и суды отказывают в их удовлетворении. Однако несвоевременное исполнение обязанности по внесению платы за жилье и коммунальные услуги, связанное с нахождением ответчика в местах лишения свободы, где у него

отсутствовала возможность для надлежащего исполнения обязательств по погашению задолженности, может стать основанием для снижения неустойки судом по ст. 333 ГК РФ.

Важная новелла в целях защиты прав несовершеннолетних лиц появилась в 2018 г. в ст. 90 ЖК РФ, и касается она лиц, лишенных родительских прав, в отношении своих детей. Так, если совместное проживание граждан, лишенных родительских прав, с детьми, в отношении которых они лишены родительских прав, признано судом невозможным, законом субъекта Российской Федерации может быть предусмотрено выселение этих граждан в судебном порядке по требованию законных представителей несовершеннолетних, органа опеки и попечительства или прокурора в другое жилое помещение по договору социального найма, размер которого соответствует размеру жилого помещения, установленному для вселения граждан в общежитие (п. 2 ст. 90 ЖК РФ). Данная норма касается в том числе и лиц, лишенных родительских прав и освободившихся из мест лишения свободы. Но важно, что для ее реализации должен быть принят соответствующий закон субъекта Российской Федерации.

Таким образом, лицо, находящееся в местах принудительного содержания, сохраняет права на занимаемое им жилое помещение. Данное лицо не может быть произвольно лишено права пользования жилым помещением в связи с непроживанием, равно как и права на приватизацию жилого помещения, права его отчуждать или передавать в залог или распорядиться иным образом. Вместе с тем нахождение в местах принудительного содержания не является основанием освобождения от лежащих на гражданине обязанностей в отношении данного жилого помещения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О праве граждан на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации : закон Российской Федерации от 25.06.1993 № 5242-1 (ред. от 28.12.2022). URL: https://www.consultant.ru/dokument/cons_doc_LAW_2255/ (дата обращения: 28.04.2023).
2. Об утверждении Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации и перечня лиц, ответственных за прием и передачу в органы регистрационного учета документов для регистрации и снятия с регистрационного учета граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 17.07.1995 № 713 (ред. от 18.05.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7271/?ysclid=liln3w7yw3227997103 (дата обращения: 28.05.2023).
3. По делу о проверке конституционности части первой и пункта 8 части второй статьи 60 Жилищного кодекса РСФСР в связи с запросом Муромского городского народного суда Владимирской области и жалобами граждан Е. Р. Такновой, Е. А. Оглобина, А. Н. Ващука (с особым мнением судьи Конституционного Суда Российской Федерации Ю. М. Данилова) : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.06.1995 № 8-П. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/10006444/> (дата обращения: 01.02.2023).
4. О внесении изменения в статью 60 Жилищного кодекса РСФСР : федер. закон от 17.04.2001 № 48-ФЗ // Российская газета 2001. 19 апр.

5. Решение № М-7666/2013 2-179/14 2-8267/2013 2-179/2014(2-8267/2013;)~М-7666/2013 2-179/2014 от 24 февраля 2014 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/bwdq9VTF2eYR/> (дата обращения: 01.02.2023).
6. О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 02.07.2009 № 14 // Российская газета 2009. 8 июля.
7. О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2004 № 189-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1, ч. I. Ст. 15.
8. Дело № 33-3764/2017. URL: https://oblsud--vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=26788222&case_uid=374cd0a2-1159-4f6f-a370-927f487a9eaf&result=1&delo_id=5&new=5 (дата обращения: 01.02.2023).
9. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 24.09.2020 по делу № 88-14441/2020. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=27803316706606541962751225&cacheid=FE120DD19710D35D627F3E5AA39DF94A&mode=splus&base=KSOJ007&n=16027&rnd=F22B1203FF03074A94B9014841-F47D87#9zv8phkztqg> (дата обращения: 01.02.2023).
10. Дело № 33-6557/2017. URL: https://oblsud--vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=26810529&case_uid=a14a76eb-659f-4cb8-94ea-981710a77e91&result=1&delo_id=5&new=5 (дата обращения: 01.02.2023).
11. Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 22.12.2020 по делу № 88-7163/2020. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=KSOJ005;n=9404#03999769969147797> (дата обращения: 01.02.2023).
12. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 23.07.2020 № 88-4660/2020 по делу № 2-2051/2019. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=1352426282010256199057234672&cacheid=90C9034D4FDE9A81F95BEA8874681C8C&mode=splus&base=KSOJ009&n=7219&rnd=F22B1203FF03074A94B9014841F47D87#1i0c1bixnz6> (дата обращения: 01.02.2023).
13. Апелляционное определение Московского городского суда от 22.03.2018 по делу № 33-11572/2018. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=9193712E0EF786A2246E4E30D107F719&SORTTYPE=0&BASENODE=32910&ts=156252709802039133212093378&base=SOCN&n=974618&rnd=F22B1203FF03-074A94B9014841F47D87#5ef3nzcbs00> (дата обращения: 01.02.2023).
14. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 12.04.2019 по делу № 33-4785/2019. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=9193712E0EF786A2246E4E30D107F719&SORTTYPE=0&BASENODE=32909&ts=156252709802039133212093378&base=SOUR&n=238824&rnd=F22B1203FF03-074A94B9014841F47D87#7x0a3kef14g> (дата обращения: 01.02.2023).
15. Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 24.10.2018 по делу № 33-10727/2018. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=6020585420785552546905675&cacheid=02D9CE87E5212CC77043FB6B25E676DF&mode=splus&base=SOUG&n=152894&rnd=F22B1203FF03074A94B9014841F47-D87#4b7ejxpm8ho> (дата обращения: 01.02.2023).

REFERENCES

1. *O prave grazhdan na svobodu peredvizheniya, vybor mesta prebyvaniya i zhitel'stva v predelakh Rossiiskoi Federatsii: zakon Rossiiskoi Federatsii ot 25.06.1993 No. 5242-1 (red. ot 28.12.2022)* [On the right of citizens to freedom of movement, choice of place of stay and residence within the Russian Federation: Law of the Russian Federation No. 5242-1 of June 25, 1993 (as amended of December 28, 2022)]. Available at: https://www.consultant.ru/dokument/cons_doc_LAW_2255/ (accessed April 28, 2023).

2. *Ob utverzhdenii Pravil registratsii i snyatiya grazhdan Rossii-skoi Federatsii s registratsionnogo ucheta po mestu prebyvaniya i po mestu zhitel'stva v predelakh Rossiiskoi Federatsii i perechnya lits, otvetstvennykh za priem i peredachu v organy registratsionnogo ucheta dokumentov dlya registratsii i snyatiya s registratsionnogo ucheta grazhdan Rossiiskoi Federatsii po mestu prebyvaniya i po mestu zhitel'stva v predelakh Rossiiskoi Federatsii: postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 17.07.1995 No. 713 (red. ot 18.05.2023)* [On approval of the Rules for registration and de-registration of citizens of the Russian Federation at place of stay and at place of residence within the Russian Federation and the list of persons responsible for receiving and transferring to the registration authorities documents for registration and de-registration of citizens of the Russian Federation at place of stay and at place of residence within the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation No. 713 of July 17, 1995 (as amended of May 18, 2023)]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7271/?ysclid=liln3w7yw3227997103 (accessed May 28, 2023).
3. *Po delu o proverke konstitutsionnosti chasti pervoi i punkta 8 chasti vtoroi stat'i 60 Zhilishchnogo kodeksa RSFSR v svyazi s zaprosom Muromskogo gorodskogo narodnogo suda Vladimirovskoi oblasti i zhalobami grazhdan E.R. Taknovoi, E.A. Ogloblina, A.N. Vashchuka (s osobym mneniem sud'i Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii Yu.M. Danilova): postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 23.06.1995 No. 8-P* [In the case of checking the constitutionality of Part 1 and Paragraph 8 of Part 2 of Article 60 of the Housing Code of the RSFSR in connection with the request of the Murom City People's Court of the Vladimir Oblast and the stings of citizens E.R. Taknova, E.A. Ogloblin, A.N. Vashchuk (with a special opinion of the judge of the Constitutional Court of the Russian Federation Yu.M. Danilov): Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 8-P of June 23, 1995]. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/10006444/> (accessed February 1, 2023).
4. On amendments to Article 60 of the Housing Code of the RSFSR: Federal Law No. 48-FZ of April 17, 2001. *Rossiiskaya gazeta = Russian Newspaper*, 2001, April 19. (In Russ.).
5. *Reshenie No. M-7666/2013 2-179/14 2-8267/2013 2-179/2014(2-8267/2013;)-M-7666/2013 2-179/2014 ot 24 fevralya 2014 g.* [Decision No. M-7666/2013 2-179/14 2-8267/2013 2-179/2014(2-8267/2013;)-M-7666/2013 2-179/2014 of February 24, 2014]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/bwdq9VTF2eYR/> (accessed February 1, 2023).
6. On some issues that have arisen in judicial practice when applying the Housing Code of the Russian Federation: Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation No. 14 of July 2, 2009. *Rossiiskaya gazeta = Russian Newspaper*, 2009. July 8. (In Russ.).
7. On the introduction of the Housing Code of the Russian Federation: feder. the law of 29.12.2004 No. 189-FZ. In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. Ch. I.* [Collection of legislation of the Russian Federation. Part 1]. 2005. No. 1. Art. 15. (In Russ.).
8. *Delo No. 33-3764/2017* [Case No. 33-3764/2017]. Available at: https://oblsud-vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=26788222&case_uid=374cd0a2-1159-4f6f-a370-927f487a9eaf&result=1&delo_id=5&new=5 (accessed February 1, 2023).
9. *Opredelenie Sed'mogo kassatsionnogo suda obshchei yurisdiktsii ot 24.09.2020 po delu No. 88-14441/2020* [Ruling of the Seventh Cassation Court of General Jurisdiction of September 24, 2020 in case No. 88-14441/2020]. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=27803316706606541962751225&cacheid=FE120DD19710D35D627F3E5AA39DF94A&mode=splus&base=KSOJ007&n=16027&rnd=F22B1203FF03074A94B9014841F47D87#9zv8phkztqg> (accessed February 1, 2023).
10. *Delo No. 33-6557/2017* [Case No. 33-6557/2017]. Available at: https://oblsud-vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=26810529&case_uid=a14a76eb-659f-4cb8-94ea-981710a77e91&result=1&delo_id=5&new=5 (accessed February 1, 2023).

11. *Opređenje Pyatogo kassatsionnogo suda obshchei yurisdiksii ot 22.12.2020 po delu No. 88-7163/2020* [Ruling of the Fifth Cassation Court of General Jurisdiction of December 22, 2020 in case No. 88-7163/2020]. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=KSOJ005;n=9404#03999769969147797> (accessed February 1, 2023).

12. *Opređenje Devyatogo kassatsionnogo suda obshchei yurisdiksii ot 23.07.2020 No. 88-4660/2020 po delu No. 2-2051/2019* [Ruling of the Ninth Cassation Court of General Jurisdiction No. 88-4660/2020 of July 23, 2020 in case No. 2-2051/2019]. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=1352426282010256199057234672&cacheid=90C9034D4FDE9A81F95BEA8874681C8C&mode=splus&base=KSOJ009&n=7219&rnd=F22B1203FF03074A94B9014841F47D87#1i0c1bixnz6> (accessed February 1, 2023).

13. *Apellyatsionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 22.03.2018 po delu No. 33-11572/2018* [Appeal ruling of the Moscow City Court of March 22, 2018 in case No. 33-11572/2018]. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=9193712E0EF786A2246E4E30D107F719&SORTTYPE=0&BASENODE=32910&ts=156252709802039133212093378&base=SOEN&n=974618&rnd=F22B1203FF03074A94B9014841F47D87#5ef3nzcbs00> (accessed February 1, 2023).

14. *Apellyatsionnoe opredelenie Sverdlovskogo oblastnogo suda ot 12.04.2019 po delu No. 33-4785/2019* [Appeal ruling of the Sverdlovsk Regional Court of April 12, 2019 in case No. 33-4785/2019]. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=9193712E0EF786A2246E4E30D107F719&SORTTYPE=0&BASENODE=32909&ts=156252709802039133212093378&base=SOEN&n=238824&rnd=F22B1203FF03074A94B9014841F47D87#7x0a3kef14g> (accessed February 1, 2023).

15. *Apellyatsionnoe opredelenie Volgogradskogo oblastnogo suda ot 24.10.2018 po delu No. 33-10727/2018* [Appeal ruling of the Volgograd Regional Court of October 24, 2018 in case No. 33-10727/2018]. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=6020585420785552546905675&cacheid=02D9CE87E5212CC77043FB6B25E676DF&mode=splus&base=SOUG&n=152894&rnd=F22B1203FF03074A94B9014841F47D87#4b7ejxpm8ho> (accessed February 1, 2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА ШЕЛЕПИНА – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и гражданского процесса Северо-Западного института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия, shelepina@yandex.ru

ELENA A. SHELEPINA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Civil Law and Civil Procedure of the North-Western Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Vologda, Russia, shelepina@yandex.ru

Статья поступила 05.05.2023

Научная статья

УДК 34

doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.023

Публично-правовое применение института импичмента в англосаксонской правовой системе

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА КИРИЛОВСКАЯ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, natasha.8172@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9031-5182>

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ МИШАЛЬЧЕНКО

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, myv2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2162-0191>

МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА ТАРУТИНА

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Россия, Санкт-Петербург, M_makshakova_87@mail.ru

Аннотация. Институт импичмента, разработанный в средневековой Англии, был заимствован создателями Конституции Соединенных Штатов Америки, а затем был закреплен в большинстве конституций современных государств. Однако в политической системе Англии импичмент в настоящее время не применяется. Исследование причин упразднения данной нормы показало, что импичмент выступал не столько инструментом привлечения к ответственности должностных лиц, сколько инструментом политической борьбы и применялся в отношении непопулярных министров, обычно фаворитов двора, защищаемых королем. Показано, что импичмент является чрезвычайно сложным механизмом контроля исполнительной власти, и в настоящее время эффективность данного института является достаточно низкой, а сам механизм импичмента, на взгляд авторов, нуждается в реформации и актуализации.

Ключевые слова: импичмент; ответственность государственных должностных лиц; субъекты импичмента; англосаксонская правовая система.

5.1.5. Международно-правовые науки.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Кириловская Н. Н., Мишальченко Ю. В., Тарутина М. В. Публично-правовое применение института импичмента в англосаксонской правовой системе // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 2 (22). С. 206–212. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.023.

Public Law Application of the Impeachment Institution in the Anglo-Saxon Legal System

NATAL'YA N. KIRILOVSKAYA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, natasha.8172@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9031-5182>

YURII V. MISHAL'CHENKO

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, myv2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2162-0191>

MARINA V. TARUTINA

Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics, Saint Petersburg, Russia, M_makshakova_87@mail.ru

Abstract. The impeachment institution, developed in medieval England, was borrowed by the creators of the Constitution of the United States of America, and then enshrined in most constitutions of modern states. However, impeachment is not currently applied in the political system of England. The analysis of reasons for the abolition of this norm shows that impeachment was not so much an instrument of bringing officials to responsibility as an instrument of political struggle and was applied to unpopular ministers, usually favorites of the court, protected by the king. It is stated that impeachment is an extremely complex mechanism of control of the executive power, and currently the effectiveness of this institution is quite low, and the impeachment mechanism itself, in the authors' opinion, needs reformation and updating.

Key words: impeachment; responsibility of public officials; subjects of impeachment; Anglo-Saxon legal system.

5.1.5. International law sciences.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Kirilovskaya N.N., Mishal'chenko Yu.V., Tarutina M.V. Public law application of the impeachment institution in the Anglo-Saxon legal system. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 2 (22), pp. 206–212. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.023.

Импичмент представляет собой институт отстранения высших должностных лиц в результате совершения ими преступлений или иных деяний. Несмотря на то что субъектами импичмента в настоящее время могут выступать президенты, вице-президенты и иные должностные лица, в научной литературе и масс-медиа понятие импичмента тесно ассоциируется именно с процессом отрешения от должности первого лица государства, то есть президента [1]. В настоящее время исследования различных аспектов применения процедуры импичмента становятся достаточно актуальными, поскольку привлечение к ответственности в соответствии с данной

процедурой выходит за рамки правового поля и имеет ярко выраженные политические аспекты, то есть является следствием межпартийной или внутрипартийной борьбы [2].

Историко-ретроспективный анализ показывает, что механизмы реализации процедуры импичмента заимствованы из англосаксонской правовой системы и закреплены в конституциях современных демократических государств. Однако необходимо отметить, что в большинстве политических систем законодательно закрепленные процедуры не претерпевают существенных видоизменений, что не в полной мере соответствует требованиям современных обществ.

Совокупность перечисленных выше обстоятельств определяет актуальность и целесообразность анализа особенностей применения процедуры импичмента в английской правовой системе с целью определить основные предпосылки и причины признания данной нормы неэффективной. Таким образом, исходя из вышеизложенного, в данной статье мы остановимся на анализе практики применения импичмента в политической системе Англии с целью раскрытия потенциала развития данного института для повышения его эффективности в современных демократических обществах. При этом нами используется историко-хронологический подход.

Исследуя исторические аспекты возникновения, необходимо отметить, что институт импичмента впервые был формализован в Англии в XIV в. [3]. Согласно определению, представленному на официальном сайте Парламента Великобритании, импичмент – это «процедура привлечения к ответственности простолюдинов и пэров по обвинениям в тяжких преступлениях и проступках» [4]. Импичмент был средством, с помощью которого парламент мог преследовать и судить лиц, обычно занимающих государственные должности, за государственную измену или другие преступления и проступки.

Предпосылками возникновения и активного применения данного института послужили особенности распределения политических сил. Так, благодаря Великой хартии вольностей, даровавшей права всем подданным, а не только узкой прослойке лиц, в Англии с 1215 г. был достигнут относительный баланс в системе разделения политических властей. Король не мог получить тираническую власть, бароны не могли превратить страну в олигархию, а общины не могли установить демократическое правление [5].

Однако достигнутый баланс вовсе не означал отсутствие стремления каждой из сил захватить власть. Как показывает историко-ретроспективный анализ, английская история насчитывает около семидесяти импичментов: первый зарегистрированный импичмент произошел в 1376 г., а последний – в 1806 г. [4]. При этом исторический этап применения механизмов импичмента можно условно разделить на два периода: границы первого – с XIV в. и до середины XV в., то есть до основания династии Тюдоров, второго – XVII–XVIII вв. Рассмотрим далее особенности и предпосылки применения процедур импичмента для каждого из данных периодов времени.

В XIV в. наиболее значимым для анализа является самый первый зарегистрированный импичмент Уильяма, 4-го барона Латимера, который в результате карьерного роста на военной и гражданской службе стал одним из фактических правителей Англии в последние годы царствования Эдуарда III. Однако коррупция и расхищение государственной казны стали причиной инициации расследования в рамках сессии,

известной в исторических источниках как Хороший парламент (Good Parliament). Перечень обвинений в адрес Уильяма Латимера среди прочих включал продажу замка Сен-Савер врагу, освобождение вражеских кораблей после получения взятки, попытки заставить Корону погасить кредиты, которых никогда не существовало. Барону Латимеру был объявлен импичмент, он потерял место в Королевском совете и попал в тюрьму, где находился год. После смерти короля Эдуарда III сторонники барона Латимера использовали свое политическое влияние, чтобы добиться освобождения барона [6].

Впоследствии объектами импичмента часто становились политические деятели, обычно королевские министры, совершавшие хищения, государственную измену и иные преступления. Дело барона Уильяма Латимера знаменует собой событие, когда импичмент стал не только средством возбуждения уголовного дела, но и методом судебного разбирательства, позволяющим широким массам контролировать судебный процесс во избежание злоупотреблений со стороны представителей судебной власти.

Так, В. Б. Романовская и Т. Г. Минеева в процессе исследования обстоятельств импичмента герцога Саффолка (1450 г.) приходят к выводу, что контроль судебного процесса со стороны населения позволил Палате общин преодолеть сопротивление феодальной элиты и довести дело о государственной измене со стороны герцога до юридически оправданного результата [7].

В сущности, импичменты XIV в. служили целью наказания за государственную измену и коррупцию со стороны должностных лиц. Импичмент выступал сдерживающей силой против злоупотреблений со стороны лиц, занимающих государственные должности. На первом этапе своего развития институт импичмента был направлен исключительно на исправление неподобающего поведения государственных агентов и защиту государственной казны, с возможностью увольнения лица с назначенной должности.

Однако, как показывает исторический пример Уильяма Латимера, данный инструмент не был высокоэффективным, поскольку не гарантировал соблюдение меры пресечения в отношении обвиняемого лица. Английский историк и правовед J. G. Bellamy, рассматривая эволюцию закона о государственной измене, указывает, что несмотря на то, что общины были вольны инициировать импичменты, они не имели существенного влияния на дальнейший процесс. А поскольку суждение о виновности или невинности принималось лордами, то в некоторой степени инициативы Палаты общин обесценивались [6].

После середины XV в. в английской политической системе импичмент вышел из употребления до XVII в., когда он был возрожден как средство, с помощью которого парламент мог избавиться от непопулярных министров, обычно фаворитов двора, защищаемых королем. В течение XVII в. английский парламент неоднократно прибегал к импичменту против королевских фаворитов короля Карла I. Один из них, Томас Вентворт, граф Страффорд, в 1641 г. был подвергнут импичменту и осужден на смертную казнь за нарушение законов и попытку собрать ирландскую армию для подавления противников короля в Англии [4].

В XVIII в. импичмент уже не был сопряжен с риском казни, но в 1786 г. Палата общин начала самый известный и самый продолжительный судебный процесс по

делу об импичменте в британской истории. Нижняя палата парламента, Палата общин, объявила импичмент Уоррену Гастингсу, который ушел в отставку с поста генерал-губернатора Британской Индии за коррупцию и бесхозяйственность, а впоследствии вернулся в Англию [4]. Позиция Палаты общин в данном деле раскрывает достаточно актуальный юридический вопрос о том, могут ли быть чиновники подвергнуты импичменту и суду, даже если они больше не занимают государственную должность. Данное дело представило собой важный прецедент, который не позволяет государственным должностным лицам уходить от ответственности, покидая свой служебный пост. Суд над Гастингсом в верхней палате парламента, то есть в Палате лордов, фактически начался только в 1788 г. и завершился через семь лет оправдательным приговором. Данный процесс не был единственным делом об импичменте, занявшим Палату лордов на столь длительное время, что указывало на громоздкость процедуры импичмента. Таким образом, как инструмент проверки действий министров и других политических деятелей импичмент был признан неэффективным и вышел из употребления [4].

Таким образом, в XVII и XVIII вв. наиболее ярко проявляется тенденция присвоения Палатой общин судебных функций, где главным инструментом парламентской борьбы выступал именно механизм импичмента. Импичмент действовал в эпоху, когда парламент и суды имели очень ограниченный контроль над государственной властью. Однако, как отмечает историк и правовед А. М. Оверни, в период с XVII по XVIII в., то есть на втором этапе своего исторического развития, импичмент использовался как инструмент эскалации личных конфликтов между конкурирующими политическими партиями. По мнению историка, факты использования импичмента дестабилизировали политическую систему, поскольку усиливали трудности управления [8].

В Англии в качестве альтернативы импичмента были разработаны и внедрены механизмы, позволяющие обеспечить наилучшие результаты с точки зрения институциональной безопасности и управляемости обществом, в центре которых находится устав парламента о доверии или порицании.

Сложная система институтов вытеснила импичмент, используемый как средство контроля над исполнительной властью. Применительно к политической системе Англии можно выделить парламентские вопросы, расследования отдельных комитетов и независимых комитетов по расследованию. Принятие доктрины коллективной ответственности кабинета министров и использование вотума доверия способствовали отказу от импичмента в английской политической системе. Судебный надзор обеспечивает эффективную проверку законности действий государственных должностных лиц и министров правительства.

Подводя итоги проведенному выше анализу, необходимо отметить, что в современных демократических обществах применяется механизм импичмента, заимствованный из английской практики. В силу исторических особенностей законодательного закрепления данной нормы сама процедура импичмента не претерпевает каких-либо изменений с течением времени. Однако, как уже было указано ранее, импичмент является не столько инструментом привлечения к правовой ответственности, сколько инструментом политической борьбы [2].

Выдвигаемые в адрес государственных служащих и носящие чисто политический характер обвинения не должны иметь искусственных квазиправовых атрибутов. Как показывает исторический опыт, побудительным мотивом для объявления импичмента чаще всего становится снижение популярности государственных чиновников и утрата ими общественной поддержки. Однако основания для объявления импичмента являются закрепленными законодательно, и в качестве таких оснований выступают государственная измена, нарушение конституции, совершение тяжких преступлений и др. [1]. Данное несоответствие приводит к тому, что разбирательства по делам об импичменте выглядят политизированными, а институт импичмента используется как эквивалент вотума недоверия парламентской системе.

Сложная процедура импичмента, на наш взгляд, является устаревшей нормой, требующей реформации и адаптации для удовлетворения потребностей современных демократических обществ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тарутина М. В. Импичмент в контексте демократических институтов // *International Law Journal*. 2021. Т. 4, № 4. С. 109–113.
2. Тарутина М. В. Импичмент в Южной Корее, Бразилии и Парагвае: анализ причин и последствий // *Вопросы российского и международного права*. 2022. Т. 12, № 4А. С. 248–257.
3. Суровень Д. А. Процесс становления конституционного государства в Англии в конституционный период английской буржуазной революции (конец 1640 – начало 1642 годов) // *Историко-правовые проблемы: новый ракурс*. 2019. № 4. С. 56–94.
4. Caird J. S. Impeachment. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-7612/CBP-7612.pdf> (дата обращения: 15.01.2023).
5. Петрушевский Д. М. Великая хартия вольностей и конституционная борьба в английском обществе во второй половине XIII в. М., 2016. 243 с.
6. Bellamy J. G. *The Law of Treason in England in the later Middle Ages*. Cambridge, 1970. 266 p.
7. Романовская В. Б., Минеева Т. Г. Процесс по делу герцога Сеффолка 1450 г.: из истории преступления и наказания в средневековой Англии // *Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки*. 2011. № 4 (7). С. 94–96.
8. Ouverney Reflections about the rules of the impeachment and its impacts on democracy: Brazil, United States of America and England in comparative perspective. URL: <https://www.scielo.br/j/sdeb/a/VXC8DkTDYyNCgpQTSJXyJSw/?lang=en> (дата обращения: 10.01.2023).

REFERENCES

1. Tarutina M.V. Impeachment in the context of democratic institutions. *International Law Journal*, 2021, vol. 4, no. 4, pp. 109–113. (In Russ.).
2. Tarutina M.V. Impeachment in South Korea, Brazil and Paraguay: an analysis of causes and consequences. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava = Matters of Russian and International Law*, 2022, vol. 12, no. 4A, pp. 248–257. (In Russ.).
3. Suroven' D.A. The process of formation of the constitutional state in England during the constitutional period of the English bourgeois Revolution (late 1640 – early 1642). In: *Istoriko-pravovye problemy: novyi rakurs* [Historical and legal problems: new perspective]. 2019. No. 4. Pp. 56–94. (In Russ.).

4. Caird J.S. *Impeachment*. Available at: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-7612/CBP-7612.pdf> (accessed January 15, 2023).
5. Petrushevskii D.M. *Velikaya khartiya vol'nostei i konstitutsionnaya bor'ba v angliiskom obshchestve vo vtoroi polovine 18 v.* [Magna Carta and constitutional struggle in English society in the second half of the 18th century]. Moscow, 2016. 243 p.
6. Bellamy J.G. *The Law of Treason in England in the later Middle Ages*. Cambridge, 1970. 266 p.
7. Romanovskaya V.B., Mineeva T.G. The trial of the Duke of Seffolk in 1450: from the history of crime and punishment in medieval England. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki = Science Vector of Togliatti State University. Series: Legal Sciences*, 2011, no. 4 (7), pp. 94–96. (In Russ.).
8. Ouverney A.M. *Reflections about the rules of the impeachment and its impacts on democracy: Brazil, United States of America and England in comparative perspective*. Available at: <https://www.scielo.br/j/sdeb/a/VXC8DkTDYyNCgpQTSJXyJSw/?lang=en> (accessed January 10, 2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА КИРИЛОВСКАЯ – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, natasha.8172@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9031-5182>

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ МИШАЛЬЧЕНКО – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, myv2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2162-0191>

МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА ТАРУТИНА – ассистент кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия, M_makshakova_87@mail.ru

NATAL'YA N. KIRILOVSKAYA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of State and Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, natasha.8172@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9031-5182>

YURI V. MISHAL'CHENKO – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of State and Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, myv2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2162-0191>

MARINA V. TARUTINA – Assistant at the Department of Constitutional and International Law of the Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics, Saint Petersburg, Russia, M_makshakova_87@mail.ru

Статья поступила 17.03.2023